

НИИ АНТРОПОЛОГИИ МГУ

ТРУДЫ
IV

НАУКА О РАСАХ
И РАСИЗМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ АНТРОПОЛОГИИ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

1938 ТРУДЫ ВЫП. IV

57
H34

3000
НАУКА О РАСАХ
И РАСИЗМ

Вопросы
[Faint rectangular stamp]

54000

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1938 ЛЕНИНГРАД

INSTITUT FÜR ANTHROPOLOGIE DER MOSKAUER
STAATLICHEN UNIVERSITÄT

B243432/4

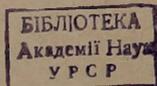
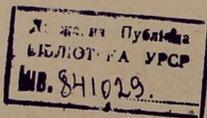
5/9p

B. IV

RASSENKUNDE UND RASSISMUS

Ответственный редактор

М. С. Плисецкий

~~24626~~

13099283

13050

Раньше „принято было“ думать, что мир разделен исками на низшие и высшие расы, на черных и белых, из коих первые неспособны к цивилизации и обречены быть объектом эксплуатации, а вторые являются единственными носителями цивилизации, призванными эксплуатировать первых. Теперь эту легенду нужно считать разбитой и отброшенной. Одним из важнейших результатов Октябрьской революции является тот факт, что она нанесла этой легенде смертельный удар, показав на деле, что освобожденные неевропейские народы, втянутые в русло советского развития, способны двинуть вперед действительно передовую культуру и действительно передовую цивилизацию ничуть не меньше, чем народы европейские.

**И. СТАЛИН. Международный характер
Октябрьской революции.**

Равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни является непреложным законом.

Каков бы то ни было прямой или косвенный ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности, равно как всякая проповедь расовой или национальной исключительности, или ненависти и пренебрежения — караются законом.

**Конституция (Основной закон) Союза Советских
Социалистических Республик. Статья 123.**

572
2

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник «Наука о расах и расизм» ставит своей целью вскрыть методологическую и методическую несостоятельность так наз. «теории» расизма, показать, что она по меткому замечанию товарища Сталина на XVII Съезде ВКП(б), «так же далека от науки, как небо от земли», что проповедь подобных «теорий» представляет собою лишь фальшивую попытку «теоретического» оправдания как империалистических захватов чужих территорий фашистскими государствами, так и политики закабаления ими трудящихся своих же стран. Нет сомнения, что именно теперь, когда «теории» расизма подняты идеологами наиболее реакционных и террористических слоев буржуазии на щит, когда в фашистских странах, и в особенности в Германии, «идеи расы и крови» превращены в официальный мировоззрение и оправдание «системы организованного бандитизма» (Г. Димитров), издание такого сборника приобретает особую актуальность.

Авторы сборника, конечно, сознают, что их труд далеко не исчерпывает круга вопросов, связанных с критикой расизма. Дело в том, что идеологами реакционной буржуазии из ученого лагеря и проходимцами, ничего общего с наукой не имеющими, для обоснования расистской галimatрии используется не только антропология, но и другие области знания: все разделы биологии, в частности генетика, этнография, археология, лингвистика, психология, история, философия. Таким образом, хотя в сборнике и привлекаются материалы некоторых сопредельных с антропологией наук, он все же не может претендовать на универсальность.

Название сборника — «Наука о расах и расизм» — определяется тем, что он не ограничивается только критикой расизма, но одновременно прогивопоставляет ему подлинную науку о расах, дает определение категории «раса» и показывает, что это биологическое понятие не имеет ничего общего с такими социальными понятиями, как народ и национальность. Тем самым вскрывается, что расисты, оперируя такими терминами, как итальянская, германская, японская, славянская и т. п. расы, лишь пытаются этил пропагандировать явно антинаучную фикцию, призванную служить «теоретическим» оправданием для звериного национализма и шовинизма.

Сборник «Наука о расах и расизм» выходит в двух выпусках, содержащих труды Научно-исследовательского института Антропологии МГУ. Настоящий, первый выпуск ограничивается критикой общих «положений» расизма. Подготавливаемый к печати второй выпуск сборника посвящен анализу развития и классовой сущности германского расизма, против которого во всех странах мира с каждым днем все более сплачиваются силы всего прогрессивного человечества.

Авторы надеются, что, не взирая на неизбежную ограниченность тематики настоящего сборника, он поможет делу идейного вооружения не только научного актива, но и значительно более широких слоев трудящихся нашей социалистической родины в их борьбе с фашизмом и хоть отчасти пополнит нашу, пока еще крайне немногочисленную, антирасистскую литературу.

Редактор.

В. В. БУНАК

РАСА КАК ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ

1. ПИЗШИЕ ТАКСОНОМИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ЗООЛОГИИ

К. Линней, основатель научной систематики органического мира, установил 5 последовательно дробящихся таксономических категорий: класс, отряд, род, вид, разновидность. Эта схема вскоре потребовала дополнений, так как для выражения разнообразных степеней близости органических форм пяти звеньев оказалось недостаточно. В первую очередь внимание натуралистов привлекли крупные, надвидовые, категории. Кювье и Бер ввели понятие «тип» — для объединения нескольких сходных классов и «семейство» — для объединения сходных родов. В системе Геккеля (1866) вид занимает уже 11-е место, причем каждая категория имеет еще подразделения: надсемейство, подсемейство и т. д. В систематике употребляются не все из этих звеньев. Некоторые из них не имеют постоянного значения. Так, понятием «секция» пользуются для подразделения то отряда, то семейства. Общепринятая в настоящее время система складывается из 6 категорий, каждая с подкатегориями: тип, класс, отряд, семейство, род, вид.

Основной единицей всех прежних систематических построений неизменно являлся вид как объединение наиболее сходных между собой особей. Подразделения вида, разновидности, представляли собою, по замечанию Линнея («Философия ботаники», § 158), только формы, «измененные вследствие случайных причин — почвы, климата, ветров, температуры — и теряющие свои особенности с изменением почвы». В соответствии с этими представлениями Дарвин дал своему основному произведению название «Происхождение видов». С развитием эволюционного учения представления о линнеевском виде начинают меняться. Эта категория подвергается дальнейшей дифференциации, не уступающей по сложности расчленению выше стоящих категорий. Пользуясь принципами разграничения, принятыми для видов, энтомолог Бец еще в 1861 г. ввел разделение видов на подвиды. В настоящее время эта общепринятая таксономическая единица оказалась во многих случаях также недостаточной. Семенов-Тянь-Шанский сделал целесообразное предложение, поддержанное Бианки и некоторыми другими, обозначать дробные части подвида, если имеется надобность в их выделении, термином «племя» (тип); соответственно этому можно говорить и о «подплеменах».

В систематике в последнее время имеются и другие направления. Один из теоретиков новой школы В. Ренш определяет вид как комплекс индивидуумов, морфологические различия которых не выходят за пределы экологической или индивидуальной изменчивости (стр. 15). С этой точки зрения дальнейшее расчленение вида невозможно. Если имеется

группа близких равнозначных форм, то они обозначаются другим термином — «круг форм», «цепь форм», «круг рас». По этой схеме род распределяется альтернативно, или на виды, или на круги форм. Последний термин получил в новейшей систематике широкое применение, хотя является по существу лишь новым обозначением таксономической единицы, известной под названием «полиморфный вид» и «сборный вид» (о чем подробнее будет сказано дальше). Существование такого типа видовых единиц, как бы ни называть их, не исключает возможности и необходимости в некоторых случаях подразделения категории вида в собственном смысле слова.

Выделение перечисленных категорий вида основывается на общих принципах систематики, в том числе на принципе географического распространения. Подвид и племя имеют определенный географический ареал. В пределах каждой из этих ареальных категорий могут существовать несколько различных внеареальных разновидностей, различающихся по характерной для них совокупности экологических условий. Виду могут быть свойственны различные «станции» в пределах одного ареала — горная, равнинная, лесная, прибрежная и т. д. Экологические различия не исчерпываются непосредственно действующими географическими факторами, но в некоторых случаях определяются сложными взаимоотношениями между органическими формами — животными, служителями добычей, и животными, потребляющими их, и т. д.

Для обозначения этих экологических разновидностей в систематике употребляется большое количество разнообразных терминов: местная форма, модификация, фация, порода, раса, вариант, экотип (Реманэ) и т. п. Все эти термины употребляются в разных смыслах и мало специфичны для форм, связанных с экологическими различиями. Поэтому следует присоединиться к предложению Семенова-Тян-Шанского обозначать эту категорию внеареальных форм термином «морфа». В энтмологии и в других отраслях зоологии это обозначение уже широко употребляется. Оно нуждается, однако, в уточнении. Наши познания в области признаков, характеризующих экологические формы, не оставляют сомнения в том, что многие из них не соответствуют линнеевскому пониманию экологических разновидностей, они не исчезают «с изменением почвы», а являются наследственными в такой же мере, как и многие другие признаки. Но, разумеется, существует достаточно число особенностей паратипического происхождения. Целесообразно поэтому категорию «морфа» разбить на две дальнейших, выделяя экзогенные формы, соответствующие линнеевским разновидностям, и эндогенные. Первые обозначаются обычно термином «фация», для вторых можно было бы воспользоваться термином «слой» (*stratum*).

Особь, включаемые в один подвид или племя, не являются вполне тождественными. Между ними могут существовать различия в одном или в нескольких признаках. Но дальнейшая дифференциация вида при помощи тех же приемов уже невозможна. Эта задача разрешается на основании эксперимента скрещивания. Генетики путем искусственного разведения получают формы, стойко различающиеся по одному какому-нибудь свойству. Обычное название для них — порода (*gens*). По отношению к некоторым, особенно количественным признакам, дальнейший анализ позволяет выделить в составе породы отдельные группы, характеризующиеся постоянной средней величиной и очень определенным размахом изменчивости. Именно эти очень постоянные типы, повидимому, имел в виду де-Фриз, говоря об «элементарных видах». Еще

раньше намечал их французский ботаник Жордан, по имени которого они получили название «жорданоны», в отличие от линеевских видов — «линеевоны». Это понятие более всего соответствует тому, что Йогансен называет «биотином». Путем разведения в себе (самооплодотворения) в составе биотина могут быть выделены отдельные «чистые линии», состоящие из генотипически вполне тождественных индивидуумов; разумееется, это осуществимо в полной мере лишь у растений.

Таким образом, линеевский вид представляет собой совокупность различных форм, целую систему. Нет полного генотипического единства и в пределах племени, породы и даже элементарного вида. Различие между этими категориями не абсолютное, а относительное — все они представляют собой смешанные по генотипу группы — популяции на языке генетики. Группы, выделяемые генетическим анализом, продолжают дихотомию более крупных систематических категорий, не оттаясь от них в принципе. Для установления родственных отношений близких между собой форм генетический и цитологический анализ в связи с морфологическим являются единственно возможными и открывают большие перспективы, особенно в ботанике (работы Шулла, Вавилова). Для выяснения родства более далеких типов генетический анализ применим в меньшей степени и замещается другими методами. Конечно, изучения степени сходства различных форм для этой цели недостаточно, но систематика располагает, помимо этого приема, также и другими — анализом географического распространения и анализом исторической последовательности форм, приводящими и без генетического анализа к решению поставленной задачи.

Приведенная схема обеспечивает законченный детальный анализ состава вида. Принятые мелкие таксономические категории получают обозначение при помощи общепонятных русских и латинских терминов, имеющих совершенно определенное значение в систематике. Нет никакой надобности усложнять анализ введением понятий, неопределенных в систематическом смысле, например, «флюктуация», «соматия», «модификация», имеющих большое значение в генетике, но вовсе не обозначающих таксономических категорий. Неопределенным остается и линеевский термин «разновидность», который был использован для обозначения самых различных категорий. В настоящее время наиболее целесообразно использование этого термина (согласно предложению Семенова-Тян-Шанского) для обозначения мелких таксономических категорий, вообще в тех случаях, когда остается неизвестным, идет ли речь о подвиде, морфе, породе и т. д.

Какое место среди подразделений вида занимает категория «раса»? Этот термин утвердился в науке благодаря современнику Линнея — Бюффону, хотя встречался и раньше. Знаменитый французский натуралист был противником жесткой классификационной системы Линнея и предпочитал свободное описание органических форм, называя расами сравнительно мелкие отклонения одной формы. По общей концепции Бюффона раса соответствует разновидности Линнея и фации, по принятой выше терминологии. В последнее время термин «раса» получил широкое и самое разнообразное употребление. Он применяется для обозначения категорий, соответствующих и биотину, и породе, и подвиду. Очень употребительны такие выражения, как географическая, локальная, экологическая раса, сезонная, — слабая или сильная (в смысле выраженности признаков) раса и многие другие. Совершенно очевидно, что в приведенной выше законченной системе «раса» не представляет

собой какой-нибудь особой дополнительной категории. Раса — не особое понятие, а синоним для обозначения мелких таксономических единиц, и притом очень различных в зависимости от того, какая именно раса имеется в виду — географическая, экологическая, локальная и т. д. Смешивать эти две системы обозначения нельзя, но можно пользоваться на выбор той или иной. Для этого необходимо уточнить соответствие двух способов обозначения одних и тех же таксономических единиц, друга различая при этом понятия «раса» в собственном смысле и «раса» в смысле производном.

Термин «собственно раса» или «географическая раса» или просто «раса» по установившемуся в настоящее время значению (Семенов-Тянь-Шанский, Ренш и др.) является синонимом термина «подвид». В этом смысле высказывался еще Дарвин («Происхождение человека», гл. VII). Соответственно этому более мелкие таксономические единицы, если их обозначать при помощи термина «раса», будут: подраса, местная раса, физиологическая и экологическая расы, элементарная раса, т. е. группа особей, отличающаяся от другой лишь одним или двумя второстепенными признаками. В последнее время термин «раса» употребляется иногда и для обозначения категорий крупнее подвида. В этом случае приходится говорить о «большой расе». Многие современные систематики пользуются термином «раса» в несколько ином смысле. Упомянутый выше В. Ренш также считает расу (по его терминологии — «географическую расу») тождественной подвиду по таксономическому значению (стр. 11), но расовые круги, по схеме Ренша, объединяют иногда несколько близких видов, например, видов норки. Основанием для объединения нескольких видов в особую таксономическую единицу — «круг рас», служат степень разобщенности видов и особенности их географического распространения. Эти два критерия, действительно, заставляют внести в таксономию дополнительную категорию, что и было сделано еще в начале века Райхеновым, введшим категорию «сборный вид» («species collectiva»). Отдельные части сборного вида могут соответствовать как подвидам, так и видам. В таком случае их можно обозначить как «частичные» виды. Круг рас представляет собой, таким образом, синоним понятия «сборный вид» или «сборная большая раса».¹

Полная схема подразделений вида с двоякой номенклатурой представлена в таблице на стр. 9.

Как сказано выше, определение той или иной внеареальной категории производится, главным образом, на основании генетического эксперимента. Для разграничения ареальных подразделений вида служат общие критерии систематики, которые используются при установлении и более крупных таксономических единиц. Эти критерии можно формулировать следующим образом.

А. Сумма различий или сходств структурных особенностей, имеющих эндогенную основу. Разаумеется, признаки чисто экзогенного происхождения не пригодны в качестве систематических. На этот счет, однако, не возникает больших затруднений, ибо не только существенные анатомические свойства, но и второстепенные особенности покровов,

¹ По нашему мнению, защищаемый В. В. Бунаком взгляд Рейхенова на человечество как на «сборный вид» и на большие расы как на «сборные расы» — ничем не обоснован (заметим, кстати, что эта концепция защищается также Лжиуффрида-Руджери). В лучшем случае право на существование в систематике этих расплывчатых и лишенных каких-либо очерченных границ таксономических категорий дискусионно. — *Ред.*

Таблица 1

Равнозначные таксономические категории, обозначаемые посредством терминов «вид» и «раса»

Ареальные	Вид (или сборный вид)		Большая раса (или сборная большая раса)
	Подвид		Раса
	Племя		Подраса
	Подплемя		Местная раса
Внеарейальные	Морфа	слой	Физиологическая раса
		фация	Экологическая раса
	Порода		Элементарная раса
	Б я о т и п		
	Ч и с т ы е л и н и и		

окраски и пропорций скелета, как показали многочисленные генетические эксперименты для ряда различных животных, в значительной степени определяются эндогенными факторами. Нужно подчеркнуть необходимость учитывать сумму различий, не ограничиваясь простым счетом числа различающихся особенностей. Отдельные признаки, конечно, не равноценны, и несколько маловажных отличий могут уступать по значению разнице в одном более существенном свойстве. Разграничительные признаки, кроме того, должны быть по возможности независимыми физиологически один от другого. Между породовыми, подвидовыми и видовыми признаками различия нет. Особенность всех низших таксономических категорий проявляется, главным образом, в пигментации, в характере волосяного покрова, пропорциях скелета и т. п. признаках.

В. Разница в ареале распространения сравниваемых форм.

В. Степень воспроизводительной изоляции. Последняя варьирует в очень широких пределах от абсолютной изолированности до полного отсутствия всяких преград к скрещиванию. Наиболее существенна «цитологическая изоляция», при наличии которой разные формы, если даже искусственным путем удастся достигнуть соединения их половых продуктов, оказываются или неспособными к оплодотворению, или дают зародыши, погибающие на ранних стадиях развития, или производят уродливое, нежизнеспособное потомство («агенезическое скрещивание», по Брокэ, «стейроногия», по Поллю). Более легкий вариант того же типа представляет собой скрещивание, дающее жизнеспособное потомство, но

бесплодное в скрещивании между собой или с одной и даже с двумя исходными формами. В подобных более легких вариантах некоторая часть потомства оказывается все же плодотворной, как, например, в помеси осла и лошади (частично агенезическое скрещивание). Другим фактором разобщения совместно живущих близких форм является анатомо-физиологическая изоляция. В этих случаях препятствуют скрещиванию особенности строения половых органов, хемотактические свойства половых продуктов, затрудняющие оплодотворение, не одинаковый период развития (как, например, у зайцев русаков и беляков), несоответствие размеров тела и т. п. Наконец, изоляция может иметь, по выражению Семенова-Тян-Шанского, «психо-физиологический» характер. Инстинкты, свойственные данной группе животных, заставляют их в период скрещивания искать самок или самцов той же формы и избегать особей другой группы (различия запаха, повадок и т. п.). У многих, даже близких форм периоды наступления брачного сезона не совпадают, вследствие чего скрещивание их становится невозможным. Наиболее существенна цитологическая изоляция, которая, как правило, сопровождается и другими видами изоляции. Наличие психо-физиологического разобщения не означает еще изоляции цитологической. Наиболее легкая степень изоляции — психо-физиологическая изоляция по самой природе своей сильно доступна воздействию среды. Изменение ландшафта, появление новых врагов или добычи, изменение соотношения полов и тому подобные причины могут вызвать некоторые сдвиги в инстинктах животного и создать условия для временного или постоянного скрещивания с особями другой формы. Так, например, при некоторых условиях появляются гибриды глухаря и тетерева. Известны случаи возникновения гибридов и при наличии анатомо-физиологической изоляции, например, тумак — помеси зайцев русака и беляка. Этим путем возникают многочисленные переходы в степени изоляции, начиная от полного ее отсутствия до абсолютной разобщенности.

Различные степени воспроизводительной изоляции ведут к неодинаковой разграниченности форм. Если изоляция полная, две совместно живущие формы сохраняют ясные различия в характерных для них признаках, переходные между ними варианты возникнуть не могут. Если воспроизводительная изоляция не полная, появляются переходные варианты, затрудняющие разграничение форм. Для того, чтобы установить систематическое положение изучаемых форм, современная систематика пользуется всеми тремя указанными выше критериями: суммой различий, степенью изоляции, величиной ареала.

В прежней систематике существовало мнение о преобладающем значении критерия биологической изоляции. Особи, дающие между собой плодотворное потомство, согласно старому определению Кювье, составляют один вид, бесплодные при скрещивании особи относятся к разным видам. В настоящее время известно, что существуют формы морфологически очень близкие друг к другу и в то же время резко разграниченные, т. е. нескрещивающиеся в естественных условиях. С другой стороны, имеются формы, обладающие значительно большими различиями в строении и в ареале, и в то же время дающие переходные варианты, т. е. частично вступающие в скрещивание. Таковы, например, куницы и соболы, давшие на северном Урале смешанный вид так называемых «кидасов». В зонах соприкосновения ареалов распространения нередко помеси таких «хороших» видов, как степной и лесной хори, песчаный и рыжий суслики, хорек и норка, виды белок и др. (Огнев). Особенно мно-

гочисленные видовые гибриды у птиц. На оз. Балхаш насчитывается около 10 гибридных форм европейского жулана и азиатского булганца сорокопута (Сушкин, по Серебровскому). Наличие переходных форм и трансгрессивной изменчивости само по себе не является препятствием для отнесения двух форм к разным видам, если эти формы обладают достаточной суммой структурных различий и величиной географического ареала.

Что касается скрещивания в экспериментальных условиях, то современная наука чрезвычайно раздвинула границы возможного образования помесей даже для млекопитающих (Житков), не говоря о низших позвоночных, у которых успешной оказывается гибридизация очень далеких форм (Серебровский).

Случаи недостаточного совпадения структурных, географических и изоляционных моментов в характеристике отдельных форм нашли ясное отражение в систематике. Они послужили основанием для выделение «категории сборного вида» или «круга рас». Это понятие означает совокупность форм, которые имеют достаточные различия в структуре, но связаны между собой переходными вариантами, затрудняющими их разграничение. Сборный вид может представлять собой или несколько вновь образующихся не успевших достаточно изолироваться видов, или, напротив, несколько видов, дивергировавших в прежнюю эпоху и утрачивающих свою изолированность в данный исторический момент. В том и другом случае наиболее характерные представители каждой группы по совокупности свойств могут быть определены как особые виды, но взятые в целом они образуют группу недостаточно расчлененную, и потому несоответствующую категории рода или подрода.

По аналогии можно выделять категории и сборных подвидов и сборных племен. В последнем, впрочем, нет особой надобности, так как эти мелкие категории очень часто имеют сборный характер, т. е. обнаруживают большую трансгрессивную изменчивость и обильные переходные формы. В некоторых случаях имеется известная аналогия между сборной и гибридной категориями. Аналогия эта неполная, ибо гибридные формы могут и не обладать тем полиморфизмом, который составляет основное отличие сборных категорий.

II. МЕСТО ЧЕЛОВЕКА КАК ЗООЛОГИЧЕСКОГО ТИПА В СИСТЕМЕ МЛЕКОПИТАЮЩИХ

Для того, чтобы подойти к пониманию категории расы у человека, необходимо, прежде всего, остановиться на вопросе о том, какое место в систематике занимает человечество, рассматриваемое в целом как зоологический тип.

По общепринятому определению систематиков человечество занимает место в отряде приматов в качестве особого семейства — «гоминид» (Hominidae). Одинаково необоснованными следует считать тенденции к большему зоологическому обособлению человека, к выделению его в особый подотряд (Кольбругге) или, напротив, к большему сближению с другими приматами, — определение человечества лишь как рода (Симпсон, Вейнерт). Независимо от того, насколько правильны аргументы сторонников этой второй концепции в пользу схождения отдельных анатомических особенностей человека и группы горилла — шимпанзе, совокупность их различий в общем биологическом итоге, несомненно, превосходит степень родового различия. Если признать правильность диагноза,

данного Вейнером, необходимо пересмотреть целый ряд таксономических определений класса млекопитающих, т. е. изменить самое понятие о семействе и роде, потому что сумма анатомических различий человека и высших обезьян, во всяком случае, не меньше суммы различий многих семейств в отряде грызунов (мыши и крысы), хищных (кошки и собаки) и других.

Семейство гоминид имеет сравнительно небольшой геологический возраст. Известные до настоящего времени древнейшие остатки гоминид не старше раннего плейстоцена. К этому периоду относится знаменитая находка Е. Дюбуа на о. Яве в местности Триниль, заключающаяся в ископаемых крышке черепа, бедренной кости и нескольких зубах (1890—1892 гг.). Эти остатки принадлежали примату, который занимал по своим морфологическим особенностям промежуточное положение между человеком и группой горилла — шимпанзе (Швальбе, Вейнерт). Дюбуа первоначально определил эту форму, как особое семейство обезьянолюдей (*Pithecanthropidae*). Тринильский обезьяно-человек как единственный род этого семейства был назван прямоходящим. Дальнейшие исследования привели к заключению, в настоящее время общепризнанному, что тринильский тип, сохраняя ряд особенностей, сближающих его с высшими приматами, стоит все же ближе к человеку. Этот вывод, формулированный в терминах систематики, определяет тринильскую находку, как особый род в семействе гоминид (*Pithecanthropus erectus*).

В 1927—1930 гг. была обнаружена аналогичная раннедильювиальная находка в окрестностях Бейпина в местности Чу-Ку-Тьен. Давидсон Блек, первый описавший эту находку, назвал ее «бейпинский синантроп», но сам отметил большую близость его к яванскому питекантропу. Обнаруженные в последнее время хорошо сохранившиеся остатки черепа того же типа вполне подтвердили основательность такого сближения. Найденные совместно со скелетами каменные орудия указывают, однако, на некоторое сближение синантропа с позднейшими типами. Тем не менее, большая часть исследователей относит бейпинскую находку не к особому роду, а к тому же роду питекантропов. Бейпинский и яванский питекантропы являются по этому представлению лишь видами одного рода. Сложнее решается вопрос о другой дильювиальной находке, обнаруженной в окрестностях Гейдельберга в 1907 г. Хорошо датированная и прекрасно сохранившаяся ископаемая нижняя челюсть была описана Шёттензаком как челюсть «гейдельбергского человека» (*Homo heidelbergensis*). Однако она, несомненно, примитивнее, чем челюсти других представителей рода *Homo*. Бонарелли полагал, что она принадлежит особому роду, названному им «палеоантропос». Верт считает этот тип очень близким к питекантропу, может быть, также лишь особым видом последнего.

Если оставить в стороне сомнительную раннедильювиальную находку в местности Пилтдаун в Англии (Дэусон, 1913), давшую крайне противоречивый и неясный материал, то все разнообразие форм гоминид раннего плейстоцена сводится к одному или двум родам — питекантропу и палеоантропу (гейдельбергский человек), представленным каждый несколькими видами.

Во второй половине дильювиального периода семейство гоминид представлено формами, явно отличающимися от раннедильювиальных и, очевидно, сближающимися с позднейшими, в том числе и с современными разновидностями человечества. Итальянский антрополог Серджи считал возможным выделить среди этих позднейших форм пять отдельных

родов, в том числе три рода, представленных ныне живущими племенами — нотантропос, распространенный преимущественно в Африке, эоантропос — восточный и везирантропос — азиатский. По этой схеме различия современных человеческих племен оцениваются как родовые. Взгляд Серджи совершенно не встретил сочувствия и в настоящее время представляет лишь исторический интерес. Согласно общепринятому представлению все формы гоминид, начиная с позднелидовьяльских и кончая современными, различаются между собой не больше чем составные части одного рода. Этот род получила в современной науке название, данное ему еще Линнеем, — «Номо», в качестве же синонима — неоантропос, по аналогии с названием раннелистоценовых родов — питекантроп и палеоантроп. В составе рода Номо выделяется прежде всего ясно очерченная позднелидовьяльская форма так называемого «неандертальского человека» по имени первой находки этого типа, сделанной в Неандертале около Дюссельдорфа.

Последние десятилетия дали большое количество находок этого типа в Европе и за ее пределами — крапинский, спийский, галилейский человек и др. Все они обладают рядом общих особенностей, позволяющих объединить их в одну группу неандертальцев. Наличие переходов между неандертальским человеком и современным и стадийный характер неандерталоидных особенностей — дают возможность рассматривать их как два вида одного рода. После исследований Швальбе (1900 г.) за неандертальскими типами закреплено видовое название, предложенное Вильзером, — «первобытный человек» (*Homo primigenius*), по отношению к которому отдельные находки представляют, по видимому, подвиды или племена.

Уже в конце дилuvia появляются формы, которые вполне укладываются в рамки изменчивости современных человеческих типов. Что представляет собой в зоолого-систематическом отношении весь этот обширный комплекс разнообразных форм рода Номо? Могут ли быть все эти формы объединены в один вид или они имеют различия, достаточные для выделения в их составе нескольких видов? Эта проблема была предметом обширной дискуссии в первой половине XIX в., разделенной антропологов на два лагеря: моногенистов (Кювье, Причард и др.) и полигенистов (Рудольфи, Вирей, Нокс и др.). Однако содержание этой дискуссии не вполне соответствовало тому смыслу, который в нее вкладывался впоследствии. Моногенисты считали различия человеческих типов по преимуществу экзогенными вариациями, полигенисты отстаивали их наследственный характер, причем или отрицали плодовитость скрещивания различных типов или приписывали ей вторичное происхождение (Демулен). С современной точки зрения эндогенная основа соматических различий отдельных человеческих групп нисколько не противоречит их видовому единству, а плодовитость скрещиваний не исключает видовой дифференцированности. Весь этот спор представляет в настоящее время лишь исторический интерес, чего нельзя сказать о связанных с этой дискуссией социальных мотивах: полигенисты (особенно американские) имели опору в рабовладельческих интересах плантаторов южных штатов Северной Америки, а моногенисты опирались на церковные догмы (Августин, булла Римского папы 1514 г. Топпинар, стр. 51).¹

¹ „Моногенизм“ в поповской трактовке далеко не пройденный этап. К нему реакционная буржуазия и ее апологеты время от времени вновь возвращаются. Достаточно вспомнить так называемый „обезьяний“ процесс в США (1925 г.).—Ред.

Со второй половины XIX в., со времени общего признания эволюционной теории, высказывания немногочисленных сторонников полигенизма, приобрели другой смысл. Серджи, Ислаач (в последних своих трудах) защищали мысль о происхождении отдельных групп современного человечества от разных форм обезьяноподобных предков. Теория эти, не получив ни разу сколько-нибудь законченной формулировки, остались лишь черновыми набросками, недостаточными для серьезного рассмотрения. Представление о различных орангоподобных и гориллоподобных предках современных человеческих групп представляется совершенно абсурдным и опровергается всеми данными сравнительной анатомии этих форм. Об этом свидетельствует целый ряд анатомических особенностей, отличающих род *Homo* от прочих приматов, в том числе столь характерные отличия как строение носовых костей, отсутствие *os penis*, и ряд других особенностей, отмеченных Валуа. Все эти признаки ясно выражены у всех современных типов и не оставляют сомнения в родовом единстве человечества. Моногенизм, таким образом, не является более предметом дискуссии, единство человеческого рода — твердо установленный факт.

Но этот факт еще не предрешает вопроса о видовом единстве всех возникших на протяжении развития форм рода *Homo*. Единство человеческого рода не следует понимать в слишком буквальном «библейском» смысле — происхождения от одной пары предков. Диллюиальные формы человечества при обширности ареала их распространения могли различаться в некоторых второстепенных признаках — окраске, пропорциях скелета и проч., они могли передать эти особенности и своим потомкам. На ранних стадиях развития могли обособиться группы, развивавшиеся не менее чем виды животных, но, конечно, этого могло и не случиться. Вопрос следует решать на основании конкретных данных, используя для этого установленные выше таксономические критерии, и избрав прежде всего наиболее выраженные и характерные варианты рода *Homo*. Наиболее отвечают этим требованиям три соматических типа, характерные для разных континентов: тип суданского негра, тип северного европейца и тип центрально-азиатского монгола. Сопоставление их по трем выше установленным критериям систематики позволяет констатировать следующее.

Первый критерий — сумма различий. У трех названных типов имеется ясно выраженный комплекс особенностей, позволяющий различить эти типы без каких-либо специальных исследований. Развитие волосяного покрова на лице и на теле, форма волос головы, окраска кожи, мягкие части лица, форма и строение скелета и другие признаки — обнаруживают совершенно определенные особенности и характерное сочетание их. Все эти особенности, несомненно, имеют эндогенную основу и в значительной степени, вопреки прежним представлениям, независимы от среды, хотя, конечно, среда оказывает влияние на степень проявления отличительных свойств. Наследственная обусловленность этих последних засвидетельствована многочисленными экспериментами генетического порядка, а также тем несомненным фактом, что потомство негра, европейца или монгола, вырастая даже вне своей родины, воспроизводит тип своих родителей, а не тип того населения, среди которого оно живет.

Второй критерий — ареал обитания — характеризуется достаточно определенной локализованностью и размерами. Географические зоны распространения каждого из трех типов велики и разграничены.

Третий критерий — степень изолированности. Существующие типы, несомненно, плодотворны при скрещивании друг с другом. Стойкость их признаков определяется сложными факторами и при достаточном распространении метизации дает вполне устойчивые варианты (Бунак). Между этими типами, конечно, не существует цитологической изоляции, доказательством чего служат сходство каротинов, хромозомного набора ядра клеток у негров и у европеоидов, установленных Пайнтером (Андрес). Не существует и анатомо-физиологической изоляции: различия в форме строения генитальных органов, несмотря на их характерность, не служат препятствием к успешному оплодотворению. Длительность развития плода не различается у трех типов. Половая деятельность и у мужского и у женского пола не ограничивается одним сезоном, а может осуществляться во все времена года. То, что Семенов-Тян-Шанский называет психо-физиологической изоляцией, поскольку она имеет место у современного человечества, определяется очень сложным комплексом факторов, среди которых невозможно выделить чисто биологические компоненты.¹

Таким образом, не подлежит сомнению, что степень биологической изоляции названных выше человеческих типов крайне ничтожна или отсутствует вовсе. Между тремя характерными вариантами существуют многочисленные переходы, сглаживающие их различия и затрудняющие разграничение.

Сопоставляя яркость выражения основных таксономических критериев у человека и у разных форм млекопитающих, можно отметить, что эти последние по большей части оказываются изолированными значительно сильнее. Что же касается степени структурного различия и географической локализованности, то по этим признакам различия трех человеческих типов не меньше, чем, например, особенности таких «хороших» видов, как марал и благородный олень, зайцы — русак и белая, рыжие и серые суслики, горностай, хорек и ласка и проч.

Таким образом, если применить к диагнозу человеческих вариантов общие критерии систематики, то эти варианты могут быть определены и как один вид, если учесть наличие промежуточных форм, и как несколько видов, если принять во внимание другие два критерия. И то, и другое представление не противоречит принципу родового единства человечества. Существующие формы рода *Homo* могли возникнуть как путем расхождения первоначально очень однообразного типа (дивергенции), так и путем сближения нескольких, в прошлом более различных форм. В первом случае современные человеческие группы можно охарактеризовать с зоологической точки зрения как один полиморфный вид, т. е. вид, находящийся в начальной стадии раздробления, во втором случае — как совокупность нескольких близких видов, утрачивающих свое различие в процессе смешения. По существу и то и другое определение означают равнозначные систематические категории, но они по разному освещают историю формирования таксономической единицы. Недостаток имеющихся данных по палеоантропологии вевропейских рас, по изучению мутационного процесса и о морфогенетических связях вариаций отдельных признаков, в настоящее время не позволяет отдать предпочтение тому или иному взгляду. Поэтому при современном состоянии наших знаний было бы неправильно принять ту или иную

¹ „Психо-физиологические“ факторы у человека фактически сводятся к социальным факторам (различия экономические, кастовые, религиозные и т. д.). Уничтожение классового общества „снимает“ и данный вид изоляции. — *Ред.*

альтернативную (по внешности) характеристику: один вид (полиморфный) или несколько видов (сближающихся). Наиболее объективная формулировка, отвечающая действительному состоянию наших знаний, определяет человечество в таксономическом отношении как один сборный вид. Такое определение несколько не исключает видового единства человечества и не устанавливает его видового многообразия. Оно констатирует лишь бесспорные факты: большие структурные различия отдельных групп и в то же время наличие переходов между ними. К такому заключению неизбежно приходили все исследователи, специально изучавшие вопрос: Семенов-Тянь-Шанский, Джуффрида-Руджери, Ренн определили все человечество в зоологическом смысле как сборный вид (сборная большая раса).

Для обозначения постдильювиальных форм рода *Homo* в систематике принят старый линнеевский термин — «разумный человек» (*Homo sapiens*). «Разумный человек» представляет собой второй вид рода «человек», но не простой вид, а вид сборный. Эта существенная часть диагноза, к сожалению, не отмечается многими систематиками, что создает большие затруднения для анализа.

Соответственно этому систематика форм семейства гоминид рисуется следующим образом:

Семейство «Гоминиды»

1-й род: Питекантроп ¹	1-й вид: <i>P. прямоходящий</i> (Дюбуа)
	2-й вид: <i>P. пекинский</i> (Блек)
или 2-й род: Синантроп ¹	1-й вид: <i>S. пекинский</i>
2-й род: Палеоантроп ¹	1-й вид: <i>P. гейдельбергский</i> (Бонарелли-Шётензак)
3-й род: Человек (<i>Homo</i>) или неантроп	1-й вид: <i>Ч. первобытный</i> (Швальбе-Вильзер)
	2-й вид (сборный): <i>Ч. разумный</i> (Линней)

III. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О РАСЕ В АНТРОПОЛОГИИ

Проблема расы у человека представляла бы собой мало специфического, если бы физические различия человечества исчерпывались наличием немногих, резко разграниченных типов. В действительности это не так. Хорошо известно, что в пределах резко очерченных типов существуют дальнейшие варианты, подтипы. Поскольку они существуют, их следует сделать предметом изучения. Задача заключается в выяснении того, что представляют собой эти подтипы, являются ли они экзогенными вариациями, несвязанными группами мутаций и т. д., или, пользуясь таксономическими терминами, — локальными расами, смесью биотипов и т. д. Какое бы ни было принято представление о подтипах, оно получает наиболее целесообразное выражение, согласно приведенной схеме, при помощи термина «раса» с тем или иным добавлением. Поэтому следует признать неосновательным высказываемое иногда мнение о химеричности задач расоведения, о невозможности применять категорию «раса» в изучении человека. Такого рода мнения высказываются обычно исследователями, которые склонны рассматривать подтипы исключи-

¹ Ископаемые дильювиальные формы.

тельно в качестве продукта действия внешней среды (напр., Сун). Но и в этом случае принципиальное отрицание расы остается противоречивым, ибо локальные расы, к которым сводится по этому воззрению различные подтипы, все же представляют собою расы.

Поскольку расы — те или иные и не только немногие крупные — существуют, перед наукой возникает сложная проблема их анализа с учетом того сциентфического, что возникает из факта социальной организации человека.

Теоретически возможные, согласно приведенной выше схеме, решения вопроса о значении подтипов исчерпываются тремя формулами:

Подтипы могут представлять собой: 1) локальные расы, возникающие преимущественно в силу экзогенных воздействий; 2) смесь биотипов (элементарных рас), независимо возникших и неразделимых по степени родства; 3) расы в собственном смысле, т. е. последовательно дробящиеся, более или менее целостные части большой расы.

Самой собой разумеется, что по отношению к каждой конкретной территориальной группе вопрос должен решаться самостоятельно. Возможно существование подтипов всех трех категорий.

Для того, чтобы ближе подойти к оценке возможных решений, необходимо прежде всего ознакомиться с представлением о расе, существующим в антропологической литературе. Взгляды, высказанные по этому вопросу разными исследователями, неизбежно отражают их общие воззрения в области эволюционного учения и теории расообразования. В рамках этой работы я ограничусь краткой характеристикой главнейших высказываний о расе у человека в той части их, которая касается непосредственно самого диагноза расы. К сожалению, этот пункт редко получает точную формулировку и может быть охарактеризован лишь по совокупности общих методических положений, высказанных тем или иным автором. Сведение высказанных мнений в какую-либо очень затруднительно, ибо многие теории частично совпадают между собою, и не всегда легко решить, в чем их главнейшее расхождение. Некоторая систематизация существующих теорий все-таки необходима, так как подробное изложение их потребовало бы слишком много места. Придерживаясь поставленной задачи, яведу наиболее распространенные воззрения о расе в следующие группы:

1. Раса — продукт преимущественно экзогенных воздействий, дифференцирующих тип; эндогенные факторы имеют подчиненное значение. «Негр — сын горячего солнца», — эти шекспировские слова могут быть взяты эпиграфом для экзогенной теории. Эпоха ее господства — XVIII век. Этой точки зрения одинаково придерживались Линней, Блюменбах, Бюффон, Гёте и другие. В XIX в., когда наследственные факторы изменчивости привлекли большое внимание, эта теория приобрела форму учения о закреплении наследственностью признаков, приобретенных под воздействием среды. Такова позиция Кювье, Катрфажа. В XX в. немногие сторонники экзогенной теории не изменили по существу прежних формулировок, но подходили к вопросу по-разному. Луман и Боас подчеркивали изменчивость некоторых расовых признаков под влиянием среды. Поэтому Боас ограничивается выделением лишь основных рас (больших рас), которые он различает в количестве двух. Ф. Саразин, изучавший индонезийские племена, допускает наличие некоторых стадийных различий в современном человечестве и считает совершенно второстепенными для установления родства групп обычные расовые признаки, сильно зависящие, по его мнению, от условий среды. По по-

воду этих взглядов нужно отметить, что известный размах изменчивости расовых признаков под влиянием экзогенных воздействий не вызывает никакого сомнения, но этот факт не исключает роли эндогенных факторов. При групповом сравнении они имеют достаточно шансов на проявление. Вообще эндогенные факторы сказываются только как «норма реакции», как известное предрасположение к тому или иному ответу на внешние раздражители, но вовсе не определяют неизменности свойств. Поэтому различия групп не абсолютны, а относительны, каждый эндогенно-обусловленный вариант имеет свою изменчивость, частично заходящую в пределы изменчивости другого варианта (если, конечно, различия не очень велики). Большое количество экспериментальных данных устанавливает, что трансгрессивный характер изменчивости вполне сочетается с эндогенными различиями типов (Йогансон). Так, например, в любой популяции можно найти высокорослых и низкорослых, длинноглазых и короткоголовых, светлоглазых и темноглазых индивидуумов; это не означает отсутствия разницы между популяциями, если групповые характеристики их обнаруживают статистически достоверное расхождение. Эндогенная обусловленность особенностей пигментации, волосяного покрова, мягких частей лица и прочих расовых признаков, установлена множеством экспериментов над животными и большим количеством посемейных исследований у людей.

Экзогенные теории заключают в себе мало специфического в применении к расовому анализу у человека. У животных, у которых зависимость от географической среды более непосредственна, гораздо легче выделяются экологические типы. По отношению к человеку нет никаких данных, позволяющих рассматривать все групповые особенности физического типа как признаки экзогенно обусловленных экологических рас.

2. Расы — последовательно дробящиеся подразделения вида, специфичность которых не указывается. Таковы схемы Серджи (упомянутая выше), Геккеля, Бина, отчасти Джуффрида-Руджери; последний, хотя и дает очень интересный для своего времени анализ расово-диагностических понятий, однако не устанавливает точно характерных особенностей, присущих понятию «раса» у человека.

3. Раса — группа индивидуумов, объединяемых по степени сходства без особого анализа сравниваемых свойств в виду сложности и трудности выделения факторов по их значению. Антропологи, придерживающиеся этого взгляда, довольно многочисленны, методические построения их очень разнообразны. К этой группе следует отнести прежде всего сторонников статистической школы во всех ее разновидностях: представителей английской биометрии (Моррант и др.), польских антропологов группы Чекановского, русского расоведа Ивановского. Разумеется, все современные антропологи пользуются статистическим анализом, и не этот прием характеризует статистическую школу. Для представителей последней степень близости расовых типов определяется вычислением коэффициентов сходства или типовой разницы морфологических свойств; при этом не учитываются морфологическое значение признаков, их корреляции, возможные образования новых признаков, предел их изменчивости, географическое распространение и тому подобные факторы.

К этой же группе следует отнести тех антропологов, которые устанавливают классификацию рас на основании последовательного сочетания морфологических свойств; как представителя их можно назвать Кольмана.

Другая школа той же группы представлена английскими антрополого-этнологами — Кин, Хэддон. Эти исследователи в отличие от предыдущих очень мало пользуются статистическими приемами, заменяя их данными этнологического и исторического периода. На основании этих данных английские исследователи определяют связи суммарных типов различных племени в том виде, в каком они непосредственно характеризуются по наблюдениям.

Близко стоит к этой группе и немецкий антрополог Ф. Эйкштедт, автор нового и крупнейшего труда по расоведению. Он определяет расу как группу индивидуумов, характеризующуюся особой комбинацией нормальных наследственных особенностей. Раса — это «группа форм тела», по терминологии Эйкштедта. Она подразделяется преимущественно по морфологическим признакам на подрасы (образующие круги рас), побочные, особые и промежуточные расы, в образовании которых известная роль принадлежит, согласно концепции автора, и экзогенным вариациям. Нужно отметить, что представители этой группы антропологов дали наиболее ценный фактический материал и больше других обогатили науку конкретными знаниями о физических особенностях отдельных племени. Тем не менее понимание расы в их трудах остается чисто эмпирическим и не вполне разрешает основную, стоящую перед расоведением, как наукой, задачу выяснения родственных отношений отдельных расовых типов в процессе их развития.

4. Расы — немногие крупные подразделения вида Homo; дальнейшее расчленение их невозможно вследствие большой роли экзогенных вариаций (совпадение с первой группой воззрений), или метизации, или различной степени дифференциации. Такую точку зрения высказал еще Гексли, предпочитавший говорить лишь о «типах» (а не о расах), которые он выделял в количестве четырех. Из современных антропологов этого взгляда придерживаются Хрдличка, Сук. Английский анатом Кизс, выдвигая как наиболее существенную черту в расообразовании степень дифференцированности типов, разделяет расы на следующие группы: пандиакритические — каждая особь может быть определена в смысле расовой принадлежности с первого взгляда; макродиакритические — различимы в 80%, мезодиакритические — от 80 до 30%, микродиакритические — менее, чем 30%. Основная задача расоведческого изучения — установление родственных отношений отдельных групп — этой группой антропологов не затрагивается.

5. Раса — группа, возникающая в пределах вида в результате действия отбора, который понимается в самом широком смысле. Такова формула Шейдта, к такому пониманию близок и Ленц. Это определение касается лишь теоретического объяснения процесса расообразования и притом крайне односторонне и вульгарно. Для разделения человеческих рас и выяснения их родства формула Шейдта, очевидно, не применима (подробнее ниже).

6. Расы представляют собой различные стадии морфологической «специализации», идущей по нескольким направлениям, сообразно чему выделяются относительно нейтральные типы и в различной степени выраженные, специализованные (архиморфные), связанные между собой филогенетически. Кроме того, в процессе расообразования играет роль метизация. Такова теория Штратца. Этот взгляд лежит в основе построений Фрича и некоторых других, использующих данные о миграциях. Теория Штратца имеет, однако, ограниченное применение и далеко не исчерпывает различий, наблюдаемых между многими группами.

Далеко не все особенности близких групп можно рассматривать как разные стадии специализаций в определенном направлении — негроидном, европеоидном и т. д.

7. Расы представляют собой результаты мутаций, возникших в разные эпохи, в разных участках экюмены, совершенно независимо одна от другой. Сходство в данном признаке возникает не вследствие родства, а вследствие конвергенции. Такова точка зрения Фишера. В первой редакции этой теории (1914 и 1926 гг.) Фишер проводил полную аналогию между расовыми признаками человека и вариациями структурных свойств у домашних животных. Подобно тому, как под влиянием доместикиции совершенно независимо появляются у разных животных курчавоволосость, депигментация и пр., точно так же у человека эти расовые особенности не являются указанием на родственную связь. В последней работе по этому вопросу Фишер излагает проблему несколько иначе. Расовые различия связаны со сравнительно немногими мутациями, из них главнейшие — курчавоволосость, брахикефалия, горбоносость, пигмеоидность. Возникновение этих мутаций ограничивается, однако, одной или несколькими первичными расами. Фактор курчавоволосости проявился только в негроидной расе, фактор высокорослости — в негроидной и европеоидной, и т. д. В пределах этих групп соответствующие мутации происходили в некоторых случаях повторно, создавая серию стадильных, в смысле специализации, типов, но ближайшего родства между ними нет, например, океанийские и африканские карликовые типы вовсе не представляют единой группы. Сам автор отмечает черновой, предварительный характер своего сообщения. Действительно, оно далеко не разъясняет проблемы. Никто из современных антропологов не устанавливает родства групп на основании сходства единичного признака, да и в прежней антропологии такого рода схемы (напр., Кольмана) не пользовались признанием и не оказали влияния на развитие расоведения. Вопрос о дивергентном происхождении сходства разрешается обычно по совокупности нескольких независимых признаков. Этого важного фактора Фишер не касается в своей работе. Кроме того, он и сам признает, что между отдельными большими расами имеются различия в характере и интенсивности мутаций. Поэтому теорию Фишера нельзя считать последним словом антропологической науки. Но вместе с тем нужно признать, что Фишер формулировал очень актуальный вопрос о независимом мутировании отдельных популяций и о конвергентном характере сходства отдельных групп. Со стороны генетиков и некоторых расоведов замечается тенденция считать конвергенцию главнейшим и чуть ли не единственным фактором расообразования. Эту теорию нужно признать столь же односторонней, как и противоположную — исключительное признание дивергенции и отрицание конвергенции. Задача конкретного анализа антропологических данных — определить применимость той или иной точки зрения в отдельных случаях. Для этого необходимо прежде всего найти правильные методические приемы.

8. Расы возникают в результате мутаций, происходящих одновременно на большой территории и постепенно концентрирующихся в локально ограниченных популяциях. Формирование рас происходит не путем постепенного раздробления, а путем сосредоточений в определенных зонах некогда широко распространенных признаков. Разнообразие расовых типов в прежние эпохи было не меньше, а больше. Раса не расширяет, а сокращает свой ареал. Самые признаки возникали независи-

мо, понятие о чистоте рас и их родстве не имеет реальной основы. Заплатником этой ологенетической концепции в применении к человеку является французский антрополог Монтандон. Критический разбор теории ологенеза был дан в недавнее время Гремацим. Не исходя в рассмотрении общих положений ологенетической теории (во многом принципиально непримемлемых), отмечу, что в применении к человеку по поводу ее следует повторить сказанное выше в связи с теорией Фишера. Кроме того, используемый как аргумент в пользу ологенизма факт меньшей дифференцированности краниологических типов населения прежних эпох не является препятствием при сравнении современных типов, ибо самое сходство процесса дифференциации служит указанием на одинаковое течение формообразовательного процесса.

9. Раса — абстрактное понятие, устанавливающее родство отдельных групп и характеризующее сочетание отдельных признаков, наиболее специфично выраженных и наиболее часто встречающихся. В действительности раса существует в рассыпанном виде, как обломки некогда существовавшего целостного типа, разрушенного в процессе смешения. Эта формулировка дана Топпинаром. Такого понимания придерживалась большая часть расоведов XIX в., в том числе Эрве, Колинзон, Шантр и другие французские авторы, в Англии — Беддо, почти все русские антропологи — Зограф, Воробьев. Практически формула Топпинара была принята почти всеми расоведами, в том числе и теми, которые теоретически давали иное определение расы. Как рабочая схема, она является основой исследований многих современных антропологов — Чиприани, Стольхово, Мендес-Кореа. В последнее время сходное определение расы дает немецкий автор Заллер. Формула последнего такова: раса (систематическая) характеризуется комбинацией наследственных признаков, обладающих известной изменчивостью, которая первоначально появилась в условиях географической изоляции и которая отличает одну группу от другой (Saller, 1930 г., стр. 54). Почти такое же определение дает американский антрополог Хуттен. Айхель вносит лишь незначительную поправку в определение Заллера. Но уже в конце XIX в. эта концепция получила существенное уточнение и дополнение, которое выливается постепенно в самостоятельную концепцию.

10. Раса характеризует сочетание признаков не у отдельных индивидуумов, а на определенной территории. Она устанавливается путем анализа географического распределения вариаций признаков и разграничивается переходными зонами. Важнейшее значение имеет картографирование вариаций признаков. Зачатки этого представления имеются еще у Будена, Брокэ, Топпинара, Леви, Риплея; Деникер — автор одного из лучших расоведческих трудов — широко применял этот метод и, очевидно, имел в виду его, говоря, что восстановление расового типа по обломкам, в которых он встречается, возможно лишь при помощи особых приемов. Большое значение географического фактора отмечал Френрейх. Заслуга общетеоретической формулировки этого приема расового анализа принадлежит русскому антропологу Чесурковскому. В настоящее время принцип географического изучения имеет широкое признание и применяется во всех крупных антропологических исследованиях: Лундборг, Бриц, Шлагинхауфен и др. Как будет показано ниже, географический принцип действительно имеет очень веские теоретические основания, но в то же время нуждается в некоторых дополнениях.

Подводя итог приведенному обзору, можно констатировать, что некоторые представления принципиально не приемлемы, например, экзоген-

пал и ологенетическая теории. Другие, несмотря на большую важность и правдивость отмеченных ими факторов расообразования, оказываются все же не достаточными для точного понимания категории расы. Таковы концепция Штрайта и биометриков. Наиболее заслуживают внимания генетическая (мутационная) концепция Фишера и географический принцип. Концепция Фишера приводит ко второму из указанных выше возможных пониманий категории расы: смесь биотипов, географический принцип — к третьему: расы — подвиды. Согласно первому пониманию расообразование идет преимущественно конвергентно, согласно второму — дивергентно. Уже было сказано, что каждое из этих представлений в отдельности слишком односторонне. В действительности нужно учитывать обе возможности. Задача заключается в том, чтобы найти теоретически убедительный прием, при помощи которого в каждом отдельном случае можно было бы решить, имеем ли мы дело со смесью биотипов или с собственно расой.

Для правильного решения этой задачи необходимо прежде всего точно установить то специфическое, что вносится в явления биологической изменчивости у человека его социальной организацией.

IV. СПЕЦИФИЧНОСТЬ ПОНЯТИЯ РАСЫ У ЧЕЛОВЕКА

В отличие от животных человек испытывает воздействие окружающей среды не непосредственно, а опосредствованно, в преломлении через искусственную среду, создаваемую целеустремленной деятельностью и осуществляемую в социальной организации. Человек противопоставит природе не как индивидуум, а как член коллектива; его успех в борьбе за существование определяется не только его индивидуальными особенностями, но всей организацией коллектива, обладающего, в отличие от стад животных, способностью изменяться. Развитие социальной организации, как показал Маркс, происходит на базе имеющихся природных ресурсов, в том числе и человеческих («Капитал, т. I, стр. 493, Гиз, 1923, «Введение в критику политической экономии», п. 8), но по своим особым закономерностям, не адекватным непосредственным воздействиям окружающей природы.

Социальная организация создает ряд факторов, влияющих на дифференциацию физического типа человека. Главнейшие из них можно формулировать следующим образом:

1. Виды животных имеют ареал распространения, ограниченный одним климатическим поясом или одной его зоной и притом, по большей части, одной его «станцией» — лесной, горной и т. п. Человек, обладая способностью искусственно создавать себе среду — огонь для приготовления пищи, жилище, одежду, орудия для добывания пищи, — не ограничивается в своем распространении одним каким-нибудь поясом и станцией, но способен укрепиться в самых различных зонах, не приобретая в то же время резких родовых признаков. При всем различии крупных человеческих групп расхождение их все же не достигает масштаба родовых особенностей, что обычно наблюдается при столь же обширном распространении групп животных. Расовые различия у человека не имеют адаптивного значения. Это справедливо в отношении даже такого существенного признака, как пигментация. Известно, что в пределах тропиков, на ряду с племенами, имеющими очень темную окраску кожи, встречаются и умеренно темные — индейцы Бразилии, некоторые племена Индо-Китая и др. В арктическом поясе обитают племена достаточно

смуглой окраски. Широкому распространению человека способствовала также возможность использовать разнообразные способы передвижения по суше и по воде. В результате человек является единственным в зоологическом смысле видом (сборным), имеющим панглобальное распространение, экюмена уже в отдаленнейшие эпохи охватывала весь земной шар.

2. Для воспроизведения потомства соединяются особи двух полов, как правило, принадлежащие к одной территориальной группе, большего или меньшего размера. Географическая разобщенность устанавливает изоляцию в процессе воспроизведения потомства. Этот факт имеет общее значение, он констатируется по отношению и к животным и к человеку, но у последнего на низших стадиях развития в значительно большей степени, ибо социальные факторы ограничивают половые связи более строгими рамками одного или нескольких кланов или «родов» (в этнографическом смысле). Особое значение приобретает географическая изоляция в период первоначального заселения экюмены, ибо этот период, если не считать с непремлемой теорией панглобального возникновения человеческого рода (и вообще зоологических родов), был периодом экспансий отдельных групп, усиления географической разобщенности и клановой дифференциации. По мере увеличения плотности населения территориальные границы отдельных групп неизбежно суживались, изоляция нарушалась, создавались предпосылки для обратного процесса — метизации, которая при достаточной интенсивности вела к слиянию ранее изолированных групп и к образованию из них одной целой. Предпосылки для изоляции и метизации возникают в историческом развитии данной группы неоднократно. Эти два явления приходится рассматривать не как единичные события в истории группы, но как сменяющие одна другую фазы: усиление изоляции и ее ослабление, с переходом в противоположность — метизацию. Экспанзия — изоляция — дальнейшая экспанзия — метизация — стабилизация, т. е. новая изоляция — дальнейшая экспанзия — метизация. В известные периоды этот цикл может осложняться перемещением отдельных групп на более значительные пространства. Таковы, например, в свете исторических примеров, колонизация эллинами Черноморья, малайцами — островов Океании, племенем Гаусса — различных областей Центральной Африки и др. Такого рода крупные передвижения составляют, конечно, сравнительно редкое явление. Намеченная выше смена фаз изоляции имеет, напротив, более общее значение и неизбежно сопровождает процесс заселения экюмены и численного роста человечества. У животных эти циклы, если и имеются, остаются в зачаточном состоянии, ибо изоляция их более зависит от стихийных факторов, родственные же ограничения половых связей отсутствуют, и самая изоляция, раз установившись, сохраняется более упорно.

3. Существует большое различие мнений по вопросу о роли в видообразовании того фактора, который называется селекцией, т. е. неодинаковой жизнеспособностью отдельных особей или неодинаковой способностью их к воспроизведению потомства. Самое понятие селекции очень сложно и требует расчленения. В частности, роль отрицательного отбора оценивается различно, но в известной мере признается всеми. По отношению к человеку этот фактор теряет свое значение тем в большей степени, чем выше уровень культурного развития коллектива.

Эндемические болезни, эндо- и экзопаразиты, свойственные данной области, при недостаточном техническом вооружении, могут понизить

жизнеспособность определенных соматических вариантов, ведя их к элиминации. Косвенно при этом могут стать объектом отбора связанные с данным признаком безразличные свойства. Примеры этого рода приводил еще Дарвин. Но не подлежит сомнению, что у животных предпосылки для отбора гораздо шире в смысле интенсивности действия и охвата самих селектируемых признаков. Объектом селекции у животных могут быть и не адаптивные, безразличные признаки, хотя бы вследствие условий опознавания полов. У человека действие отбора на известной ступени развития заменяется регулирующими факторами социальной организации.

Общий результат действия этих специфических для человека факторов дифференциации: панглобального распространения, смены фаз изоляции, снижения роли естественного отбора — крайнее усиление изменчивости при сохранении в неизменном состоянии основных зоологических признаков вида. Изменчивость повышается во всех основных ее формах: паравариации (флюктуации), идиовариации (мутации), миксовариации. Не касаясь первой формы, как не имеющей большого значения в расовом анализе, остановлюсь коротко на двух других.

Эксперименты над низшими животными устанавливают, что частота мутаций и длительность мутационного периода стимулируются резкими изменениями физических факторов — термических, химических, электроэнергии. Огромное значение имеет также, как отметил еще Дарвин, для домашних животных, искусственное регулирование размножения, усиление разнообразия скрещиваний. Все эти факторы повышения мутабельности действуют в историческом развитии человека. Они создаются широким распространением человека по земле, по всем ее климатическим поясам с их различными природными условиями, а также повышением метизации. Еще яснее выступает действие этих факторов для сохранения раз появившихся мутаций. Естественный отбор, охраняющий при одинаковых внешних условиях стабильность вида у животных, у человека играет подчиненную роль, и далеко не всегда обрекает на исчезновение вновь возникшую особенность. Появление и сохранение одной мутации создает почву для ускорения следующих, подобно тому, как дифференциация корковых центров движения руки создает предпосылки для сохранения мутации, ведущей к редукции третьего коренного зуба или большего открытия глазного яблока и т. д. Накопление геномодификаторов, облегчающееся в этих условиях, открывает путь для усиления фенотипической выраженности возникших мутаций.

Чрезвычайно велико и значение миксовариаций. Смешение прежде изолированных и успевших дифференцироваться групп вовсе не обязательно ведет к сглаживанию имевшихся различий, особенно если признак не является объектом отбора. В результате метизации, как установлено в генетике, могут возникнуть: во-первых, промежуточные формы, во-вторых, новообразования отдельных признаков вследствие гетерозиса, эпистазы, и, в-третьих, новые сочетания признаков вследствие различия в доминантности. Не подлежит сомнению, что в следующей за периодом метизации фазе, — стабилизации, — устанавливается относительная гомозиготность популяции и могут возникнуть достаточно устойчивые новые формы. Полятие метизации при этом необходимо расширить, разумея под ним смешение всяких, даже очень близких морфологически и территориально форм, как, например, двух частей одного племени, потерпевших вследствие тех или иных причин брачную изоляцию, а потом вновь пришедших в контакт. Определенно направленные

изменения признаков могут возникать, как показали производственные опыты выщелачивания концентрации генов, и при смешении фенотипически сходных групп (Бунак, 1936). С другой стороны, и изоляционная фаза может вести к определенному сдвигу групповой характеристики (Игнатъев, Антроп. журнал № 4, 1936).

В результате повышенной изменчивости у человека создается крайний полиморфизм, аналогичный тому, который наблюдается у животных в состоянии одомашнивания. Эта особенность явно отличает домашних животных от их диких сородичей, у которых видовые и подвидовые признаки выражены сравнительно однообразно. Но аналогия в изменчивости человека и домашних животных, усиленно подчеркиваемая Фишером, все же далеко не полна. Породы домашних животных, возникшие в результате искусственного отбора, очень мало связаны с территориями, тогда как человеческие расы обладают определенным ареалом распространения, позволяя различить центры и переходные зоны. Этот факт свидетельствует о наличии других закономерностей, которые становятся понятными, если учесть, что расы характеризуются по признакам, не имеющим адаптивного значения и не являющимся объектом действия особого отбора.

Большее сходство можно констатировать при сравнении групповой изменчивости у человека и полиморфных видов животных, образующих «расовые круги» (сборные виды). Отдельные расы, составляющие один круг, при наличии переходов, имеют все же определенную локализацию и обнаруживают последовательность географического распределения. Но и при таком сравнении нет полной аналогии.

Наиболее существенны следующие различия:

1. Смежные расы животных, хотя и дают в зонах соприкосновения смешанные формы, но сами расы, как правило, представляя собой самостоятельные формы без следов метисного происхождения. Переходные и смешанные формы зоологами обычно не выделяются как особые расы. Этот вопрос, по крайней мере на данном этапе развития зоологии, не стоит остро, ибо расовая дифференциация производится обычно на основании меньшего количества отличий, нередко одного, двух признаков. Иначе обстоит дело в применении к человеку. Переходные по отдельным признакам формы занимают большие территории, слагаясь в определенные отстоявшиеся типы. Было бы неправильно оставить их вне учета. Некоторые исследователи идут в этом направлении очень далеко, например, тот же Фишер, поставивший вопрос о метисном происхождении такого характерного расового типа, как эфиопский. Еще дальше идет французский антрополог Лекандр, выступивший с гипотезой о метисном происхождении «желтой расы» (точнее — ее южной ветви). Это мнение нельзя признать обоснованным, но по отношению ко многим более мелким группам теория метисного их происхождения не вызывает особых разногласий среди расоведов. Во всяком случае, существование групп, удовлетворяющих всем критериям расы или подрасы, и в то же время метисных по происхождению, не вызывает сомнения и составляет характерную для человека особенность, возникающую под действием указанных выше факторов повышенной изменчивости.

2. Другое следствие тех же факторов — ограниченная применимость диагноза расы к индивидууму. При наличии известной паратипической и идиотипической изменчивости в пределах одной расы у животного, зоолог, имея в своем распоряжении единственный экземпляр какой-нибудь формы, без особых затруднений определяет его принадлежность к той

или иной расе или даже подрасе. Основные признаки таксономической категории выражены у всех индивидуумов достаточно определенно. По отношению к человеку такой диагноз невозможен. Даже в области наиболее ясно выраженного типа далеко не все индивидуумы обладают характерным для типа сочетанием свойств. Так, например, в области, где наиболее сильно выражены признаки северной европейской расы — светлые глаза, высокий рост и пр., — субъекты с темными глазами и невысоким ростом составляют немалую долю. Этот факт и дал основание Топиннару говорить о существовании человеческой расы лишь в рассыпанном виде, в состоянии обломков. По этому же принципу Кизе разделяет человеческие расы на микро- и макродиактрические.

3. У человека в отличие от животных, вследствие большей мутабельности, метисности, а также неадаптивного характера расовых отличий, гораздо легче могут возникнуть явления конвергенции. При этом необходимо иметь в виду оба главнейших фактора изменчивости, не только повторения независимых мутаций, но и метизацию, которая может дать формы, более или менее сходные с другими, достаточно удаленными территориально.

4. Так как действие факторов, повышающих изменчивость у человека, имеет перманентный характер, в отличие от животных, у которых оно возникает случайно, расовые типы человека находятся в состоянии неустойчивого равновесия и подвержены постоянной изменчивости. Этот факт приобретает особое значение при сравнении типов в хронологическом разрезе. Тогда как у животных по их костным остаткам без труда констатируется видовая принадлежность даже у индивидуумов очень древнего происхождения — видовые признаки остаются неизменными на протяжении целых тысячелетий, — у человека, на ряду с такими особенностями, встречаются и другие, которые с большой вероятностью нужно считать видоизменением ранее имевшихся свойств. Эпохальные различия констатируются и на протяжении сравнительно коротких периодов — для таких признаков, как форма черепа, цвет глаз, длина тела и др. Для объяснения эпохальной изменчивости обычно привлекаются явления полной или частичной субституции (замещения) типов или экзогенных модификаций. Во многих случаях такое объяснение недостаточно. С эпохальной изменчивостью нужно считаться, как с фактом. Нужно заметить, что по большей части эпохальные изменения идут не беспорядочно, но обнаруживают более или менее выраженную закономерность, например, длина тела увеличивается.

Для человека специфичность перечисленных особенностей расообразовательного процесса не абсолютна, а относительна. В меньшей степени аналогичные особенности устанавливаются и в пределах сборных видов животных. По мере уточнения методики, накопления сведений об изменчивости форм, большего применения вариационно-статистических методов в зоологии, возможно, что метисное происхождение типов, конвергентность и прочие особенности окажутся не столь редкими в низших таксономических единицах и у животных. Все же у человека все эти особенности должны быть выражены более резко.

Выяснив факторы специфичности расообразования у человека, формы их конкретного проявления и трудности, которые они создают для расового анализа, можно вновь вернуться к поставленному выше вопросу о том, — что представляют собой различные человеческие группы? Какой вывод из приведенных фактов нужно сделать относительно расового диагноза групповых различий? Следует ли признать большие

расы неразложимой смесью отдельных пород или все же считать их комплексом рас и подрас в смысле систематики? Дают ли основание приведенные трудности анализа отказаться от последней точки зрения и присоединиться к первой? Ответ на эти вопросы даст методика расового анализа. Если эта методика не в состоянии преодолеть трудности расового анализа, нужно согласиться с теми, кто ограничивает расовый анализ выделением больших рас, отказываясь от дальнейшего их расчленения. Следует, однако, отметить, что теоретические или практические сторонники этого взгляда не дали в своих трудах разбора существующих антропологических методов. Кизе, Фишер, Сук и другие обходят этот вопрос молчанием. Такой выход не решает вопроса, а потому я изложу возможные методические приемы для разрешения поставленных вопросов, основываясь как на существующих приемах, так и на личных моих соображениях. Задача заключается в том, чтобы найти приемы, при помощи которых можно было бы определить, является ли данное сходство результатом конвергенции или дивергенции, возникает ли данная группа в результате метизации или других факторов изменчивости, определяются ли эпохальные различия субституцией или последовательными изменениями одного типа. Выяснение этих вопросов даст ключ и для установления родства групп, т. е. для разрешения основных задач расоведения.

У. МЕТОДЫ РАСОВОГО АНАЛИЗА

В рамках этой работы разрешение поставленных проблем может быть дано лишь в самой общей схематической форме.

1. Установление рас путем исследования отдельных индивидуумов у человека оказывается невозможным. Человеческие расы характеризуются несколькими признаками, взятыми в их сочетании, например, большой длиной тела в сочетании с широким или узким лицом, прямой или изогнутой спинкой носа. Под влиянием указанных выше факторов изменчивости, в одной, даже наиболее гомогенной группе проявление признаков у отдельных ее членов всегда обнаруживает известный размах колебаний. Колебания эти имеют в известной части экзогенный характер, но в значительной степени связаны и с эндогенными факторами, и, как установлено обильными материалами, часто дают более или менее симметричное, равномерное распределение вариаций — кривые типа «нормальной» или близкого к ней: на ряду со средним проявлением признака встречается доля субъектов с более сильным или более слабым выражением данного свойства.

Предположим, что мы имеем заведомо гомогенную, достаточно стабилизированную группу с распределением вариаций по типу очень близкому к нормальному. Разбив размах изменчивости на несколько классов, например, три — большие, средние, малые варианты, — и приняв в качестве среднего класса варианты, отстоящие от средней, например, на 0.67 квадратического отклонения, найдем, что средний класс составит приблизительно половину всех случаев. Так как в гомогенной группе сочетание отдельных вариаций, при условии их независимости, определяется лишь случайностью, то доля индивидуумов, принадлежащих к среднему классу по трем признакам, т. е. воплощающих общий тип группы, будет равна произведению частот отдельных признаков. Если признаков три, то доля их будет равна $(\frac{1}{2})^3$. Таким образом, в заведомо гомогенной группе точное воспроизведение группового типа встретится лишь у

12%, 88% будут представлять собой сочетания, уклоняющиеся от типичного. Доля атипичных сочетаний будет тем больше, чем больше число иррегулярных классов и чем уже определяются границы среднего класса.

Если основываться на анализе сочетаний признаков у отдельных индивидуумов, в любой группе неизбежно найдется много десятков разнообразных сочетаний. Сочетание признаков, в точности воспроизводящее групповой тип, не будет иметь резкого преобладания, в то же время могут встретиться сочетания, частично напоминающие типы, существующие за пределами данной группы. Это обстоятельство может дать повод для предположения о смешанности группы, что, в применении к разобранному случаю, совершенно не соответствует действительности.

Мало продуктивным оказывается анализ индивидуальных сочетаний и в том случае, когда группа имеет заведомо метисное происхождение. Если метизация закончена и дала достаточно стабилизированный тип, получается случай, практически не отличающийся от рассмотренного выше. В таких группах могут встретиться индивидуумы, частично совпадающие с исходными комбинациями, однако, такого рода варианты нельзя рассматривать как представителей исходных сочетаний, ибо они могли появиться как вновь возникшие сочетания и иметь среди своих предков представителей иных типов. Вообще в результате продолжительного смешения типов, первоначальные связи признаков, характеризующие группу, оказываются уничтоженными. Именно отсутствие корреляции отдельных признаков и является указанием на достигнутую группой гомогенность. Если два территориальных типа различаются таким образом, что, например, увеличению числа темноглазых соответствует увеличение плосколицести, то при достигнутом смешении типов связь признаков аннулируется и может проявиться у индивидуумов только в порядке случайности.

В тех случаях, когда смешение не достигло степени законченности, некоторые сочетания окажутся более частыми, чем следует по теории вероятности, корреляция признаков повысится. Как раз это повышение связи и является указанием на смешанность группы. Но и в этом случае нужно основываться не на выделении сочетаний признаков у отдельных индивидуумов, а на анализе корреляций и линии регрессии признаков в группе, взятой как целое. Опыт показывает, что следы метизации, точнее сказать гетерогенности, иногда сохраняются довольно долго. На отдаленных стадиях, когда они трудно уловимы непосредственным наблюдением, они все же могут быть при известных условиях обнаружены путем вариационно-статистического анализа в виде отдельных зубцов линии регрессии. В применении этого метода необходима большая осторожность и ряд контрольных приемов. Одного голого факта искривления линии регрессии, конечно, недостаточно для констатирования отдаленной метизации. Повышение связи признаков может вызываться различными факторами, и односторонняя трактовка их неизбежно ведет к ошибкам.

Итак, расовые различия устанавливаются путем анализа сочетания признаков не у индивидуумов, а в групповых характеристиках. Сходство или различие средних величин и других констант признаков в двух группах более всего определяет их расовое отношение (Бунак, 1934). Само собой разумеется, что сравниваемые группы должны быть связаны с определенной территорией, которая представляет собой важнейшее условие объединения индивидуумов в группы. Поэтому можно сказать также, что раса

характеризуется сочетанием признаков на территории (а не у индивидуумов — в отличие от животных, для которых справедливо и то и другое).

Такое определение неизбежно приводит к изучению географического распределения вариации отдельных признаков, как важнейшему элементу расового анализа. В самом деле, заранее можно ожидать, что средние величины даже близких территориальных групп окажутся несопадающими и притом в разных признаках неодинаково. Число сочетаний, которое таким путем можно выделить, очень велико. В какие группы следует соединить разные сочетания и как их распределить для нахождения степени их близости? Географический принцип дает для этого очень существенные указания.

В основе этого метода лежит один факт кардинального значения для расоведения, вне которого задача расового анализа была бы вообще неразрешима. Все имеющиеся данные беспорядочно устанавливаются, что вариации отдельных признаков распределяются на больших территориях не беспорядочно, а складываются в более или менее обширные однородные зоны. Примером их может служить составленная мною географическая карта роста населения Восточной Европы. При более детальном рассмотрении часто оказывается, что районы, в которых признак имеет наиболее сильное выражение, окружены районами с менее сильным выражением признака. Ослабление признака в том или ином направлении достигает известного предела, за которым направление изменчивости меняет свой знак. Районы с наиболее ясным выражением признака называются его центрами, прочие районы — переходными зонами. Различия двух антагонистических центров (низкорослости — высокорослости и др.) могут явиться результатом неодинаковой концентрации одних и тех же генов или наличия разных генов. В том и другом случае фенотипические различия признака в антагонистических центрах служат объективной естественной мерой расхождения типов, означая различное течение расообразовательного процесса в данных исторических условиях. Выражение признака в центральной зоне входит, как основной элемент в характеристику расового типа. При рассмотрении очень больших территорий иногда оказывается, что центров данного варианта признака не один, а два, или даже три, например, в Западной Европе существуют три центра высокорослости — скандинавский, шотландский, динарский, имеются также несколько центров низкорослости. Аналогичные центры могут или представлять собой результат разделения некоторого единого центра или иметь независимое происхождение, что выясняется путем дальнейшего анализа.

Центры вариаций различных признаков — двух или даже трех, но, как правило, не всех, — располагаются обычно в смежных или близких районах. Уместно было бы ожидать полного совпадения центров, но имеется много факторов, которые эту правильность нарушают. Область, лежащая между центрами проявления нескольких различных признаков, есть область наиболее интенсивного расообразования. Сочетание признаков на территории устанавливает единство расообразовательного процесса, т. е. единство происхождения населения на данном отрезке времени. Сочетание признаков на территории является руководящим при установлении рас и нахождении границ между ними, оно указывает направление изменчивости разных признаков в сторону плюс или минус. Теоретически вполне мыслимы случаи, когда центры распространения отдельных признаков располагаются на территории далеко один от

другого, например, центр брахикефалии находится в промежуточной зоне по вариации роста. Такое расположение усложняет анализ. В этом случае приходится выделять не одно сочетание, а несколько, например, сочетаний высокорослости с брахикефалией и высокорослости с долихоцефалией, среднерослости с долихо- и брахикефалией и т. д. В основе метод остается одним и тем же: выделяются все конкретно необходимые территориальные сочетания изучаемых признаков, исходя из какого-нибудь одного. Дальнейший, более тщательный анализ обычно дает возможность свести разнообразные сочетания к меньшему числу типов, так как оказывается, что некоторые центры или промежуточные зоны имеют вторичное происхождение (пример такого анализа дан в моей работе о расовых типах Восточной Европы, 1932). Во всяком случае, число различных сочетаний признаков на большой территории остается довольно ограниченным и никогда, даже отдаленно не приближается к тому, которое в действительности реализуется в пределах группы и определяется вероятностью: при 3 признаках, различаемых каждый в 3 вариантах, возникает 27 различных сочетаний, которые фактически реализуются в пределах группы. Но при сравнении территориальных групповых характеристик, даже на очень большой территории, речь идет обычно о небольшом числе комбинаций (для Восточной Европы не больше 10), причем при более тщательном анализе и это число значительно сокращается, так как многие сочетания оказываются вторичными в смысле своего образования.

Разумеется, речь может идти лишь о крупных территориях. В пределах небольших районов вследствие различных причин может обнаружиться большее разнообразие, но оно всегда сглаживается при укрупнении зон. Вообще, в исследовании географического распределения признаков обязательно нужно учитывать масштаб производимых сравнений и не распространять принципы географического анализа за те пределы, которые даются самим материалом и характером территории. Если, например, центры трех различных антагонистических признаков A_1 и A_2 , B_1 и B_2 , C_1 и C_2 отстоят друг от друга на 2000 км, то расхождение центров A_1 , B_1 , C_1 на 400 км не может иметь решающего значения. Точно так же, если территория в целом распадается на 6—7 крупных зон, то наличие в пределах одной зоны нескольких районов с различными сочетаниями признаков несколько не снижает общей закономерности. Само собой ясно, что характеристика целого не может быть безоговорочно применена к части целого. Для анализа сочетаний признаков на территориях меньшего масштаба необходимо принять во внимание ряд дополнительных факторов.

Вообще, для расового анализа очень трудно фиксировать детально правила, ибо он требует учета множества разнообразных факторов в их совокупности. Учитывая эти факторы и руководясь основной идеей географического метода, выделение расовых типов, конечно, в известных пределах точности, вполне возможно и по отношению к человеку, несмотря на большие трудности, которые стоят на этом пути.

В последнее время сделаны попытки воспользоваться для расового анализа изучением географического распространения не самих признаков в их фенотипическом проявлении, как они констатируются путем непосредственного наблюдения, а теоретически вычисляемых коэффициентов концентрации соответствующих генов. Предпосылки геногеографии те же, что служат основанием давно применяемого в антропологии географического метода, разница лишь в выборе признаков: феногеогра-

фия основывается на признаках, имеющих иногда сложнейший состав и относительно большую зависимость от среды, геногеография оперирует лишь с признаками, обусловленными немнотыми хорошо проявляющимися генами. Поскольку таксономические признаки, несомненно, имеют эндогенную основу и притом очень сложную, сходство по этим признакам в целом пропорционально сходству по генотипу и дает некоторую суммарную меру для оценки. Геногеография констатирует сходство менее полно (по отдельным генам), но более точно. До настоящего времени геногеографическим анализом захвачены лишь немнотие свойства, главным образом кровяные группы и в меньшей степени реакции вкуса (Снайдер), дальтонизм (Серебровская). Оба метода дополняют, но не исключают один другого. Более глубокий теоретический анализ их взаимоотношений представляет важную задачу, еще не получившую достаточного разрешения.

2. Вопрос о метисном происхождении отдельных рас разрабатывается сравнительно просто в тех случаях, когда изучаемая группа занимает по ряду признаков промежуточное положение между смежными территориальными типами. Разумеется, это положение не обязательно должно точно соответствовать средней арифметической величине двух или трех групповых характеристик, и в разных признаках оно может быть неодинаково. Достаточно констатировать, что средние величины изучаемой группы не выходят за пределы расхождения смежных типов, а также, конечно, и общую вероятность самого факта смешения. Иногда может возникнуть вопрос, не представляют ли собой крайние варианты продукт дивергенции промежуточного типа, а не слагающие его элементы. Это предположение легко разрешается путем сравнения ареалов распространения смежных форм. Если крайние варианты имеют большее распространение за пределами изучаемой области, и ареал их по сравнению с областью выражения промежуточного типа велик, этот последний является скорее всего метисным. В зависимости от характера признака масштаб территориального сравнения должен быть, конечно, различен.

В тех случаях, когда признак дает новообразование при метизации, что составляет скорее правило, чем исключение, вопрос решается рассмотрением вариационных кривых, их дисперсии и пределов изменчивости и самой природой изучаемого признака. Генетический анализ далеко еще не дал точных критериев для количественного определения, могущих возникнуть новых вариантов, их частоты и пр. В этом направлении необходима усиленная работа антропологов, теоретические предпосылки для нее имеются. Практически и в настоящее время мы располагаем для многих признаков данными, позволяющими определить по крайней мер направление, по которому может идти новообразование в скрещивании. Во многих случаях этого достаточно. Так, можно считать установленным, что при скрещивании групп, различающихся по росту и головному указателю, возникнут варианты, которые в целом изменяют средние величины смешанной группы в направлении усиления обеих признаков, т. е. в смешанной группе и рост и головной указатель будут больше. Сопоставляя этот факт с общим размахом изменчивости и рядом детальных особенностей, можно принять или отвергнуть гипотезу метисного происхождения с большей достоверностью.

Эти трудности возникают лишь в том случае, когда процесс смешения оказывается совершенно законченным и метисная группа вполне стабильной. Пока полного равновесия в популяции не наступило, уста-

повышение ее смешанности не представляет особого затруднения и ясно сказывается при вариационно-статистическом анализе.

3. Дивергентное или конвергентное происхождение сходства двух типов решается прежде всего на основании данных географического распределения признаков в промежуточной зоне. Предположение о конвергенции отпадает, когда сходные группы территориально близки, или когда они соединены на промежуточной территории рядом аналогичных вариантов, будь то в современную эпоху или в прошлые периоды. В пользу конвергенции говорит доказанное метисное происхождение одной из сходных групп и самостоятельное положение другой. Предположение о дивергенции тем более вероятно, чем больше число сходных признаков в двух группах. Вероятность независимого возникновения в разных местах одной мутации достаточно велика, шансы на независимое возникновение многих мутаций очень быстро понижаются. Если условно определить вероятность независимого возникновения в двух местах одного признака в $\frac{1}{10}$, то вероятность такого же возникновения трех признаков составит $(\frac{1}{10})^3$, т. е. одну тысячную. С другой стороны, единство происхождения удаленных групп не обязательно должно сказаться в полном тождестве по всем признакам, ибо в дивергировавших частях одной группы могли в дальнейшем возникнуть новые гены-модификаторы или измениться концентрация генов.

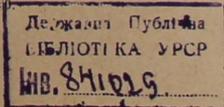
Вообще то, что отличает отдельные расы одну от другой, это по большей части концентрация одних и тех же генов. В геномном комплексе каждой расы имеются гены, обладающие большей мутабельностью, чем другие. Эти гены оказываются нередко общими для всего вида и мутируют в одном определенном направлении, обратные мутации наблюдаются гораздо реже. К числу таких генов принадлежат в числе прочих гены, влияющие на окраску глаз у человека и вызывающие посветление радужины. Мутации этого рода могут возникать независимо у самых различных человеческих племен, они наблюдались у негров, меланезийцев и пр. Но для того, чтобы такая мутация получила проявление и упрочилась, необходим комплекс других эндогенных свойств, которым различные группы обладают не в одинаковой степени. Не мутабельность единичного гена, как таковая, характеризует различные расы, — в разной степени она присуща всем племенам, — но концентрация гена. Различие между северно-европейскими и центрально-африканскими племенами можно выразить точнее, сказав, что концентрация генов светлоглазости у последних практически равна нулю, тогда как у европейцев она достигает крупной величины. То же самое справедливо и относительно ряда других признаков. Конвергенция или дивергенция двух сходных типов определяется таким образом не столько различием мутабельности определенных генов, сколько вероятностью сочетания одинаковой их концентрации.

Особо предрасположенные к мутациям общие для вида гены установлены для многих растительных и животных форм. Они определяют собою полиморфизм вида и позволяют расположить отдельные его формы, как указывал еще Дарвин, в некоторые параллельные ряды. Большой материал, иллюстрирующий эту мысль, в применении к животным, главным образом к их пигментации, привел Холден. Так, разделив отдельные расы морской свинки, например, по признаку «формы шерсти», в пределах каждой из этих групп можно построить более или менее соответствующие параллельные ряды по вариациям окраски шерсти или другому признаку, правда, ряды лишь относительно полные. Изучая

распространение отдельных видов культурных растений, акад. Валянов нашел, что в некоторых областях — центрах видообразования — полиморфизм представлен особенно богато, позволяя различить большое число разнообразных сочетаний признаков. По мере удаления от центра разнообразие это падает, поскольку определенной территории свойственен преимущественно один тип сочетания признаков. Иначе, конечно, и не может быть, так как при равной вероятности всех сочетаний, т. е. при неограниченном полиморфизме выделение арсальных форм становится уже невозможным. Многообразие сочетаний, встречающихся в центрах видообразования, частично и в других местах, относится, по-видимому, на счет локальных форм. У растений, особенно культурных, эти локальные формы, естественно, должны быть более многочисленны, чем у животных. У последних так же, как у человека, число реализующихся сочетаний, характерных для больших территорий, неизмеримо ниже теоретически возможного, а потому вероятность тождественного сочетания нескольких признаков даже при независимом возникновении каждого признака в отдельности (конвергенции) не велика, если рассматривать, конечно, большие территориальные типы, а не локальные формы.

4. Наличие эпохальной изменчивости нередко очень затрудняет установление родственных отношений между расами современного и прошлых периодов, оставляя место для предположения о субституции одной расы другой, или об изменении типа вследствие эндо- или экзогенных факторов. Существенно, что при сопоставлении эпохальных вариантов вариации идут не беспорядочно. На данной территории сравнительно редко констатируется смена признаков, идущих в противоположных направлениях; по большей части изменчивость сохраняет один характер. В Европе увеличивается головной указатель, длина тела, конечно, с неодинаковой интенсивностью в разные эпохи и в разных странах. Этот факт дает основание говорить об известной стабильности в формировании типа, причем некоторые исследователи склонны к истолкованию ее в смысле ортогенетической направленности мутационного процесса. Для такого предположения нет фактических оснований, потому что аналогичная «направленность» наблюдается и при метизации типов. Эта последняя, ведя к усилению известных признаков, может создать формы, располагающиеся в ряд стадильно протекающей дифференциации в определенном направлении (специализации). Не исключено при этом накопление генов-модификаторов, усиливающих дифференциацию. Для предположения о повторной мутации одних и тех же генов в одном направлении генетика не дает пока достаточной опоры.

При изучении эпохальной изменчивости очень важно сопоставить географическое распределение вариантов прошлого и современного периодов, поскольку это возможно по костным остаткам. При этом нередко оказывается большая аналогия. Несмотря на различие современных и древних типов в их конкретном выявлении, территориальное расположение вариаций сохраняет один и тот же характер, т. е. данный признак, например, головной указатель повышается в прошлые периоды в тех же районах, что и в современную эпоху, и понижение его территориально соответствует тому, что наблюдается в данное время. Этот факт говорит о непосредственной генетической связи и позволяет выделить в составе расового типа тот или иной древний вариант. Если тщательное морфологическое сравнение с учетом возможных новообразований не противоречит такому предположению, оно может считаться достаточно

1099923

93943

обоснованным. Напротив, четкое различие по целому комплексу свойств при полном несовпадении географического распределения вариации, служит аргументом в пользу признания смены расовых типов. При всех этих сравнениях остается одна трудность, пронизывающая от малочисленности изучаемого костного материала прежних эпох — трудность разграничения общих и локальных типов, почему в целом проблема разрешима лишь в некоторых особо благоприятных случаях.

Так или иначе, древние типы населения часто представляются нам более нейтральными, менее специализированными, а потому более сходными в одних признаках и более различными в других. Необходима большая осторожность в установлении филогенетических связей по отдельным находкам, всегда случайным и неполным, ибо на ряду с такими нейтральными формами одновременно могли существовать и другие, более дифференцированные, что говорит против непосредственного выведения позднейших специализованных форм из тех или иных относительно нейтральных вариантов древности. Сторонники ологенетической концепции в применении к человеку (Монтандон) защищают предположение, что изменчивость древних типов превосходит современную; на одной территории в прошлые периоды сосуществовали, согласно этому мнению, представители самых различных расовых типов, возникших в порядке независимого мутирования по многим признакам. Это утверждение не обосновано и с фактической стороны. В тех случаях, где повышенный полиморфизм черепных типов наблюдается, он все же никогда не дает четкой локализации на сколько-нибудь значительной территории, не устанавливает близкого соседства резко различных морфологических вариантов. Такого рода полиморфизм приходится рассматривать, повидимому, как проявление локальной изменчивости, стимулируемое узким родовым кругом брачных связей древнего населения или как результат различных межплеменных отношений (военнопленные или рабы из другого племени и т. д.).

Резюмируя эти краткие замечания, можно констатировать, что при всей трудности расового анализа у человека, при наличии ряда специфических факторов процесса расообразования, современная антропология располагает, однако, методом, разумеется, далеко еще не совершенным и не законченным, но имеющим все перспективы для дальнейшего развития, методом, позволяющим решать в отдельных случаях проблему родственных отношений отдельных групп, т. е. устанавливать категории расы или подрасы. Нет основания для того, чтобы выбросить это звено расового анализа и ограничиться лишь выделением больших рас, как беспорядочной смеси отдельных популяций. Расы и подрасы у человека в известных пределах точности могут быть установлены.

VI. РАСА КАК ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ

Изложенные выше приемы расового анализа позволяют углубить и дополнить самое понятие о расе у человека. Я остановлюсь на нескольких наиболее существенных вопросах.

1. Вопрос о стабильности расы. В буржуазной антропологии существует представление о расе как о постоянной категории, однажды возникшей на ранних стадиях развития и в дальнейшем существующей в неизменном виде, поскольку скрепящиеся с другими равнозначными расами ее не изменяет. Представителем этого взгляда был

Кольман.¹ Путем тщательной реконструкции он попытался доказать чрезвычайное сходство одного из неолитических вариантов Швейцарии с современным типом населения этой страны. По данным крапивологии и некоторым иконографическим свидетельствам, отягчительные признаки больших рас оказываются выраженными уже в неолите.

Тем не менее, как правило, современные типы не точно воспроизводят древние. Конкретное проявление расовых комбинаций, несомненно, изменяется по эпохам, иначе и не может быть при воздействии многочисленных факторов изменчивости у человека. Эти последние заставляют считать конкретное выражение расовых типов эпохальными вариантами, изменяющимися во времени. Расы не абсолютная категория, а историческая, некоторый этап формирования. Каждая эпоха имеет свои расы в их конкретном проявлении.

Но динамика расового типа вовсе не представляется хаотической. Сочетание признаков в данную эпоху на данной территории находится в зависимости от распределения рас в предшествующую эпоху. Этим путем устанавливается связь современных вариантов с древнейшими, разумеется, связь различная по интенсивности. Абстрагируя эти тенденции сочетания признаков на территории, можно говорить и о более длительном существовании рас, объединить древние и современные варианты в определенные типы — большие расы или даже просто расы. Изменяющиеся по эпохам выражения тенденции сочетания признаков характеризуют подрасы (или расы). Более крупные подразделения восходят к более отдаленной эпохе. Дифференциация больших рас относится, по видимому, к самому начальному периоду заселения экмены. Дифференциация рас происходила на следующем этапе развития. Что же касается подрас, то эти этапы формирования ограничиваются историческими периодами большей или меньшей длительности, возникающая и исчезающая вместе с ними. В целом различие этих категорий лишь в хронологическом масштабе; расы не абсолютные категории, неизменно существующие от возникновения до исчезновения, а исторически изменяющиеся формы.

2. Вопрос о стадильности. Выше было сказано, что этапы формирования располагаются в ряд, обнаруживающий усиление дифференциации и притом в одном направлении, т. е. — известную стадильную специализацию. В целом, эта сложнейшая проблема эволюции не имеет до сих пор достаточно полного разрешения. По отношению к человеку можно указать лишь отдельные факторы этого процесса. Неодинаковая частота мутаций определенных генов у человеческих рас, крайняя редкость обратных мутаций, накопление генов-модификаторов, сложные явления миксовариаций и пр. Разумеется, не все этапы формирования являются «стадиями», некоторые из них вполне равнозначны в смысле специализации, поэтому было бы ошибкой стремиться к расположению расовых вариантов, современных или древних, в прямые генеалогические ряды, рассматривать один тип, как предшествующую стадию другого. Большая часть современных вариантов должна занять совершенно одинаковое положение в смысле стадильности, а не-

¹ У представителей фашистского расизма эта теория получила формулировку, лежащую за пределами науки. Для Ганса Гюнтера, например, категория «раса» трансцендентальна и не поддается объяснению и выводам рассуждения (*Rassenkunde des deutschen Volkes*). Впрочем, по этому вопросу в среде германских расовиков нет единства во взглядах.

которые менее специализованные, сохранившиеся дотепе, все же являются лишь боковыми ветвями, отделившимися на разных этапах эволюции. Еще более грубой ошибкой является тенденция к расположению всех рас, независимо от направления дифференциации, в один генеалогический ряд постепенно «совершенствующихся» вариантов. Таково, например, высказываемое иногда мнение о том, что негрский тип представляет собою «стадию» развития европейского. Иногда такой же взгляд высказывается относительно монгольского типа. Согласно этой концепции негр или монгол (при всей несовместимости этих взглядов, и тот и другой имеют защитников в литературе) представляют собой «недоразвившийся» европейский тип. Детальная аргументация этих «теорий» очень разнообразна. Приводятся факты из области механики развития, эндокринологии (о них дальше), а также находки отдельных негроидных или монголоидных черепов на территории Европы в древнейшие периоды. Несомненно, отдаленные предки европейцев обладали большим прогнатизмом и некоторыми другими «нейтральными» особенностями, которые могли сохраниться и в сравнительно поздние периоды, но это вовсе не означает, что протоевропейский тип генетически был тождествен современному негру, точно так же, как наличие менее прогнатных черепов в древних остатках населения северной Африки вовсе не означает, что негры произошли от европейцев. Хронологически известные находки таких aberrантных типов относятся к периодам, когда различие европейского и негроидного типов уже существовало и достаточно ясно выражено в другом краниологическом материале.

Таким образом представление о стадильности, само по себе очень плодотворное, должно быть ясно ограничено и освобождено от расширительного толкования, защищаемого сторонниками концепции о «низших» и «высших» в филогенетическом смысле расах. Можно говорить лишь о типах более нейтральных или более специализованных в смысле проявления определенных расовых признаков, но вовсе не о филогенетически высших и низших формах.

3. Вопрос об адаптивности расовых признаков. В связи с вопросом об иерархии типов, необходимо отметить, что было бы, конечно, ошибкой утверждать, что все существующие расовые группы абсолютно тождественны по всему геному комплексу, за исключением генов волосяного покрова, формы скелета и других расовых признаков. Такое совпадение мало вероятно.

Теоретически надо предполагать, что различные территориальные группы людей не одинаковы и по своим адаптивным свойствам; из них, при сравнительной однородности основной анатомической структуры, приходится иметь в виду прежде всего функциональные свойства. Сходство по адаптивным признакам следует искать в первую очередь в пределах однородных географических зон и стадий — горной, приморской, тундровой и т. д. Действительно, наблюдения показывают, что население высокогорной полосы свойственен ряд особенностей со стороны деятельности кроветворной системы, регуляции дыхания, кислотно-щелочного равновесия, водного обмена и пр. (Сейдстром, Баркрофт, Леви и др.) и что более или менее аналогичные особенности наблюдаются в высокогорной полосе у различных племен. Поэтому нужно допустить, что адаптивные изменения часто возникают конвергентно, во всяком случае чаще, чем происходит конвергенция неадаптивных признаков. Что касается последних, известно, что в пределах каждой климатической зоны расселены очень различные расовые типы и что один расовый тип

расселяется по самым различным станциям, как, например, большая азиатская раса, область распространения которой простирается от влажных тропиков через пустыни, степи и тайгу до полярной тундры. Разделение человеческих групп по адаптивным признакам не может охарактеризовать дифференциацию генотина, т. е. степень родства, с такой детальностью, как разделение по неадаптивным признакам. Именно последние и оказываются наиболее пригодными для выделения рас, так как эти признаки менее конвергируют, возникают в меньшей зависимости от среды и дольше сохраняются.

Но возможные генные различия адаптивных признаков не дают основания для разделения рас на более или менее «совершенные». Единственным объективным критерием для такого разделения могла бы быть степень соответствия эндогенных предрасположений данной расы к ее конкретным средовым условиям. В этом отношении все, что известно, позволяет утверждать, что преимущество отнюдь не на стороне «высших» рас, так как у них патореакции на неблагоприятные условия жизни гораздо более часты, чем у народов висевропейского круга («низших» по терминологии расизма). Что же касается изменения условий среды в эпохальном разрезе, то они сопровождаются и изменением типа, а потому совершенно необоснованно представление об «обреченности» отдельных рас на пребывание на той ступени социального развития, на которой их застаёт история в данный момент.

Расы, выделенные обычным путем, вовсе не характеризуют тождества всей группы по адаптивным признакам. В их пределах могут быть существенные различия по функциональным и другим признакам адаптивного значения. Степень функционального совершенства не входит в понятие расы как таксономической категории, а потому и невозможна суммарная характеристика расы по адаптивному признаку — разделению их на «высшие» и «низшие».

4. Вопрос об абстрактности понятия расы. Согласно широко принятой формуле Топпинара, раса — абстрактное понятие. Это определение правильно учитывает: 1) эпохальную изменчивость, объединяемую лишь тенденцией к сочетанию, т. е. абстрактным понятием, 2) огромный полиморфизм сочетания признаков у индивидуумов и сравнительно редкое воплощение у индивидуума всего комплекса расовых отличий. Но формула Топпинара приобретает иногда слишком широкое применение. Некоторые антропологи, говоря о распространении расы, указывают лишь области, где расовые особенности выражены наиболее ясно, промежуточные зоны остаются при этом без учета, расовый тип их считается не выраженным. Поскольку некоторые промежуточные зоны имеют достаточно стабилизированный, ясно сложившийся тип и занимают большую территорию, такое понимание не приемлемо. Всякая обширная и сложившаяся группа, хотя бы и метисного происхождения, может быть охарактеризована в смысле расовой принадлежности. Путем сравнения с исходными типами можно установить, с каким из них данная группа связана более. Если оба исходных типа приняли одинаковое участие в формировании смешанной группы, она все же занимает определенное место в систематике как форма двойного происхождения. При таком понимании при определенной квалификации каждого территориального варианта физического типа, абстрактность понятия «раса» значительно сокращается.

Если стабилизация типа не достигнута и в его пределах различимы отдельные компоненты, изучаемая территория входит в область распро-

страстности нескольких расовых типов, что не изменяет по существу формулированного тезиса.

Такая конкретизация понятия о расе вовсе не равнозначна эмпирической характеристике типов, какую дают, например, английские антрополог-этнологи. В основе выделения отдельных групп должно лежать все-таки не суммарное описание типа, не установление морфологического сходства, а аналитически выраженная степень единства происхождения. Последнее не обязательно должно выражаться морфологическим сходством, динамика расообразовательного процесса может значительно изменить отдельные соматические элементы. Широко распространенное определение расы как «группы сходных индивидуумов» явно недостаточно и механично. Критерием объединения не в меньшей степени служит и территориальная общность, а с морфологической стороны — единство течения формообразовательного процесса. Определение расы как этапа формообразования и означает непрерывность процесса дифференциации и характеризует расу, как состояние некоторого равновесия в процессе расообразования, осуществляемого на данной территории и в данный отрезок времени. Поэтому одинаково односторонне подчеркивание как абстрактности понятия о расе, так и его реальности. Приуроченность расообразования к определенной территории и определенному историческому периоду придает понятию о расе известную реальность, но эта реальность относится не столько к эмпирически устанавливаемому сходству, сколько к аналитически отыскиваемому этапу процесса расообразования.

Строгое и последовательное соблюдение важнейшей предпосылки расового анализа — выделение сочетаний по территориальному признаку — вносит значительное ограничение в произвол расовой номенклатуры и расовой классификации. Рас столько, сколько может быть выделено различных комбинаций на определенных территориях. Эти комбинации устанавливаются на основании конкретного материала и являются основными единицами в расоведении. Дальнейшая задача заключается в том, чтобы найти взаимную связь или происхождение различных территориальных сочетаний с учетом тех факторов, которые отмечены выше. Иначе говоря, вопрос сводится к объединению некоторых вариантов в более крупные и одинаковые по значению группы — большие расы (проблема классификации рас или систематика вариантов в собственном смысле слова). Различные исследователи выделяют неодинаковое число больших рас, от 2-х до 12-ти, и не одинаково распределяют конкретные варианты по этим крупным группам. Впрочем, различие классификационных схем, шокирующее неспециалистов, имеет второстепенное значение: более крупные деления объединяют несколько мелких, которые другие исследователи считают достаточно самостоятельными, исходя из различных взглядов относительно дифференциации типов. Некоторое расхождение мнений по этому вопросу, конечно, неизбежно, но оно нисколько не обесценивает значения расового анализа, а является лишь симптомом поступательного движения науки.

5. Вопрос о расовом типе индивидуума. Расовая принадлежность индивидуума определяется прежде всего его происхождением, т. е. принадлежностью к той или иной территориально расовой группе. Разумеется, при выделении таких групп недопустим какой-либо произвол: если в результате анализа данной территории выясняется наличие нескольких «центров» какого-нибудь признака, не одинаковая концентрация вариантов, — необходимо прежде всего выделять соот-

ветствующие комбинации, а затем уже решать вопрос об их взаимоотношении. Выделение типов без учета конкретных данных об изменчивости признаков и их сочетаний на территории неизбежно ведет к полному произволу. Так, например, может быть получена единая суммарная характеристика расового типа для территории, населенной одной национальностью. Такая «единая» характеристика ни в какой мере не устанавливает единства расового типа, ибо единство национальности вовсе не означает единства происхождения в смысле расы. Совершенно несостоятельными научные построения такого рода неоднократно применялись сторонниками националистических тенденций и достигли апогея у представителей современного германского фашизма. Так, например, Бег Финшер сожалел, что «еще теперь многие люди думают, что измерение черепа или цвет волос действительно дают какие-нибудь данные относительно расы». По его последнему определению, «раса — это расширенное семейное родство». Немцы, несколько столетий назад имевшие ограниченный количественно общий предков, составляют теперь нечто целое в расовом отношении. Такое представление совершенно не учитывает территориальной локализации вариантов типа, не отвечает на вопрос о происхождении элементов и поэтому вовсе не определяет существо расы.

С другой стороны, совершенно неприемлемы попытки установления расы у отдельного индивидуума на основании свойственного ему сочетания морфологических признаков. Субъект со светлыми глазами, высоким ростом, мезокефалией, т. е. воспроизводящий тип северно-европейской расы, может иметь в ряду своих предков представителей иных типов, а потому диагноз — северная раса — не будет выражать степени его генетической близости с этим типом. Конечно, специальные математические методы для очень большого числа признаков могут установить с известной вероятностью степень приближения данного индивидуума к тому или иному расовому типу, но лишь при известных предпосылках — отсутствие новообразований, определенная граница трансгрессивной изменчивости и т. д.

Игнорирование этого бесспорного положения осуждает на полную научную несостоятельность различные попытки индивидуальной характеристики расового типа и всех основывающихся на этом методе выводов, какие в изобилии находятся в трудах реакционных германских антропологов (Вольман, Гюнтер). «Германский характер лица» на портретах эпохи Возрождения в Италии или у выдающихся представителей культуры разных эпох — очень мало доказывает их принадлежность к «чистой» северной расе. В связи с этим нужно признать совершенно неприемлемым и антинаучным так называемый апрприорный метод расового анализа, находящий широкое применение у разных исследователей. Этот метод исходит из того положения, что в образовании всех территориальных групп одного континента приняли участие все существующие на континенте расовые типы. Выделив, например, в группе населения Балканского полуострова подгруппы индивидуумов с различными сочетаниями признаков, эти подгруппы обозначают по сходству с тем или другим территориальным вариантом, как элементы балтийской, альпийской и прочих рас. На этом основании группа в целом характеризуется, как смесь, состоящая из определенной доли двух, трех или большего числа расовых типов. Таким путем устанавливается доля участия «северной» расы в составе различных этнических групп. Научная несостоятельность этого приема достаточно ясна. Если апрприорно установить определенные сочетания, то без труда можно отыскать их в каждой

группе, весь вопрос в том, какие принять интервалы для разделения сочетаний. Но все эти сочетания, за исключением нехарактерных случаев недавней метизации, будут представлять собой лишь местные продукты, не имеющие генетической связи с предполагаемыми прототипами. К сожалению, этот механический прием получил широкое применение у некоторых польских, австрийских и германских расоведов и в настоящее время используется для спекулятивных чисто политических целей фашизма.

Представление о расе, изложенное выше, в некоторых пунктах совпадает, но не полностью, с отдельными высказываниями, в других — резко расходится с имеющимися теориями. Изложенную концепцию можно формулировать вкратце следующим образом.

Раса — группа индивидуумов, объединяемых единством происхождения (а не сходством морфологических признаков и не общностью участия в воспроизведении потомства), которое устанавливается на основе учета территориальной общности, морфологического сходства и законов изменчивости. Морфологические особенности расы изменяются во времени, однако, не хаотично. Раса — это этап формообразовательного процесса, выражение некоего его равновесия. Этапы формообразования располагаются иногда в ряд стадийно изменяющихся форм, но это явление частное, а не общее. Ранний период расообразования, первоначальное заселение экюмены, — периоды преимущественно дивергентного развития. Впоследствии учащаются явления конвергенции, но они не составляют общего правила, и возникают чаще в процессе миксовариаций, чем в процессе независимых мутаций. Рас столько, сколько существует различных сочетаний признаков на большой территории. Вне территории нет рас. Раса устанавливается групповой характеристикой, а не индивидуальной. Учет новообразования необходим для расового анализа. Генетика дает для этого достаточные опорные пункты. Резюмируя изложенную концепцию, можно определить расу, как понятие историческое.

Для полноты изложенного выше представления о расе, необходимо остановиться еще на двух пунктах, хотя они связаны с предыдущими менее тесно и по сложности своей требуют, как, впрочем, и некоторые другие вопросы, монографического изложения. Эти два пункта касаются взаимоотношения расы и физиологического типа, расы и нации. В нижеследующем я ограничусь несколькими замечаниями, необходимыми для уточнения понимания расы (а не связываемых с ней понятий).

1. Раса и физиологический тип. Для выяснения вопроса о том, каково взаимоотношение между расой и физиологическими свойствами, изолированные плюс- и минус-вариации этих последних не представляют собой особого интереса. Физиологические особенности приобретают значение лишь постольку, поскольку они складываются в определенные комплексы прочно связанных элементов, так или иначе изменяющих тип жизнедеятельности организма. Такого рода типичные комплексы получили название конституций. Они характеризуются как макро- и микроструктурными особенностями, так и функциональными, — особенностями обмена, основного, углеводного, нервно-мышечного тонуса, рефлексов вегетативной нервной системы и пр. Обширный мате-

риал, касающийся этих типов, установил, что в общем во всем человечестве разнообразие их сравнительно не велико. Различные авторы выделяют от 2 до 9 основных конституционных типов (речь идет, конечно, о нормальных конституциях). Для разрешения поставленного выше вопроса необходимо выяснить, имеется ли какое-нибудь соответствие между расовыми типами и конституционными. Многочисленные наблюдения в этой области дают недвусмысленный ответ: совпадения расовых и конституционных типов не имеется; даже при сравнении панафриканских рас, различных с первого взгляда по своим расовым признакам, оказывается, что в пределах каждой из них имеются, — и притом в достаточном количестве, а не в виде индивидуальных отклонений, — самые разнообразные конституционные типы. Устанавливается полный параллелизм физиологических типов в пределах даже основных рас. Очевидно, что физиологические типы возникают исключительно путем конвергенции. В этом смысле конституционные типы могут быть названы физиологическими расами, внеарейными конвергентными образованиями, дифференциация которых происходит по иному принципу, чем развитие ареальных расовых типов.

Наличие морфологических особенностей человеческих рас заставляет предположить существование некоторых микрофизиологических особенностей, связанных с развитием таких свойств, как пигментация, волосяной покров, рост и форма частей скелета и т. д. Остается неясным, какую роль в образовании этих признаков играют местные тканевые особенности и каково участие общих регуляторов. Кизе. Больк подчеркивают значение этих последних, приписывая большим расам различное функционирование эндокринных регуляторов. Не входя в рассмотрение этой гипотезы с фактической стороны, на основании данных морфогенеза и условно допуская, что подобный взгляд (разумеется в иной редакции) может иметь некоторое обоснование, необходимо все же решительно отказаться от попытки установить специфический физиологический тип для каждой расово-морфологической категории. Такое представление не учитывает специфичности нормы реакции: одинаковая в качественном и количественном отношении гормональная секреция может вызвать различный эффект в смысле формообразования и жизнедеятельности. Тот факт, что, монгол, европеец функционируют, как вполне отвечающие условиям среды индивидуумы, исключает возможность считать организм одного функционально гипотиреоидным, а другого нормальным или гипертиреоидным, хотя бы они отличались один от другого по стандарту продукции того или иного гормона. Крупные расовые категории не могут получить однообразной характеристики по своей эндокринной формуле. Имеющиеся отрывочные наблюдения (Бенедикт, Хуртадо и др.), свидетельствующие о большой изменчивости отдельных признаков в пределах одной расы, вполне подтверждают это представление.

2. Раса и нация. Самостоятельное значение этих понятий ясно само собой. Раса — естественно-историческая категория, испытывающая в своем развитии воздействия со стороны социальной организации, которые в свою очередь могут сказаться лишь через посредство биологического механизма. В этом смысле источник воздействия безразличен, хотя он и вносит много специфического в понятие человеческая раса. Нация же развивается исключительно под воздействием социальных закономерностей, формируется и распадается независимо от цвета кожи, формы носа и других расовых признаков. Необходимой в внутрен-

ней связи расы и нации нет. Это особенно ясно выступает при изучении одного большого расового типа, например, европейского. Формирование современных европейских национальностей началось еще в феодальную эпоху, и, как хорошо известно, по принципу, имевшему мало общего с расселением древних племен, да и эти последние сливались в национальное целое при самых различных обстоятельствах. Задача расоведения в том и заключается, чтобы выяснить наиболее древние связи человеческих групп, не отраженные в исторических и даже в доисторических памятниках. Антрополог проводит границы расовых ареалов, невзирая на политические и национальные границы, и в пределах одной национальности выделяет несколько соматических элементов, часто одинаковых у разных национальностей. Различию понятий соответствует и различие терминологии. Как только позволяет имеющийся материал, современный расовед обозначает расовые типы при помощи географических терминов. В отношении к европейским расам термины — германская, славянская раса, давно потеряли для науки какой-либо реальный смысл. Крайне ненаучной является поэтому попытка фашистских и солидаризирующихся с ними антропологов извлечь из антропологических архивов прошлого века давно оставленный термин «арийская раса», к тому же совершенно неправильный и с фактической стороны. В связи с этим уместно повторить замечание Фридриха Мюллера, сделанное им еще 70 лет тому назад, что термин «германская раса» также бессмыслен, как термин «длинноголовое спряжение», или «голубоглазое склонение».

ВЫВОДЫ

1. В зоологической систематике термин раса тождествен по значению с термином подвид. Большая раса соответствует виду, подраса — племени, локальная раса — породе, физиологическая раса — морфе, сборная большая раса — сборному виду (*species collectiva*). Последняя категория возникает вследствие того, что воспроизводительная изоляция сильно варьирует, и у отдельных видов не является абсолютной.

Все ареальные таксономические категории представляют собой в генетическом смысле популяции, что не препятствует суммарному установлению их родственных отношений. Выделяемые при помощи генетического эксперимента биотипы и чистые линии лишь продолжают выясняемую другими методами дифференциацию вида.

2. Все позднеливовиальные и современные формы семейства гоминид составляют в систематическом смысле один род — «Номо», а все современные формы один вид, но вид сборный. Крупные подразделения человечества представляют собой большие расы. Такая формулировка выражает современное состояние наших знаний и устраняет спекулятивные концепции видового разнообразия и видового единства всех форм гоминид.

3. Возможность выделения крупных подразделений сборного вида человека никогда не вызывала сомнений. Вопрос сводится к определению того, что представляют более мелкие варианты. При всем разнообразии мнений об элементах, составляющих отдельные большие расы, даже при учете наиболее крайних из возможных взглядов, например, теории преобладающего значения экзогенных факторов, элементы, слагающие большую расу, получают наиболее краткое и точное обозначение в тер-

мине «раса», с различными добавлениями (локальная, экологическая и пр.). Поэтому отрицание категории расы у человека внутренне противоречно и антинаучно. Вопрос заключается лишь в том, какую именно расу представляют собой те или иные соматические типы. Подтипы могут представлять собою или: 1) локальные расы, возникающие преимущественно в силу экзогенных воздействий; или 2) смесь биотипов (элементарных рас), независимо возникших и неразделимых по степени родства; или 3) расы в собственном смысле, т. е. последовательно дробящиеся, более или менее целостные части большой расы.

Само собой разумеется, что по отношению к каждой конкретной территориальной группе вопрос должен решаться самостоятельно. Возможно существование подтипов всех трех категорий.

4. Общетеоретические представления о расе у человека, имеющиеся в литературе, могут быть сведены к 10 различным типам. Экзогенные теории, отрицающие значительную наследственную обусловленность соматических различий, возвращающие науку к идеям XVIII века; агностически-эмпирические описания отдельных вариантов без всяких попыток определения их систематического значения, описания столь обильные в прежней антропологии; определение рас, как групп «сходных» форм тела; ологенетическая теория, теория рассматривающая все существующие формы как стадийные варианты одного или немногих типов, — а равно многие другие теоретические представления — должны быть признаны не отвечающими современному уровню научного знания. Представление об отдельных вариантах как о беспорядочной смеси биотипов не учитывает факта закономерной распределенности вариантов по территории. Учение о географическом методе выделения рас, в основе приемлемое, удовлетворит современным требованиям лишь при ряде условий (учете новообразований) и значительном уточнении приемов анализа.

5. Социальная организованность человека создает ряд факторов, сформулированных в тексте, повышающих паратипическую, идиотипическую и миксотипическую изменчивость. Этим путем создается аналогия вариабильности человеческих типов с полиморфизмом одомашненных животных, образующих расовые круги. Аналогия эта, однако, далеко не полная. Главнейшие особенности, свойственные расообразовательному процессу у человека: неприменимость расового диагноза к индивидууму, метисное происхождение некоторых ареальных форм, большая частота явлений конвергенции, эпохальная изменчивость.

6. Перечисленные особенности расообразования у человека приводят к вопросу: возможно ли выделение в пределах больших рас — рас в собственном смысле слова, или большие расы представляют собой, как полагают некоторые расоведы, неразложимую далее смесь отдельных локальных рас. Ответ на этот вопрос дает рассмотрение методики расового анализа. Ответ этот положительный. Пользуясь данными географического распространения, вариационно-статистического анализа, генетики, принципиально возможно выяснить, возникает ли сходство двух данных групп в порядке дивергенции или конвергенции, составляют ли сочетание признаков особые типы или части одного более общего типа, происходит ли субституция типов или их эволюция и т. д.

7. Методически раса определяется сочетанием средних вариантов нескольких независимых признаков на определенной территории (а не у индивидуумов). Различие средних вариантов связано по большей части с неодинаковой концентрацией определенных генов. В историческом процессе сочетания концентраций меняются. Расовый тип выражает ре-

зультат некоторого равновесия изменчивости, установившегося в предшествующую эпоху. В этом смысле раса — «реальность в прошлом». Раса означает, — и только в этом смысле ее изучение — предмет науки, — единство происхождения, устанавливаемого, однако, при соблюдении ряда объективных критериев, а не на основании простого сходства. Изменение рас в истории не хаотично, и при известных данных может быть построена их систематика: случайное возникновение в разных зонах и эпохах одинаковых концентраций — мало вероятно. В краткой, хотя и не исчерпывающей формуле, резюмирующей изложенную концепцию, раса определяется как понятие историческое.

8. Последовательный теоретический анализ проблемы расообразования вскрывает научную несостоятельность учения о «высших» и «низших» расах, теории абсолютности расовой категории и априорного метода ее выделения, а также и других теоретических категорий, используемых как научная база национал-социализма.

9. Раса в целом не может получить единой характеристики по физиологическим особенностям. Конституции — физиологические расы — возникают конвергентно и параллельно в пределах каждой расы.

10. Между дифференциацией расовой и языковой не существует причинной связи. Но, так как и формирование рас и формирование наций связано с определенной территорией, между теми и другими возникает в порядке совпадения некоторое соответствие. Это соответствие, конечно, не полное, но достаточное для того, чтобы значительно облегчить задачу расового анализа. Практически этот факт неизменно используется всеми расоведами.

ЛИТЕРАТУРА

По характеру работы перечень ее источников должен превратиться в библиографию расоведения современного и прошлого времени. Не ставя себе подобной задачи, ограничиваюсь перечислением главных опорных пунктов, которые могут служить для первоначальной ориентировки.

К главе I

Бианки. Вид и подчиненные ему таксономические формы. Русск. Зоол. ж., т. I, 1916.—Вавилов. Линнеевский вид как система. Труды Ин-та приклад. ботаники, 26, 1931.—Огнев. Зверя СССР, Москва, 1934.—Серебровский. Гибридизация животных, Москва 1934. Проблемы и метод геногеографии. Труды съезда по генет. и селек., 1929.—Семенов-Тянь-Шанский. Таксономические границы вида. Зап. Акад. Наук, Ф.-м. отд., т. 25, 1901.—Linney. Systema natura. Edit. 10—12—Naesckel. Gener. Morphologie, 1866.—Buffon. Histoire naturelle et particuliere des animaux, t. 1—10.—Plate. Prinzipien der Systematik. „Die Kultur der Gegenwart“, t. 3, Bd. 4. 1913.—Johansen. Die Elemente d. exacten Erblchkeitslehre.—Vries-Klebahn. Arten u. Varietäten u. ihre Entstehung durch Mutation. 1901.—Brosa. Mémoire sur l'hybridité Journ. de Phys., 1857—1859.—Schull. Significance of taxonomic unites and their natural bases. Proc. Congr. Plant. Science, VII, 1929.—Alverdes. Rassen und Artbildung. Abh. theor. Biol., 1931.—Kleinschmidt. Die Formenkreislehre, 1936.—Remane. Art und Rasse. Verh. d. Gesel. f. phys. Anthr., 1922.—Rensch. Das Prinzip d. geograph. Rassenkreise und Probleme der Artbildung, 1929.

К главе II

Вейнерт. Происхождение человечества. 1935, список литературы.—Black. Notice of the discovery of a second adult Sinanthropus skull specimen. Bull. Geol. Soc. China, v. IX, 1930.—Bonarelli. Paleoanthropus. Riv. ital. paleont. 1909.—Hrdlička. The skeletal remains of early man. Smith. Miscel. Collections, v. 83, 1930.—

Klaatsch. Die Aurignac-Rasse u. ihre Stellung im Stammbaum d. Menschheit. Zeitschr. f. Ethnol., 1910.—Schwalbe. Studien über Pithecanthropus erectus Dubois. Zeitschr. f. Morph. u. Anthropol., 1. 1899.—Schoetensack. Der Unterkiefer d. Homo Heidelbergensis, 1908.—Sergi. L'origine humaine, 1913.—Wert. Der fossile Mensch, 1923.—Торинард. Éléments d'Anthropologie générale, 1885. Изложение старой дискуссии моно- и полигенистов.

К главе III

Чремацкий. Ологенез Монтандона. Австр. ж., 1—2, 1934.—Ивановский. Антропологический состав населения России. Труды антроп. отд. 22, 1904. Список русской литературы.—Чепурковский. Материалы для антропологии России. Москва, 1917.—Aichel. Rasse, Eugenik, 2 Bd., 1931.—Ван. The races of Man., 1932.—Воса. Anthropology. A lecture, New York, 1908.—Воса. Rasse und Kultur. Jena, 1932.—Вун. Die Entwicklung d. Menschenrasse. „Anthropos“, 20, 1926.—Диксон. The racial history of man, 1923.—Еикстедт. Rassenkunde und Rassengeschichte d. Menschheit, 1933.—Еhrenreich. Anthropologische Studien über die Urbewohner Brasiliens. Braunschweig, 1897.—Fischer. Die Rasse und Rassenentstehung d. Menschen, 1926.—Fischer. Versuch einer Genanalyse d. Menschen. Zeitschr. f. indukt. Abst. u. Vererbungsl., Bd. 54, H. 1/2, 1930.—Fischer. Die gegenseitige Stellung d. Menschenrassen auf Grund d. Mendelschen Merkmale. Com. Ital. Stud. Popol., 1932.—Fritsch. Die Entwicklung und Verbreitung d. Menschenrassen. Zeitschr. f. Ethnol. 42, 1910.—Giuffrida-Ruggieri. Homo sapiens. 1913.—Haddon. The races of man and their distribution. 1924.—Haeckel. Unsere Ahnenreihe. Jena, 1908.—Hooton. Method of racial Analysis „Science“, v. 63, 1926.—Hrdlicka. Physical anthropology, 1919.—Hrdlicka. The Indians of Panama. Amer. Journ. of Phys. Anthr., t. 9, 1926.—Kollman. Die angebliche Entstehung neuer Rassentypen. Corr.-Blatt d. Anthropol. Ges., Bd. 31, 1900.—Keane. Man, past and present, 1920.—Keith. The evolution of Human Races. Journ. of R. Anthropol. Inst., v. XVIII, 1928.—Lebzeltler. Beiträge zur physischen Anthropologie der Balkanhalbinsel. Mit. d. Anthropol. Ges., Wien, 1923.—Lenz. Ueber Rassen und Rassenbildung. Unterrichtsbl. für Mathem. u. Naturwiss., 40, 1931.—Lundborg-Linders. The racial characters of the Swedish nation, 1926.—Luschan. Rassen und Völker.—Mendes-Carrea. Le sang, biologie et pathologie. Paris, 1927.—Mendes-Carrea. Origines of the Portuguese. Amer. Journ. of Phys. Anthr., 2, 1919.—Menghin. Weltgeschichte der Steinzeit. Wien, 1931.—Montandon. L'ogénèse humaine. 1928.—Montandon. La race. Paris, 1933.—Morant. Biometric Study of the upper palaeolithic skulls of Europe and their relationships. Annals of Eugenics, v. 14, 1930.—Saller. Leitfaden der Anthropologie. Berlin, 1930.—Sarasin. Versuch einer Anthropologie der Insel Celebes. Mater. z. Naturgesch. d. Celebes, 1905—1906.—Scheidt. Allgemeine Rassenkunde. München, 1925.—Schlaginhaufen. Anthropologische Untersuchungen an Eingeborenen von Deutsch Neu-Guinea. Abh. u. Berichte d. kön. zool. anth.-ethnogr. Museums zu Dresden, B. 14, 1914.—Sergi. Di una classificazione dei gruppi umani. Atti Soc. rom. Antrop., v. 14, 1908.—Stolyhwo. Analiza typów antropologicznych. Swiatowit. t. XII, Nr. 4, 1924.—Stolyhwo. Types fondamentaux et types secondaires en Europe. Inst. Intern. d'Anthropologie, 1926.—Stratz. Das Problem der Rasseneinteilung der Menschheit. Archivf. Anthropol., Bd. 1, 1904.—Suk. On face types in man. „Anthropologie“, VI, I, Prague, 1928.—Suk. On the question of human Races on the basis of the Precipitin Test and Isoagglutinations. Prace Morav. Prirod. Spolecn. t. VIII, 4, 1933.—Общая библиография прежних работ.—Deniker. Les races de la terre. 1914.—Ripley. The races of Europe. 1900.

К главам IV и V

Бунак. О смещении человеческих рас. Русск. евген. журн., т. III, в. 2, 1925.—Бунак. Об изменении средней величины признака популяции при непосредственных случаях скрещивания. Труды Мед. генет. ин-та, т. IV, 1936.—Вавилов. О центрах происхождения культурных растений. Труды Ин-та приклад. генетики, 1933.—Мещанинов. Палеозоология и Homo sapiens. Изв. Гос. Акад. нар. мат. культ., т. VI, 1930.—Серебровская. Генетика дальтонизма. Мед.-биол. журн., вып. 4—5, 1930.—Bolk. Over het ontstaan der Menschenrassen. Acad. Wetensch. Amsterdam. Naturkd. Afd. 36, 1927.—Бунак. Des caractères morphologiques indissolublement liés au variations physiologiques normales. Bull. Soc. d. Formes Humaines, t. II, № 4, 1927.—Бунак. Neues Material zur Aussonderung anthropolog. Typen Ost-

Europas. Zeitschr. f. Morphol. u. Anthropol., Bd. XXX, H. 3, 1932.—Bunak. The cranio-logical Types of the East Slavic Kurgans. „Anthropologie“, IX, 1932.—Bunak. Sur la méthode du diagnostique de la race (du II ordre) de l'individu. Bul. Com. Int. Stand. Anthropol. v. I, 1934, Bologna.—Crookshank. The Mongolian in our midst. London 1925.—Fischer. Zur Frage einer äthiopischen Rasse. Zeitschr. f. Morphol. u. Anthropol., Bd. 26, Heft 2, 1928.—Günter. Rassenkunde des deutschen Volkes. 1930.—Hurtado. Studies at High Altitude. Am. J. Physiol., 1932.—Keith. The evolution of human races in the light of hormone theory. Johns Hopkins Hosp. Bull. 33, 1922.—Legendre. Il n'y a pas de race jaune. Bull. Soc. étude forme humaine, 2, 1924.—Neuville. L'espèce et la race. Arch. Paleont. humaine. Mém. 11, 1933.—Shlapp. On Mongolism as a chemical phenomenon. Journ. of Heredity. Washington 1925.—Sundstroem. Contributions to tropical Physiology. Publications in Physiology of California, v. 6, 1926.—Sundstroem. Studies on adaption of man to high altitudes. Publications in Physical Univ. California, v. 5, 1919.—Woltmann. Die Germanen und die Renaissance, 1912.

re
f

М. А. ГРЕМЯЦКИЙ

ПРИЗНАКИ „ВЫСШИХ“ И „НИЗШИХ“ РАС И АНТРОПОГЕНЕЗ

Задача настоящей работы — рассмотреть, насколько биологически обоснованы понятия «высших» и «низших» рас у человека, которыми так широко пользуется расистская литература. Напрасно было бы искать в ней точного критерия этих понятий. Хотя элементарная научная добросовестность требует, чтобы упогребляемые понятия были строго определены и содержание их возможно уточнено, расистские идеологи большей частью предпочитают делать вид, что и без того каждому известно, что такое «высшая» и «низшая» раса, и будто биология вкладывает в эти термины бесспорное содержание. В других случаях эти идеологи расизма покидают биологическую терминологию и переносят в область сравнительной психологии. Объявляя одни расы более одаренными в умственном и моральном отношении, чем другие, жрецы фашистской науки пользуются этим признаком как основным критерием «высоты» расы. Вопросу о психической одаренности посвящена в этом сборнике статья т. Рогинского, так что эта проблема выходит за рамки нашего изложения. Что же касается морфологической стороны дела, то, как показывает ближайшее исследование, она не только не отличается той ясностью, какую за ней хотя бы признать, но в действительности понятия «высшей» и «низшей» формы оказываются одними из наиболее спорных и туманных, и биология отнюдь не может похвалиться обладанием сколько-нибудь надежным критерием для их точного установления. Эта неясность широко используется сторонниками применения к человеку терминов «высшая» и «низшая» раса. В случае надобности можно ту или иную «низшую» расу перевести в разряд «высших» и наоборот, смотря по требованиям политического момента.

Уже самое отношение к применяемой терминологии показывает, что по существу расистские упражнения на антропологические темы лежат вне пределов науки. Однако, чтобы производить должное впечатление на широкого читателя, расистам приходится своим «теориям» придавать наукообразный вид. Это последнее обстоятельство вынуждает нас, прежде чем подойти непосредственно к понятию «высших» и «низших» рас у человека, дать хотя бы беглый обзор того, как в биологии трактуются эти понятия и как они были введены.

Как многие современные научные понятия и теории, представление о «высших» и «низших» формах организмов берет свое начало от Аристотеля, этого «Александра Македонского философии» (Маркс). Хотя лежащая в основе этого представления идея была унаследована Аристотелем от его учителя Платона, но именно Аристотель облек ее

в такую форму, которая придала ей жизнь на много веков. Краткий очерк взгляда Аристотеля на процессе «совершенствования» в органическом мире необходим для того, чтобы современные расетские спекулятивные понятиями «высший» и «низший» предстали в правильной исторической перспективе. Согласно биологическим воззрениям Аристотеля в природе наблюдается движение путем перехода со ступени на ступень от низших форм до наиболее высоких, причем многочисленные аналоги, обнаруживаемые в различных органах животных, поднимающиеся на разные ступени этой лестницы, показывают, что весь этот процесс управляется одними и теми же законами. Низшую ступень занимают тела неорганической природы, которые прямым превращением переходят в органические, когда материя становится живой. Растения занимают вторую ступень; по сравнению с минералами они представляются одушевленными, по сравнению с животными — неодушевленными, так как они (растения) способны питаться и размножаться, но не могут чувствовать. Третью ступень занимают животные, обладающие чувствительностью, — они ощущают голод и другие потребности и способны передвигаться, что дает им возможность «исполнять свои желания». У них более сложная и активная форма жизни сравнительно с растениями. Наконец, человек — высший пункт долгого и непрерывного движения вверх. Животные, конечно, наделены известными умственными способностями, но один лишь человек способен обобщать и мыслить абстрактно (понятиями). И физически человек, по Аристотелю, занимает высшее положение: оно выражается вертикальной постановкой его тела, более обильным снабжением кровью и притом более чистой, чем у животных; он имеет самый большой мозг и самую высокую температуру крови.

Эти взгляды Аристотеля в тех или иных вариантах держались в науке вплоть до начала нового времени. Они возрождаются и получают дальнейшее небывалое развитие под пером ряда выдающихся естествоиспытателей и философов XVIII века.

Таким образом, понятия «высший» и «низший» в применении к органическим формам не могут считаться достижениями науки XIX—XX столетий. Несмотря на большую древность, понятия эти, употребляемые в зоологии и ботанике, далеко не определены в своем значении, и нередко ими заменяют другие термины с более точным смыслом. «Высший» нередко на языке зоологов означает сложно построенный и противопоставляется «низшему», как проще организованному; «высший» может означать «специализированный» и противопоставляется «примитивному», наконец, «высший» может значить более поздний по своему филогенетическому происхождению и употребляться в обратном смысле, чем «древний» или «архаичный» или даже «анцестральный». Уже это широко и расплывчатое значение указанных терминов свидетельствует об их малой пригодности для целей точной науки, однако, ими охотно пользуются прежде всего потому, что они издавна нашли широкое применение. Они проникли в общепологическую литературу XVIII века из зоологии, ботаники и философии XVIII века с их «эволюционными» спекуляциями и фантастическими «лестницами существ». На разных ступенях этих лестниц размещались представители животного и растительного мира, выше которых ставился человек. При таком построении отношение млекопитающего к пресмыкающемуся (собаки к ящерице) действительно выражалось прежде всего сравнительной высотой

¹ H. F. Osborn. From the Greeks to Darwin. London 1903.

ступени, на которую составитель «лестницы» возвел данный организм. «Высший» и «низший» организм тогда означало буквально более высокую или низкую ступеньку, отведенную этому организму. Сами же «лестницы» представляли собой в значительной мере лишь реализацию аристотелевского понимания соотношений различных групп органического мира, воплощенного в его принципе совершенствования.

Из «эволюционистов» XVIII выделяется прежде всего Бонне (Bonnet), который был, несомненно, одним из наиболее тонких умов XVIII века и одним из талантливейших наблюдателей природы. Как известно, ему мы обязаны блестящими открытиями ряда новых и очень важных фактов относительно размножения тлей, цикла развития паразитов — червей и т. д. Но в своих общих воззрениях на природу этот прощительный наблюдатель пошел путем безудержной спекуляции, отказываясь чувством в праве контролировать построения рассудка и полагаясь лишь на логическую последовательность выводов и заключений. Вслед за Лейбницем он стремился приложить к материальным и нематериальным телам «закон непрерывности». Все существа, по его мнению, образуют одну цепь или лестницу, между ступенями которой имеются постепенные переходы. Горячий последователь Лейбница, Бонне стремился провести его «закон непрерывности» по отношению ко всем существам и телам природы; мало того, он верит в существование нематериальных вещей, которые тоже должны подчиняться этому универсальному закону. Его «непрерывная цепь» начинается минералами, к которым постепенно присоединяются организованные существа, связанные между собой нечувствительными, едва заметными переходами. Он считает, что установленные нашими методами подразделения искусственны и возможны лишь в результате несовершенства наших чувств, не способных открыть незаметные переходы, соединяющие между собой все тела природы. Растение можно считать родом низшего животного; между животным и человеком наблюдается постепенный переход, хотя многие из связующих форм еще не открыты. Известные науке ступени существ Бонне представляет в виде лестницы, которая венчается человеком, понижается через orang-утана и «обезьяну» к четвероногим, переходит затем через летучую мышь к птицам, через летающих рыб к остальным рыбам и т. д. до металлов, земли, воды, воздуха, огня и «более тонких материй».

Весьма сходную позицию занимал другой представитель философии XVIII века Робинет (Robinet), который довел идеи, близкие ко взглядам Бонне, до крайности. Столь же ревностный приверженец принципа непрерывности Лейбница, он с большой последовательностью применяет эту идею в своих теоретических построениях. Качественные различия между существами и веществом исчезают. Все предметы оказываются живыми, поэтому нет разрыва между органическим и неорганическим миром. Существует лишь одно царство животных, в которое включают и планеты, и звезды, и химические тела. Существуют только индивидуумы, развивающиеся из зародышей, созданных самой природой. Развитие же зародышей идет от более простого к более сложному, от первичных форм к человеку. Человек — конечная цель природы, которая произвела все другие существа, пытаясь создать его. Это ей не удавалось в течение бесчисленных веков; были созданы близкие к человеку формы, как, например, крупные обезьяны, и лишь после этого, наконец, как высшая форма, возник человек. Не только обезьяны, но и формы, как будто не имеющие сходства с человеком, например, лошадь или со-

оака, минералы или ископаемые окаменелости, — все это опыты природы, некашей пути к созданию человека. Поэтому все формы можно расположить в один ряд по мере того, как они приближаются к человеку. Более похожие на него существа и оказываются выше и ближе, а более далекие — и ниже и дальше.

В такого рода взглядах проявилась та близость Робинсе к метафизике, о которой упоминает Маркс в «Святом семействе», говоря, что «Робинсе («О природе») тот французский материалист, который больше всех сохранил связь с метафизикой и потому удостоился похвалы Гегеля».

Вззрения Боппе и Робинсе, несмотря на свою мистическую окраску, оказали огромное влияние на самых трезвых естествоиспытателей XVIII века. Под их влиянием был и Ламарк. Он в своих работах по беспозвоночным животным, равно как в своей «Философии зоологии» располагает систематические группы животного мира по ступеням, идущим от низших форм к высшим; Ламарк здесь близок к Робинсе.

В «Философии зоологии» Ламарк довольно подробно останавливается на вопросе о соотношении между таксономическими категориями организмов и отмечает, что «каждый класс должен охватывать животных, отличающихся какой-нибудь особой системой организации» (стр. 92). Эта плодотворная мысль была развита еще некоторыми французскими естествоиспытателями XVIII века (помимо Кювье, выдвигнувшего идею типов животного мира). У Ламарка же она борется с навязанной философией Лейбница мыслью об отсутствии скачков и о возможности расположить все организованные формы в один непрерывный ряд, ведущий от низшего существа к высшему. На той же странице, откуда мы цитировали выше приведенные слова, мы находим такое положение: «Всякое распределение живых тел (по крайней мере, в размещении главных групп) должно представить ряд, а отнюдь не сетчатое ветвление». И на следующей: «...природа, создав животных и растения, действительно образовала в том и другом царстве настоящую лестницу, в смысле все увеличивающейся сложности их организации, причем ступени этой лестницы можно уловить только в главных группах общего ряда, а не в видах, ни даже в родах. Причина такой особенности заключается в том, что необыкновенное разнообразие внешних условий, в каких встречаются различные породы животных и растений, не стоит в связи с нарастающим усложнением их организации, что это разнообразие порождает в форме и внешних признаках животных такие неправомерности и отклонения, каких одно нарастающее усложнение организации не могло бы вызвать» (стр. 94. — *Подчеркнуто автором*).

«Виды нередко образуются вокруг главных групп, куда входят составною частью боковые разветвления, концы которых представляют настоящие изолированные точки» (стр. 95).

Между двумя крайними ступенями лестницы животных Ламарк помещает весь ряд их: «На одном из концов общего ряда мы видим совершеннейших во всех отношениях животных, с наиболее сложной организацией, тогда как на противоположном конце того же ряда находятся несовершеннейшие, какие только имеются в природе, — те, чья организация наиболее проста, и в которых едва можно предположить животную природу... Человека можно рассматривать как тип того высшего совершенства, которого могла достигнуть природа; поэтому, чем ближе стоит животная организация к организации человека, тем она совершеннее... Так как скелет входит как составная часть в план организации человеческого тела, то ясно, что все животные, одаренные скелетом, имеют более

совершенную организацию, чем лишённые его. Следовательно, беспозвоночные животные «несовершенные позвоночных» и т. д.

Таким образом, в течение XVIII века под влиянием философии Лейбница (именно ее идеалистической стороны) у крупнейших естествоиспытателей закрепилось аристотелевское представление о высших и низших формах органической жизни. Критерием для оценки этой высоты служило (сознательно или бессознательно) сравнение с человеком, как наиболее совершенной формой; оценивая положение того или другого животного на «лестнице существ», естествоиспытатели принимали в расчет не только структурные особенности, но и общий характер жизнедеятельности исследуемого организма, степень развития его способностей — подвижности, реакций на раздражения, исходящие из внешней среды, и т. д. Наиболее яркие представители этих взглядов изображали отношения между организмами в виде высокой лестницы, на ступенях которой виды (и другие систематические категории) располагались в один ряд; таким образом, в принципе не должно было возникнуть затруднений в смысле оценки относительной «высоты» положения той или другой формы. Таково было, повидимому, господствующее мнение. Оно разделялось значительным большинством биологов и в нем не расходились между собой такие антагонисты, которые по ряду других общепризнанных вопросов держались противоположных и непримиримых воззрений.

Однако внутренняя противоречивость понятий «более или менее совершенный организм», более или менее «высокая ступень организации» уже давала себя знать, и для крупнейших естествоиспытателей было ясно, что целиком провести идею линейного расположения органических форм невозможно. Это было учтено Ламарком, который говорит о расположении на ступеньках лестницы лишь более крупных подразделений животного мира, тогда как мелкие систематические категории выступают как боковые ветви, не укладывающиеся, очевидно, в основную схему. Далее работы Кювье открыли еще одну, значительно большее, затруднение в распределении организмов по порядку их высоты. Кювье окончательно установил существование в мире животных нескольких основных типов строения, не сводимых друг к другу и не имеющих между собой никакого структурного сходства. Как известно, эти систематические категории он создавал на основе сравнительно-анатомического исследования, исходя прежде всего из строения центральной нервной системы. С расположением же и структурой главнейших нервных масс должны находиться в теснейшей связи прочие морфологические особенности, так как, согласно взглядам Кювье, все органы животного связаны между собою тесной коррелятивной связью и все находится в непосредственном подчинении нервной системе. Расположить типы Кювье в один ряд, представляющий переходы от более совершенных к менее совершенным или наоборот, не представляется возможным. Таким образом, учение о линейном расположении системы животных подтачивалось с обеих сторон: с точки зрения Ламарка, отрицавшего применимость критерия «высоты» к наиболее дробным категориям, и с точки зрения крупнейших подразделений — открытых Кювье типов, — не укладывавшихся в принятые схемы. Кювье и сам им не сочувствовал, подвергнув осмеянию идеи Робине относительно попыток природы создать человека путем творения все более и более совершенных форм. Кювье принадлежит также и та плодотворная мысль, что признаки, отличающие одну форму от другой, не могут считаться равноцен-

ыми. «Когда изучают в животном ту или иную черту организации, необходимо дать себе отчет, какие особенности существуют с нею и какие являются несовместимыми. Части, свойства или черты строения, которые связаны с другими наибольшим числом этих отношений существования или несовместимости, другими словами, которые оказывают на организм наибольшее влияние, это — признаки важные, признаки господствующие; другие являются признаками подчиненными; существуют в этом отношении различные степени». Из этого положения, а также из принципа соотношения форм, о котором мы выше говорили, вытекает положение Кювье относительно того, что каждый организм обладает лишь теми структурными особенностями, которые оказываются для него необходимыми по условиям среды. Главные же признаки, по мнению Кювье, те, которые «связаны с животными функциями, т. е. с чувствительностью и движением: эти признаки устанавливают степень животности данного организма». Отсюда — ориентировка на нервную систему и связанные с ней органы.

Основные идеи Кювье были развиты в несколько ином аспекте французским зоологом Дюжесом (в первой половине XIX века), который сделал попытку примирить их со взглядами величайшего противника Кювье Жюффруа Сент-Илера. Эта попытка привела Дюжеса к тому представлению, что между типами Кювье возможна связь в том смысле, что представители разных типов построены из одних и тех же структурных элементов, отличаясь друг от друга их числом и расположением. В этом был найден известный критерий для суждения о «высоте» типа, однако, поскольку идея, утверждавшая сегментированное строение всех типов животного мира оказалась далеко не подтвержденной фактами и поскольку выяснилось, что самый характер сегментации в разных типах несравним, взгляды Дюжеса, по существу, не получили дальнейшего развития в том направлении, какое им хотел придать автор.

Идеи, касавшиеся сегментированного строения развивали, главным образом, сравнительные анатомы в применении к членистоногим животным (Савиньи) и к позвоночным (Ричард Оуэн). Новое содержание получило тогда учение об «архетипах», которое оказало большие услуги углублению анатомических знаний, но, с другой стороны, в своих крайностях затормозило развитие эволюционных представлений, поскольку его сторонники отстаивали принцип самостоятельного творения каждого типа в отдельности и невозможность переходов от одного к другому.

Так сложились главнейшие биологические воззрения относительно «высших» и «низших» форм органического мира к середине XIX века, во времени появления книги Дарвина.

Мы не будем останавливаться здесь на взглядах, высказанных в XVIII и в начале XIX века некоторыми антропологами и политиками относительно «высших» и «низших» рас человечества и базировавшихся на такой шаткой почве, как происхождение от Адама или не от Адама (по отношению к американским индейцам, отчасти к неграм), или на искаженных представлениях о форме лица у некоторых цветных рас, или (как у Гобино) на произвольных и бездоказательных историко-культурных экскурсах и отождествлении наций и рас. Исследование применение понятия «расы» в политике — задача историка. Эти высказывания были независимы от развития основных биологических идей и мало обосновывались ссылками на биологические факты.

Переходим к дарвиновскому периоду развития биологии.

В своей работе «О происхождении видов» Дарвин несколько раз затрагивает вопрос о высоте организации представителей животного и растительного мира и в основном признает, что лишь результат естественного отбора решает, какая организация в данных условиях оказывается наилучшей, а стало быть и более совершенной в том относительном смысле, какой это понятие имеет на его языке. Он говорит: «Естественный отбор стремится сделать каждое существо столь же совершенным или немного более совершенным, чем другие обитатели той же страны, с которыми оно приходит в состязание. И мы видим, что таково мерило совершенства, достигаемое в природе. Естественный отбор не будет иметь своим последствием абсолютного совершенства, да и на деле, насколько мы в состоянии судить, мы не встречаемся с ним в природе». Затем Дарвин напоминает известные слова Гельмгольца о несовершенстве человеческого глаза, и, наконец, приводит другой пример: «Можем ли мы считать совершенным жало пчелы, которое, при употреблении его против некоторых из врагов, не может быть обратно втянуто благодаря обращенным назад зубцам и тем неизбежно причиняет смерть насекомому, у которого вырываются внутренности?» (стр. 204). Что же дал науке новый критерий Дарвина?

Ограниченная возможность применения этого критерия только к формам, живущим в одинаковых или сходных условиях и близких территориально, — самая характерная его сторона. Но даже и в таком узком применении этот критерий часто не дает ясных результатов. Возьмем, например, такие формы, как гиббоны и orang-утаны. Современные зоологи, в общем, склонны считать orang-утов высшими сравнительно с гиббонами формами. У гиббонов налицо большое сходство с церкониетиковыми обезьянами, тогда как orangи морфологически ближе к человеку. Но естественный отбор ведет к быстрому вымиранию orangов, сопровождаемому сужением их ареала, и оказывается несравненно более благоприятным для гиббонов. Точное применение дарвиновского критерия (высшая форма — та, которая пережила другую в борьбе за существование) тотчас обнаруживает всю относительность его. По Дарвину, широко расселившийся вид распадается на локальные разновидности, из которых каждая находится в соответствии с окружающими ее условиями и оказывается к ним особенно тонко приспособленной. Разновидность того же вида, возникая в другом ареале (и столь же тонко приспособленная к нему), оказывается в силу этого в данном месте относительно выше организованной, чем всякая другая из родственных разновидностей, приспособившихся к иным условиям.

Можно было бы продолжить мысль Дарвина в направлении признания наиболее высокой из этих разновидностей той, которая приобрела наиболее всестороннюю и полную приспособленность к среде. Однако этому препятствуют два обстоятельства: отсутствие мерила для степени приспособленности, и то, что полнота и всесторонность приспособления к узким условиям данной среды закрывает для органической формы возможности дальнейших приспособлений к меняющимся условиям; тонкая специализация заводит в «тупики развития». Для суждения же о «высоте» организации в том смысле, в каком ее понимали до Дарвина (и в каком многие буржуазные авторы продолжают понимать и после него), этот критерий оказывается непригодным.

В четвертой главе «Происхождения видов» Дарвин специально останавливается на вопросе о том, что нужно положить в основу наших суждений относительно «высоты» организации животных, и приходит

к выводу, что критерием в этом может быть лучше всего степень дифференциации органов. При этом он отмечает, что, руководясь таким критерием, исследователь будет вынужден в некоторых случаях признать выше стоящими те формы, которые филогенетически оказываются более древними, а их изменившихся потомков — ниже организованными. С таким парадоксом исследователь столкнется тогда, когда будет изучать строение форм, претерпевших регрессивное развитие, например, в связи с паразитизмом. У этих форм, во-первых, нередко чрезвычайно упрощается строение в целом, так как ряд органов (а иногда и их систем) выпадает; во-вторых, в функциональном отношении их жизнедеятельность сводится к выполнению меньшего числа отправлений, и притом главным образом таких, которые получили название «растительных функций». Нельзя, однако, не отметить, что критерий степени дифференцировки организации иногда оказывается в противоречии с тем, который мы приводили выше, — именно с результатом действия естественного отбора. Так как паразиты оказались победителями в борьбе за существование и пережили своих сложнее и «выше» организованных предков, то, согласно этому первому критерию, их надо считать высшими, согласно же второму — низшими. На этом противоречии Дарвин не останавливается; равным образом не занимается оно и тех, кто комментировал это положение Дарвина. В общем Дарвин относился весьма скептически к самой возможности для биолога установить, когда перед ним являются формы вышние, когда низшие: этому мешает как отсутствие ясного критерия (Дарвин говорит о «крайней запутанности этих понятий»), так и то, что родословная многих и многих форм восстанавливается только гипотетически. Он приводит несколько примеров трудности, а подчас и невозможности решить вопрос, какие из данных форм выше, какие ниже по своей организации.

Г. Спенсер, под пером которого эти воззрения облеклись в довольно выдержанные механистически-материалистические формы, несколько изменил критерий Дарвина, прибавив к дифференцировке органов понятия их централизации («интеграции»). Того же воззрения держался Э. Геккель. Однако в применении к человеку Геккель пытался использовать другой критерий, именно большее или меньшее морфологическое сходство с человекообразными обезьянами. Так, в «Естественной истории миротворения» (т. II) он, опираясь на неточные данные, ставит некоторые малокультурные племена на низшую ступень сравнительно с европейцами на основе этого критерия. Ряд других зоологов с менее крупными именами держался мнения Спенсера: большая степень дифференциации и централизации частей организма — вот, что указывает на высшую форму.

В сущности, аналогичный взгляд был высказан еще Гёте в 1807 г. во введении к его «Морфологии». Там мы находим следующее выражение этого критерия: «Чем менее совершенно существо, тем более его части сходны между собой или одинаковы... Чем сходнее части между собой, тем менее они подчинены одна другой. Субординация частей указывает на более совершенное создание».

В последнее время (с 1920 г.) В. Франц (W. Franz) занимается критическим изучением проблемы «совершенствования» организмов, т. е. понятия их на более «высокую» ступень. Он предложил специальный термин «элевация» для обозначения той формы прогрессивного развития, которая приводит к общему подъему организации (как в морфологическом, так и в функциональном отношениях). Для отличия этого про-

цесса от других, с которыми его нередко смешивают. Франц выдвигает два основных положения («закопа»). Они гласят:

«1. Простую филогенетическую дифференциацию с ее физиологическим коррелятом в виде разделения труда я называю «специализацией»: она клонится к одностороннему приспособлению и идет рядом с пространственным и временным ограничением экологического развития.

2. Филогенетическую дифференциацию и централизацию с их физиологическим коррелятом — разделением и объединением труда — я называю «элевацией» (раньше называл «совершенствованием»).

«Она ведет к повышению общей приспособленности и сопровождается пространственным и временным расширением экологического развития вместе с возрастанием преимуществ в борьбе за существование».

Под «дифференциацией» автор понимает «образование многих одинаковых частей и последующее затем возникновение между ними различий», поскольку это заметно на разных частях тела. Под «централизацией» — соединение ряда частей около одного данного пункта (или немногих), перемещение «органов к центральному пункту (или к немногим), увеличение центральных органов или их дифференцировки». В качестве примера «специализации» автор приводит строение хамелеона, для иллюстрации «централизации» — возникновение цветковых растений и, в частности, образование наиболее богатого видами семейства среди них — сложноцветных.

К взглядам Франца по существу близки воззрения Плате (L. Plate), пользующегося, однако, несколько иной терминологией, на чем здесь нет надобности останавливаться. Наконец, по мнению Франца, его взгляды довольно близки к теории академика А. Н. Северцова относительно двух основных типов филогенетического развития — типа адапции, отчасти соответствующих «специализации» Франца, и типа ароморфозов, которые по своему содержанию близки к элевациям и обозначают общий подъем организации и повышение общей адаптивной способности. Не надо лишь забывать, что ароморфозы применимы только к крупным подразделениям животного мира.

Из этого сжатого исторического обзора видно, что к настоящему времени биологам далеко еще не удалось выработать широко признанного критерия для установления «высших» и «низших» форм в органическом мире и что различные предложенные в свое время критерии оказывались весьма мало пригодными и вели к недоразумениям.

Действительно, они не решают вопроса иногда даже в отношении крупных систематических категорий, например, классов. На вопрос о том, чью организацию надо признать более высокой — костистых ли рыб, которые филогенетически сравнительно молоды и занимают господствующее положение в морских и пресных водах, или двоякодышащих — древних по происхождению, но по морфологическим особенностям стоящих ближе к амфибиям, т. е. к «высшему» классу — ни один из приведенных критериев не дает ответа. Авторы же, высказывавшиеся по этому вопросу, ориентируются на соображения иного порядка. Но если отсутствуют критерии для определения относительной высоты организации целых классов и подклассов, то дело еще более затрудняется при переходе к таким формам, которые близки между собой по систематическому положению, например, к оценке отдельных видов входящих в состав одного и того же рода; и действительно, была бы безнадежной попытка выделить, например, разные виды павианов как «высшие» и

«низшие», исходя из их морфологических или экологических особенностей. Виды одного и того же рода, различаясь между собой признаками большей частью адаптивного характера, могут выявлять разную степень приспособленности к узким условиям своего ареала, но не дают никаких оснований для того, чтобы говорить об «элевации» одного из них по сравнению с другим. Они стоят на одной и той же организационной высоте с точки зрения любого из предложенных выше критериев. Если бы для нескольких видов одного и того же рода можно было указать анцестральную форму, тогда большая или меньшая степень приближения к ней позволила бы говорить о большей или меньшей «примитивности» одних по сравнению с другими (в смысле Э. Геккеля). Однако и такая «примитивность» по отдельным морфологическим чертам не обозначала бы еще меньшей «высоты» организации в целом, так как процесс приспособления к узким условиям существования идет не по линии общего подъема организации, а почти всегда путем более узкой специализации со всеми ее теньевыми сторонами. А если организация предка данных видов нам точно не известна, как почти всегда и бывает, то даже решить вопрос о большей или меньшей морфологической примитивности данного вида не представляется возможным, да обычно исследователи и не ставят такого вопроса.

Еще менее позволительно применение понятий «высший» и «низший» к расам одного вида. Расовая дифференцировка значительно меньше видовой, и если на расы животных и растений смотреть так, как на них смотрел Дарвин, т. е. как на возникающие виды, то не приходится говорить о большей или меньшей степени дифференциации или централизации. Расы различаются трансгрессивно изменяющимися признаками, степень развития которых образует своего рода сгущения вокруг некоторых характерных для каждой расы «средних». Такой тип изменчивости устраняет самую возможность возникновения тех различий, которые могли бы определить «элевацию» организма или его «ароморфоз». Как следует из конкретных примеров, приводимых авторами этих понятий, у них речь идет об общем подъеме организации, отличающем крупные систематические категории друг от друга, например, земноводных от рыб, — переход к наземному существованию, приобретение легких, усложнение кровообращения и т. д.; птиц от рептилий и т. п. Было бы ни с чем не сообразно говорить об ароморфозе, которым одна раса, якобы, отличается от другой. Тем не менее по отношению к одной органической форме такое исключение, как известно, делается. Не беря на себя труда выяснить точное содержание тех понятий, которыми они пользуются, многие антропологи уверенно прилагают термины «низшая» и «высшая» раса к человеку. Почти всегда при этом термином «низшая» обозначают какую-нибудь внеевропейскую расу. Более осторожные в выражениях антропологи и анатомы предпочитают термин «примитивный», разумея под этим понятием большее скопление морфологических особенностей питекоидного характера. Тем самым выдвигается иной принцип для оценки высоты организации, именно принцип, построенный на филогенетическом начале и в наиболее отчетливой форме, впервые примененный Геккелем, — это «филетический» критерий. Филетический критерий, главным образом, и служит мерилем в оценке степени примитивности известной человеческой группы с тех пор, как эволюционное учение одержало победу.

Ложно применяя этот критерий, возобновляли те сравнения человеческих голов (особенно негрских) с головами обезьян, которые так часто делались по примеру Кампера (1770) и так охотно использовались расистами XVIII и начала XIX века. Его тесно связали с эволюционными воззрениями, и многим он казался прочно обоснованным. В пользу борьбы за эволюционную идею его особенно охотно применяли в 60-х и 70-х годах прошлого столетия (напр., К. Фогт, даже Геккель), не замечая той опасности, что с ним легко скатиться к воззрениям крайних «эволюционистов» XVIII века, утверждавшим существование «непрерывного ряда» форм, якобы связующих европеяца с шимпанзе. Заявления, будто расстояние между умственно развитым европеяцем и какой-нибудь бушменкой больше, чем между этой бушменкой и гориллой, стали своего рода триумфом (см., напр., Гексли: «Место человека в ряду органических существ», лекция II, эпиграф), на все лады повторяемым.

Болею научную, на первый взгляд, форму придал этим взглядам Штратц (Stratz), выделив в современном человечестве «протоморфные» расы, как сохранившие в своем типе наибольшее количество анцестральных признаков. Эти расы, однако (австралийцы, папуасы, американцы, маори, даяки, баттаки, акка, ведды и некоторые другие), оказываются настолько варьирующими по своим морфологическим чертам, что самую эту и з м е н ч и в о с т ь признаков автору пришлось признать типичной особенностью всей его протоморфной группы. Названные расы Штратц противопоставил «архиморфным», как возникшим путем дальнейшей эволюции, отнеся сюда белую, черную и желтую расы. Едва ли нужно говорить, что схема Штратца тотчас же встретила серьезные возражения и не была принята большинством антропологов. Для более беспристрастных из них ясна была невозможность дать основанную на филогенетическом принципе классификацию современных рас. Так, Деникер, предлагая свою систему рас, оговаривается, что она не выражает даже степени родства между ними. Чтобы их показать, потребовалась бы по его мнению иная система, в которой расы расположились бы на плоскости в двух измерениях. И это, конечно, не случайность. Главным образом это объясняется порочностью самого филогенетического критерия.

Так как мы до сих пор не имеем в руках надежного материала для суждения о действительных признаках того общего ископаемого предка, от которого получили свое начало гоминиды и антропоморфы, то этот критерий основан на гипотетических представлениях, и в него разные исследователи вкладывали самое различное содержание. Стоит только вспомнить чрезвычайные разногласия, существующие по вопросу о конкретной филогении человека и о его ближайших родственниках среди современных приматов. Пожалуй, не найдется ни одного крупного подразделения приматов (современных и ископаемых), с которыми не пытались бы филогенетически сближать человека. Клаач указывал на связи с первобытными лемурами, Губрехт и Вуд-Джонс — с тарзиевыми, Амегино — с американскими обезьянами, Геккель и Виге — с гиббонными, Грегри — с гориллой, Вейнерт — с шимпанзе и т. д. Наконец, существуют взгляды, отстаивающие весьма древнюю с а м о с т о я т е л ь н о с т ь линии развития человека. Сообразно с этими разногласиями, существующие представления относительно морфологических признаков «общего предка» чрезвычайно разнообразны. Потому и происходит, что для одних примитивные черты воплощены в современных австралийцах, для других — в пигмеях, для третьих — в веддах, в айнах и т. д.

Столь же велики различия и в оценке положения ископаемых форм гоминоидов в системе.

Однако на это могут возразить, что, несмотря на крупные разногласия, большинство антропологов согласно в том, что известные признаки или известное выражение признаков можно охарактеризовать в качестве питекоидных и что скопление такого рода признаков в пределах какой-нибудь расовой группы служит убедительным доказательством ее большей примитивности.

Это может показаться правильным; однако, перейдя к рассмотрению тех признаков, которые называются питекоидными, мы увидим, что своеобразие человеческих рас заключается, между прочим, и в том, что эти питекоидные признаки носят резко дисперсный характер и нигде в значительной мере не аккумулируются, а наблюдаются у самых различных рас. В пользу этого свидетельствует прежде всего вполне трансгрессивный характер расовой изменчивости человека. Признаки, служащие таксономическими для различных рас, переходят друг в друга рядом незаметных и постепенных изменений, причем различная степень их выраженности, производя впечатление качественных различий, сводится к количественной разнице тех или других определяющих морфологических элементов. Это относится даже к таким признакам, как цвет кожи, свойства волосного покрова и разные формы пигментации. В не меньшей мере то же справедливо относительно скелета и его частей, особенно черепа, на который обычно любят указывать, характеризуя примитивность той или другой группы.

Трансгрессивность расовых признаков не оспаривается почти никем из антропологов и не нуждается в доказательствах. Важнее остановиться на дисперсном распределении таких черт, которые привлекаются в качестве питекоидных. Особым вниманием среди них пользуются признаки скелетных частей, главным образом черепа. Возьмем прежде всего ряд признаков черепа, которые дают наиболее наглядные указания на примитивность многих ископаемых форм (напр., неандертальской группы, синантропа и др.). Человекообразные обезьяны отличаются резким выражением многих из этих признаков. К числу их принадлежат: надбровные дуги, которые, при сильном выражении, нередко смешиваются с «надглазничным валиком» (образование морфологически более сложное, чем надбровные дуги, как это будет дальше пояснено). Сюда же принадлежит высота лба, которая у человекообразных обезьян весьма незначительна. Столь же важными признаками служат: наклон лобной кости, сужение ее позади глазниц и наименьшая ее ширина. Теменная область черепа характеризуется протяженностью в передне-заднем направлении, шириной и некоторыми валикообразными выпуклостями, образующими подобие срединного, проходящего спереди назад гребня. Выступание скуловых отростков височной кости, на ряду с некоторыми другими ее признаками, имеет не меньшее таксономическое значение. Во время кругосветного плавания австрийского фрегата «Навара» Шердер и Шварц собрали большие антропометрические данные по различным расам. Их материалы имели то существенное преимущество, что были собраны одними и теми же лицами и по одинаковой методике. Вейсбах (Weisbach) сопоставляя результаты тщательного изучения этих обширных данных, выразился так: «Сходство людей с обезьянами отнюдь не концентрируется у того или другого народа; оно так распределено по разным частям тела различных народов, что каждый из них оказывается наделенным в большей или меньшей мере признаками этого наследственного

родства, и даже мы, европейцы, не можем претендовать на то, чтобы быть свободными от этого родства».

Дисперсное распределение питекоидных признаков бросалось в глаза еще старым наблюдателям человеческих рас. Плавание фрегата «Навара» относится к 60-м годам прошлого столетия. С тех пор накоплено много новых фактов. Наивное удивление Вейсбаха, что, даже мы, «европейцы», не свободны от признаков родства с обезьянами, должно было бы возрасти перед лицом успехов антропологии. Однако основной вывод Вейсбаха остается в силе. Все человеческие расы обладают некоторыми питекоидными чертами.

Таблица 1¹

Признак	Ископаемые формы				Современные группы						
	Неандерталец	Родосец	Комбадензь	Тагтай	Австралийцы	Земляны	Негры	Гуанчи	Алябиды	Среднеазиатские народы	Северная раса
Лобная область											
1. Надбровные дуги	3	1	4	4	4	6	5	5	5	6	5
2. Высота лба	3	2	5	4	4	5	5	5	6	5	5
3. Наклон лба	3	2	5	4	4	5	5	5	6	5	5
4. Позадиглазное сужение	3	3	4	4	4	4	5	5	5	5	5
5. Ширина лба	3	5	4	4	4	4	5	6	5	5	5
Теменная область											
Ширина	5	4	4	4	4	4	4	4	5	6	5
Височная область											
Височная ямка	3	3	4	4	4	3	5	5	5	5	5
Надмастоидный валик	4	4	4	4	4	4	5	5	6	5	5
Затылочная область											
Форма	3	4	5	4	4	4	4	5	6	6	5
Гребень или валик	4	4	5	4	4	5	5	5	5	4	6
Наклон отверстия	2	4	5	4	4	4	4	4	5	4	5
Основание черепа											
Сосцевидный отросток (размер)	3	3	5	4	4	3	4	5	6	5	6
Позадисочленовная (постгленоидальная)	4	3	3	4	4	5	4	4	5	4	5
Лицевой отдел											
Орбиты (форма)	3	3	5	3	6	3	5	6	5	4	4
Носовые кости (форма)	5	5	2	4	5	3	6	4	4	4	2
" " (размер)	5	4	2	5	5	2	6	4	4	4	2
Назлон (уплощ.)	4	3	6	6	6	3	4	5	6	3	5
Зубы											
Клыки (выступ. диат.)	4	2	4	4	4	4	4	4	4	4	4
Относительный размер М ₁ и М ₂	2	3	4	4	4	4	4	4	4	4	4

¹ Сокращено по Гуттону.

Как же распределяется разная степень выраженности подобных особенностей у человеческих рас? Степень выраженности можно обозначать системой баллов, причем во избежание субъективной оценки этих признаков мы используем работу одного из сторонников полигенетического происхождения человека — Гутона (Hooton), который, конечно, меньше всего склонен защищать единство человечества и принципиальное равенство рас в отношении их филогении (табл. 1).

Рассматривая эту таблицу, мы замечаем, что не только не наблюдается параллелизма в степени развития различных признаков у сравниваемых рас, но что эти степени варьируют у различных рас в значительных пределах. При рассмотрении таблицы получается впечатление, что мы здесь имеем дело с тремя дифференцированными группами: 1) неандертальцы и родезиец; 2) комбкелль, талгай и австралийцы и 3) остальные расы, причем эскимосы занимают как бы промежуточное положение между второй и последней группами. Приведенная таблица составлена Гутонем чисто механически. В ней отведена одинаковая роль всем перечисляемым признакам как самостоятельным и ведущим, так и таким, которые с ними коррелятивно связаны в силу физиологической или морфологической зависимости. Если в эту таблицу внести соответствующие исправления, выделив только основные и независимые признаки, то картина будет еще яснее говорить о дисперсности распределения «примитивных особенностей у разных рас» (табл. 2).

Таблица 2

Признак	Ископаемые формы				Современные группы						
	Неандерталец	Родезиец	Комбкелль	Талгай	Австралийцы	Эскимосы	Негры	Гуанчи	Альпийцы	Среднеазиатско-морцы	Современная раса
Наклон лба	3	2	5	4	4	5	5	5	6	5	5
Сагитальный валик	5	3	4	4	4	4	4	5	6	5	6
Глубина височной ямки	3	3	4	4	4	3	3	4	5	4	5
Наклон затылочного отверстия . . .	4	4	4	4	4	4	4	4	5	4	5
Наклон орбит	4	4	4	6	4	3	5	3	4	5	5

Для правильного понимания соотношений, имеющих место в человеческом черепе, надо принять во внимание, что основная линия эволюции черепа от обезьяноподобного предка к человеку шла в направлении увеличения мозговой коробки и приспособления ее к помещению весьма объемистого и дифференцированного мозга, а также в сторону сокращения жевательного аппарата. Развитие в первом направлении выразалось поднятием (общим) черепной крышки над плоскостью основания мозга (церебральной плоскостью Кизса) и привело к изменению положения лобной, теменных и затылочных костей.

Разрастание мозга, кроме поднятия черепной крышки в теменной и лобной областях, вызвало изменение и кривизны затылочной области. Таким образом, наклон лобной кости оказывается в тесной связи с другими признаками, обязанными своим возникновением все тому же увеличению и усложнению головного мозга. А потому можно достаточно охарактеризовать весь этот ряд тесно связанных процессов при помощи

какого-либо единого признака, как, например, наклон лобной кости. Мы избираем этот признак в качестве «представительного» для ряда других, с ним тесно связанных физиологическими и морфологическими зависимостями. Для характеристики развития темиоральной (височной) области, которое складывается преимущественно под антагонистическим воздействием, с одной стороны, разрастания височной доли полушарий мозга, с другой — давления жевательных мышц, пухляющихся в достаточной поверхности для своего прикреплении, может служить степень углубленности височной ямки. В затылочной части мы имеем такие существенные моменты: 1) смещение вперед большого затылочного отверстия, что весьма важно для лучшей устойчивости черепа на позвоночном столбе, 2) наклон названного отверстия вперед — так называемый «отрицательный» угол наклона, который на современных черепах колеблется в пределах от $+7$ до -39° . Наконец, образование поперечного затылочного валика, что указывает на развитие мышц, поддерживающих череп в состоянии равновесия на позвоночнике.

Как известно, сосцевидный отросток служит хорошим индикатором развития той мускулатуры, которая способствует разнообразию движений головы, но этот отросток имеет сравнительно слабую связь с основным процессом эволюционного преобразования черепа. Углубление сочленовой ямки для нижней челюсти характерно для человека, тогда как прочие приматы отличаются слабым развитием ее в глубину и наличием в связи с этим ряда приспособлений для укрепления соответствующего сустава. Лицевая часть человеческого черепа в целом претерпевает обратное развитие по сравнению с мозговой в процессе эволюции. Следя за индивидуальным ростом в онтогенезе, можно убедиться, что лицевой отдел в течение долгого времени остается в слабо развитом состоянии, тогда как мозговой значительно опережает его. Не только у человека (ископаемого), но и у его более далеких предков (обезьяноподобных) челюстной аппарат уже не играл той роли орудия нападения и защиты, которая ему принадлежала на более ранних стадиях. Со времени становления человека, когда пользование орудиями стало доставлять неизмеримые выгоды сравнительно с употреблением непосредственно органов и частей тела, роль жевательного аппарата еще более отступила назад. Он стал предметом активного редуционного процесса. Начала сокращаться длина лица (расстояние от базиса до простиона), уменьшились размеры зубов, и зубной аппарат в целом претерпел дальнейшие признаки недоразвития. Выработалась характерная для человеческой челюстей форма (подковообразная) зубной дуги, значительное приближение к которой удавалось даже получить экспериментально на некоторых домашних животных, у которых происходит сильное сокращение длины лицевого скелета.

Рассматривая нижнюю челюсть, отмечаем, что в процессе этой эволюции ее редукция шла неравномерно: разные части нижней челюсти испытывали неодинаковые изменения. В функциональном отношении тело нижней челюсти удобно разделить на два отдела: верхний, в котором сидят зубы, и нижний, служащий для прикрепления ряда мускулов, двигающих язык и образующих дно ротовой полости. Сравнивая челюсть человекообразной обезьяны с человеческой, видим, что первая из названных двух частей (альвеолярная) преобладает у обезьяны над второй, тогда как у человека имеет место обратное соотношение. Не входя в рассмотрение и оценку теорий, пытающихся объяснить эти факты, мы можем ограничиться констатацией того, что слабому развитию зубного

аппарата у современного человека соответствует уменьшение размеров альвеолярной части тела нижней челюсти. В то же время ее нижняя «мускулярная» часть не обнаруживает заметных признаков недоразвития. Напротив того, в области подбородка у человека развиты особые добавочные косточки («подбородочные») которые, срастаясь в первые месяцы постнатальной жизни с ветвями нижней челюсти, способствуют оформлению и укреплению подбородочного выступа, столь характерного для современного человека.

К сказанному необходимо еще добавить, что в связи с давним переходом предков человека от древесного существования к наземному, у них в значительно большей мере, чем у других представителей высших приматов, сохранились обонятельный аппарат и обслуживающие его скелетные части. Для человеческого черепа характерно наличие сравнительно обширных полостей решетчатой кости, довольно широкого межорбитального пространства и значительных носовых хрящей.

Совокупностью перечисленных признаков в первую очередь отличаются человеческие черепа от обезьяньих (имеются в виду человекообразные обезьяны). Эти признаки сохраняются у всех современных рас, несмотря на их бесчисленные вариации. Таким образом, внутривидовая изменчивость здесь (как и во множестве аналогичных случаях) естественно сочетается с общим видовым постоянством и оказывается включенной в узко определенные рамки.

Если сравнить между собой черепа различных человеческих рас с точки зрения достижения ими характерного для вида «Человек» состояния, которое так резко отличает его от высших приматов, то становится очевидным, что все расы без исключения вполне достигли этой стадии эволюции. Расовые вариации черепа идут не по линии большего или меньшего достижения этой стадии, а в разных других направлениях. Не раз было установлено, что нет ни одного современного человеческого черепа, который соединял бы в себе те признаки, какими отличаются, например, неандертальские черепа. Что же касается изолированного появления отдельных неандерталоидных черт, то они свойственны представителям различных расовых групп. Это еще раз подтверждено новейшей работой проф. Яцуты (1936 г.) «Неандерталоидные признаки на черепе *Homo sapiens*».

Из трех важнейших отличий человека от других приматов — вертикального положения тела, необычайного развития мозга и общественного труда — мы должны преимущественно остановиться на комплексе признаков, связанных с развитием мозга. Так как от ископаемых гоминид сохранились, главным образом, черепа или их фрагменты и так как одним из основных материалов для изучения вариаций современных рас служат опять-таки краниологические коллекции, то прямое изучение мозга в антропологии в известной мере заменяется изучением черепа, из чего обычно и выводят заключения относительно мозга (несмотря на всю методологическую рискованность таких дедукций). Это приводит к необходимости рассмотрения расовых особенностей черепов в том разрезе, который связан с эволюционным развитием человека.

Остановившись на размерах черепа, находим, что как ширина его, так и длина колеблются в очень больших пределах: длина от 143 до 225 и ширина от 101 до 174 мм. В эти широкие рамки вариаций укладываются также размеры черепа крупнейшей человекообразной обезьяны — гориллы (до 200 мм длины у взрослых самцов и 160 мм ширины). Длина и ши-

рица черепов ископаемых гоминид также не выходит за пределы, характерные для современных людей.

Совсем другое дело — высота черепа. Этот размер наиболее характерен для современного человека. Обращаемся поэтому к развитию черепа в высоту, как к наиболее выделяющемуся у *Homo sapiens* признаку мозговой коробки. Беря средние данные расовых групп (для мужчин и женщин вместе), находим по сводке Мартина, что минимальные размеры этих расовых средних свойственны бушменам (малый рост), калмыкам, французам, меровингам (ископаемые черепа), бурятам, тирольцам, готтентотам. Большими размерами обладают австралийцы, ископаемые черепа с территории Чехо-Словакии, папуасы, тасманийцы, ведды, шотландцы, испанцы, швейцарцы, баварцы; наконец, эту группу значительно превосходят эскимосы, новокаледонцы, айны и некоторые другие народности (их то нередко и причисляют к «низким» или «примитивным» расам).

Так варьируют абсолютные размеры высоты черепа. Если от них перейти к индексам, характеризующим развитие мозгового черепа в высоту сравнительно с другими диаметрами, то результаты будут не менее показательны. Для характеристики высотного развития черепа обычно пользуются особым индексом, показывающим, сколько процентов наибольшей длины (продольного диаметра) черепа составляет его наибольшая высота. Если это отношение выражается указателем не меньшим 70 и не большим 75, то такие черепа называются ортокрайными и считаются среднеразвитыми по этому признаку. Располагая изученные народности в порядке возрастания этого индекса, находим самое низкое его значение у калмыков, торгутов (70.5), гуанчей (70.6), голландцев (70.9), шотландцев («северная раса») (70.8), меровингов¹ (71.1), аллеманов (71.5), австралийцев (71.9), французов (71.9), испанцев (72.0), тасманийцев (72.2), кафров (72.5), вюртембергцев (72.9), теленгетов (73.7), тирольцев (73.8), татар (74.0), баварцев (74.1), эскимосов (74.1), румын (74.7), поляков (74.8). Следующую группу составляют так называемые гипсикефалы, т. е. народности, черепа которых обладают (в среднем) показателем выше 75. Сюда принадлежат: великороссы (75.4), сенои (75.5), айны (75.6), украинцы (75.7), новокаледонцы (75.8), жители Сандвичевых островов (76.0), вотяки (76.5), маори (77.0), северные китайцы (78.3), а также черепа курянского периода с территории Советского Союза (79.4). Сопоставляя абсолютные размеры высоты черепа с величинами этого указателя, а также с размерами указателя, принимающего во внимание так называемую «ушную высоту черепа» (т. е. высоту темени над уровнем наружного слухового прохода), Мартин говорит следующее: «Ортокефалы и гипсикефалы преобладают у огромного большинства современного человечества, т. е. у большинства человеческих рас мозговой отдел черепа представляется умеренно высоким или высоким сравнительно с размерами наибольшего продольного диаметра. Больше всего высота черепа выражена у эскимосов, некоторых североамериканских групп, японцев и северных китайцев. Платикефалией (уплощенной формой головы) обладают чистые монголы, остяки, раннеисторическое население Европы, австралийцы и северные европейцы» (стр. 799).

Наконец, сравнивая высоту черепа с его развитием в ширину, получают аналогичным образом индексы, показывающие, сколько процентов наибольшего поперечного диаметра черепа составляет его высота. По ве-

¹ Речь идет о черепах из средневековых погребений на территории Франции.

личие этого индекса черепа принято делить на три группы: тапейнокрайние, т. е. низкие и широкие, метриокрайние — средневысокие и среднеширокие и, наконец, акрокрайние, т. е. характеризующиеся значительной высотой при малой ширине. К первой группе, индексе которой не превышает 92, принадлежат: калмыки, буряты, тирольцы, вюртембергцы, швейцарцы, французы, баварцы, ископаемые черепа с территории Чехо-Словакии, башкиры. Ко второй, с индексом, заключенным в пределах от 92 до 98, относятся (в порядке увеличения этого индекса): мервинги, аллеманы, великороссы, татары, вотяки, испанцы, шведы, черемисы, восточные чукчи. Наконец, к группе, называемой акрокрайними, т. е. обладающими показателем, превышающим 98,9, следует причислить: айнов, эскимосов, кафров, некоторые племена индейцев, курганские расы Восточной Европы (у последних индекс достигает 106).

Уже давно в глаза антропологам бросилось, что наибольшее развитие черепа по его трем диаметрам в разных расовых группах происходит весьма неравномерно. Еще Велькер (Welker) на основании сочетания наибольшего развития тех или других диаметров выделил разные типы строения черепа. Это становится совершенно ясным при рассмотрении его схемы (табл. 3).

Таблица 3¹

Гипсиенодолихоцефалы: высокий, узкий, длинный череп	Гипсиеномезоцефалы: высокий, среднеширокий, среднелиннй череп	Гипсиенобрахицефалы: высокий, узкий, короткий череп
Негры	Гавайцы	Суданские негры
Ортостенодолихоцефалы: средневысокий, узкий, короткий череп	Ортостеномезоцефалы: средневысокий, среднелиннй череп	Ортостенобрахицефалы: средневысокий, узкий, короткий череп
Австралийцы	Японцы	Тюрки
Брахистенодолихоцефалы: низкий, узкий, длинный череп	Брахистеномезоцефалы: низкий, среднеширокий, среднелиннй череп	Брахистенобрахицефалы: низкий, узкий, короткий череп
Готтентоты	Немцы	Тунгусы

Развитие черепа в высотном направлении более всего типично для свойственного человеку развития мозга. Именно потому антрополога так интересует череп, что он дает известную возможность судить относительно целого ряда особенностей мозга, изучить которые (напр., для ископаемых рас) иначе не представляется возможным. Однако развитие черепа в высоту далеко не вполне характеризует развитие мозга, именно его наиболее существенной части — больших полушарий. Дело в том, что в черепе помещен головной мозг, включая и полушария и мозжечок. Относительное развитие этого последнего весьма неодинаково в разных случаях. Если он объемист и его верхняя поверхность расположена вы-

¹ По Велькеру.

соко в черепной коробке, то на долю полушарий приходится сравнительно меньшее пространство, а стало быть, заключать по высоте черепа о развитии полушарий неправильно. Отчасти в виду этого, отчасти по некоторым иным соображениям было предложено измерять высоту черепной крышки не от основания черепа, а от особой вспомогательной линии, проведенной от наиболее выступающей точки над носовыми костями (от так называемой «глабеллы») до затылочной точки («нинона»). Расстояние наиболее высокой точки черепного свода от этой линии и принято называть «высотой черепной крышки». Выразив эту высоту в процентах длины черепа (наибольшего продольного диаметра), получаем «индекс высоты черепной крышки», который часто применяется для характеристики ископаемых черепов, у которых обычно не сохраняются основания и нет возможности вычислить другие указатели, связанные с высотой. Действительно, по размерам этого указателя неандертальская группа черепов весьма резко обособляется от круга современных рас: этот индекс у неандертальцев колеблется в пределах между 39 и 46, тогда как у современного человека он лишь в крайне редких случаях спускается до этой величины, обычно же заключен в пределах между 56 и 80. Средние размеры его у многих рас весьма близки друг к другу. Так, у австралийцев этот индекс — 56.0, у псевдов — 57.4, у веддов — 58.4, у негров банту — 59.4, у эскимосов — 62.7, у малайцев — 64.3 и т. д.

Если высоту черепной крышки сопоставлять не с продольными размерами, а с поперечным диаметром черепа, то получается другой указатель, который тоже весьма полезен для отличия черепов человекообразных обезьян от черепов ископаемых гоминид, но который в то же время подтверждает единство современного человечества в отношении развития мозговой коробки не менее убедительно, чем другие только что приведенные данные. Вот что говорит по поводу этого указателя инициатор его введения Г. Швальбе: «Среди современных рас этот указатель варьирует в пределах между 62.1 и 82.9; самое низкое место по его значению принадлежит калмыкам (62.1). Таким образом, по этому индексу калмыки теснее других рас примыкают к размерам неандертальского черепа. Дальше всего от последнего отстоят узкие черепа веддов; но и черепа австралийцев, а также избранные мной для сравнения эльзасские черепа обнаруживают весьма значительный отход от неандертальского типа» (стр. 44—45).

Выше мы упоминали о том, что в течение человеческой филогении имело место усиленное расширение и разрастание передних (лобных) долей большого мозга, которое сказывалось соответствующим увеличением поперечного лобного диаметра. Для суждения о степени развития последнего нередко применяется индекс, показывающий размер наименьшего лобного диаметра (измеряемого там, где так называемые «височные линии» всего ближе сходятся между собой) в процентах наибольшего черепного поперечника. Хотя величине этого индекса и не придают большого значения в расово-диагностическом отношении, тем не менее интересно проследить за ее колебаниями у различных рас. Наибольшей величины индекс этот достигает у австралийцев (Швальбе, стр. 81), имея здесь в среднем значение 77 и колеблясь в пределах от 69 до 87. Во всяком случае эти колебания показывают, что ни о какой «бестиялизации» австралийского черепа не может быть речи. Большая величина этого индекса свойственна также североамериканским индейцам, далее идут монголоидные группы и, наконец, последнее место занимают европейские типы (черепа из Давоса и Эльзаса, исследованные Швальбе).

Это обстоятельство настолько поразило Г. Швальбе, что он готов был признать меньшую величину этого индекса у питекантропа «типично гоминидным признаком» (хотя у обезьян он еще меньше).

Взамен этого, дающего, с точки зрения Швальбе, столь неудовлетворительные результаты, индекса он предложил другой, который должен характеризовать положение позадиглазничного сужения на том или ином расстоянии от выступающей вперед точки лобной кости (глабеллы). Что же дает этот индекс? Ничего утешительного с точки зрения сторонников неравноценности рас. Его величина у обезьян колеблется в значительных рамках между 12 и 33, будучи в среднем равной 22. Для неандертальцев указывают гораздо более узкие пределы его вариаций — между 16 и 19. Для исследованных Швальбе черепов современного человека он приводит лишь две средних величины: европейцы 12.2 и негры 11.7. Таким образом, эти последние больше удаляются от питекоидных значений индекса, чем эльзасцы.

Наибольшую известность приобрел установленный Швальбе же «лобный угол». Да и действительно, при всех его недостатках, в нем нельзя не признать ценного средства для распознавания особенностей ископаемых представителей человечества, — таких, как питекантроп, синантроп или неандертальцы. Этот угол четко характеризует положение и развитие лобных костей, именно увеличение их изогнутости и поднятие чешуи, что тесно связано с увеличением соответствующих долей мозга. Величина лобного угла у обезьян очень незначительна, но все же она превосходит его значение у прочих групп млекопитающих. У обезьян вариации этого угла заключены между 30 и 50°, у питекантропа он поднимается до 52°, у неандертальцев колеблется от 57 до 67°, у современных людей всегда бывает больше 72°. Этот признак, несомненно, служит выражением одного из характернейших явлений очеловечения. Спрашивается теперь, как же он распределен среди современных рас? Для ответа предоставляем слово самому Швальбе: «Наименьшее значение лобного угла отнюдь не свойственно низкостоящим расам. Негры в среднем имеют его равным 100.3°, эльзасцы — мужчины 91.4—93.7°».

Размер этого угла выражает преимущественно степень выпуклости лобной чешуи, но недостаточен для характеристики ее положения относительно принятой за горизонталь плоскости. С целью количественного учета этого признака был предложен так называемый «угол наклона лба». Для его получения проводят две прямые, из которых одна идет от упомянутой выше глабеллы к той точке лобной кости, в которой она соприкасается с обеими теменными (к так называемой «бреме», месту, где у новорожденных бывает «родничок»), другая прямая представляет собой горизонталь, соединяющую глабеллу с затылочной точкой. Для характеристики вариаций этого угла приводим табл. 4, показывающую, в каких пределах колеблется его значение у представителей современного и ископаемого человечества. Из нее ясно, что этот угол, вопреки, служит хорошим диагностическим признаком для выделения таких ископаемых форм, как неандертальцы, а с другой — что его распределение у современных рас имеет столь же дисперсный характер, как и остальные признаки, характеризующие выход человека из животного состояния.

Чтобы покончить с рассмотрением лобной кости, мы должны оценить еще один признак, который обычно выдвигают, как доказательство примитивности и питекоидности некоторых рас. Рассматривая австралийские черепа, на многих из них можно заметить значительное выступание

надбровных утолщений: с ними сравнивают то образование, которое у антропоморфных обезьян (гориллы и шимпанзе) носит название «надглазничного валика». Надглазничный валик имеется у ряда ископаемых гоминид, достигая у некоторых из них, например, у родезийца, чрез-

Таблица 4

Угол наклона лба

(наклон линии глабелла—брега к горизонтали)

Ископаемые формы	Питекантроп	37.5°	Швальбе
	Неандерталец	44°	"
	Шапель-о-Сен	45.5°	Буль
	Спи I	46°	Клаач, по Швальбе,— 45°
	Спи II	47°	" " " 45°
	Гибралтар	50°	Соллас
Крапина	50—53°	Клаач	
Современные группы	Калмыки	56.5°	Швальбе
	Фризы	58.6°	Барфе
	Дчагга (негры)	58.6°	Швальбе
	Тирольцы	59°	Фрицци
	Эскимосы	59.5°	Эткеняг
	Эльзасцы	60°	Швальбе
	Австралийцы	60.4°	Каннинггам
	Баварцы	61°	Рид

вычайного развития. Что представляет собой это образование? Его морфология была выяснена тем же Г. Швальбе, который так много потрудился над определением точного систематического положения питекантропа и других ископаемых гоминид. Строение надглазничной области у гоминид и высших приматов бывает в одной из трех форм. Первая выражается наличием равного не утолщенного края верхней крышки глазницы, в медиальной (средней) части которой (отступая от края) наблюдается более или менее значительное вздутие, имеющее полукруглую форму: это «надбровная дуга». Продольная ось этой дуги направляется косо вверх и наружу. В сторону от дуги (латерально) располагается ровная, приблизительно треугольная площадка, ограниченная снаружи началом височных линий: это «надглазничный треугольник». В этом типе, стало быть, ясно различимы три морфологические элемента: неутолщенный край глазницы, дуга и треугольник. Второй тип представляет незначительное изменение первого: надбровная дуга несколько расширяется и захватывает часть (медиальную, т. е. ближе расположенную к середине) надглазничного края, который тоже представляется в этом случае утолщенным. Различимы только два элемента: дуга (слившаяся с утолщенным краем) и треугольник. Наконец, существует и третий тип: утолщение охватывает не только медиальную часть глазничного края, но распространяется и на латеральную сторону его, т. е. на «надглазничный треугольник». Вся эта область оказывается значительно вздутой, край глазницы на ощупь представляется округленным на всем протяжении (тогда как обычно он ребрист). Утолщения обеих сторон (правое и левое) соединяются друг с другом в области глабеллы и сливаются здесь в один валик, идущий без заметных понижений от одного края лобной кости до противоположного. С каждой стороны в состав

этого утолщения входят три элемента: надглазничный край, надбровная дуга и надглазничный треугольник. Они настолько сливаются, что не представляется возможным найти между ними границы. Однородный толстый вал пробегает в этом случае по всему протяжению верхнего края глазницы, сильно выступая в то же время вперед и несколько нависая над входом в глазницу. Таково строение валика некоторых обезьян и неандертальского человека. Этот тип валика можно назвать питекоидным, но как раз он и не встречается, как правило, у представителей современных рас. Зато у них нередко наблюдаются первый и второй типы надбровья в самых разнообразных вариантах. Второй тип весьма нередок у австралийцев, но встречается и у других рас. Таким образом, и в отношении этого признака современные человеческие расы значительно отличаются не только от человекообразных обезьян, но и от вымершей формы «первобытного человека».

Сравнивая череп человекообразной обезьяны в профиль с человеческим, нельзя не отметить крупного различия между ними в степени развития теменной области: у человека на ее долю приходится значительная часть черепной крышки, тогда как у обезьяны эта область весьма невелика. Эту разницу не трудно выразить числом, разделив на длину теменного отдела длину основания черепа. У обезьян (кроме шимпанзе) это отношение в среднем близко к 160, тогда как у современных людей оно колеблется около 88. Таким образом, меньшая величина этого указателя характеризует гоминоидный тип, а увеличение его сближается с питекоидными признаками. Приводим данные, показывающие размеры этого индекса у некоторых современных групп. Таблица не нуждается в комментариях.

Негры	85.6
Папуасы	85.9
Огнеземельцы	86.4
Китайцы	87.0
Ваттаки	87.1
Швейцарцы	90.5
Швейцарцы кантона Дени	92.6
Баварцы	89.6
Буряты	93.1

Итак, основные измерительные и описательные признаки черепов современных человеческих рас не дают оснований признать ту или другую из них стоящей на иной, «низшей» ступени эволюционного развития, чем *Homo sapiens* в целом. Ни одна раса не может также считаться переходной от питекоидного предка к современному человеческому типу. Напротив того, самые различные расы унаследовали от питекоидного предка те или другие признаки, но ни одна не аккумулялировала их в такой мере, чтобы ее можно было противопоставить остальному человечеству в качестве питекоидной. Легенды о питекоидности негров, веддов, айнов, новокаледонцев, тасманийцев, бушменов, австралийцев и т. д. создавались, как бессознательный (а иногда и сознательный) ответ на «социальный заказ» капитализма, искавшего «научного обоснования» для своих притязаний на колониальное господство. Легенды эти рушились по мере накопления точных знаний, но их гибель по понятным причинам сопровождалась несравненно меньшим шумом, чем рождение.

Одним из важных признаков, отличающих современного человека не только от обезьян, но и от неандертальской группы, является так называемый кранио-фациальный индекс (т. е. черепно-лицевой указатель).

Он характеризует развитие лицевого скелета сравнительно с мозговым, в частности, отношение высоты лица (верхней) к высоте черепа. У неандертальцев этот указатель колеблется в пределах от 62,5 до 71,5 (по Хрдличка), у современных рас между 47,5—60,8. У европейцев (по данным разных авторов, приведенных у Рогинского) между 50,2 и 54,3; в тех же пределах он варьирует у негров и австралийцев (Хрдличка). Но у веддов его величина снижается до 48, у тасманийцев до 47,7, у бушменов до 49,3 и т. д. По этому признаку названные народности ушли еще дальше от неандертальцев, чем европейцы или негры или североамериканские индейцы.

Признаки, на которых мы до сих пор останавливались, касаются формы взрослого черепа и характеризуют в достаточной мере его основные особенности. Общий вывод, к которому неизбежно приводит изучение фактов, — дисперсное распределение тех признаков, которые могут считаться приближением к питекоидному предку. Сторонники деления человеческих рас на «высшие» и «низшие» приводили в пользу своих «теорий» соображения еще другого рода. Они относились к порядку зарастания швов на черепе, что якобы определяет не только окончательную конфигурацию черепа, но и возможности развития мозга в более позднем возрасте, после того, как рост костей скелета прекратился. Наиболее ярким выразителем этих взглядов был французский анатом Грасиоле (Gratiolet). Он высказал такие соображения: Швы у «высших» рас исчезают в другой последовательности, чем у «низших». У последних, как у обезьян, процесс этот всегда начинается спереди, с лобной области черепа, т. е. на границе лобных и теменных костей, и отсюда идет назад. Само собою разумеется, это отражается на раннем завершении формирования передних долей головного мозга, которые у «высших» (белых) рас, где лобно-теменной шов облитерируется после затылочно-теменного, могут развиваться еще далее. Это, мол, должно быть поставлено в связь с «умственным различием племен».

Со времени Грасиоле порядок зарастания швов на черепах людей и обезьян служил не раз предметом серьезных исследований. Над ним особенно работали Фредерик, Больк и ряд других анатомов и антропологов. Все они единодушно установили, что положения Грасиоле представляют собой грубую ошибку (которая, однако, прочно утвердилась и в учебниках продолжает иногда до сих пор повторяться). Надо сказать, что свои наблюдения Грасиоле производил над несколькими черепами негров, которых он считал представителями «низших» рас. Специально на большом негрокском краниологическом материале это было проверено в последние годы американскими исследователями Тоддом и Ляйном (Todd and Lyon), которые пришли к следующим выводам: 1) «Замыкание швов на внутренней стороне черепа не представляет сколько-нибудь значительных отличий ни относительно порядка, ни относительно возраста, в котором оно происходит, на черепах негрских сравнительно с европейскими. 2) Индивидуальные вариации в мелких подробностях сильнее выражены на негрских черепах, чем на европейских. 3) Индивидуальные вариации в более существенных признаках, на основе которых череп можно было бы отнести к числу аномальных в отношении замыкания швов, чаще наблюдаются у негров, но эти колебания происходят в обе стороны от средней, которая как для белых, так и для негров, одинакова. 4) Как у негров, так и у белых, венечный шов начинается облитерироваться и заканчивает этот процесс несколько раньше, чем ламбдовидный» (под-

черкнуто нами. — М. Г.), и т. д. Последний пункт, цитированный нами, прямо бьет по тезисам Грасноле. Необходимо лишь добавить, что названные авторы еще раньше исследовали порядок зарастания черепных швов на наружной поверхности черепов¹ и установили, что между ним и порядком зарастания на внутренней стороне никаких существенных различий не обнаруживается. Таким образом, взгляды Грасноле и тех, кто на них опирается, лишаются и тени какого-либо основания. Очевидно, что и по отношению к этой особенности, которой долго придавали первостепенное значение, тщательные наблюдения показали всю вздорность представлений об ином, якобы питекоидном типе развития, будто бы свойственном некоторым расам современного человека.

Мы не рассмотрели пока основной особенности человеческого черепа, на которой иногда строятся далеко заходящие выводы: емкости черепной коробки, по величине которой можно судить о размерах мозга, а потому по ней берутся судить и об уровне умственных способностей. Прежде всего следует отметить, что чисто механистический подход к оценке умственных способностей только по размерам мозга уже потому неправилен, что, как известно, существуют животные, у которых мозг значительно больше человеческого — это слоны и некоторые китообразные. Никто, однако, не станет утверждать, что эти животные превосходят человека умственными способностями. Могут сказать, что важно не абсолютное превосходство размеров (и веса) мозга, а отношение их к величине (весу) тела, т. е. степень церебрализации животного; однако, и это не выведет из затруднения, так как найдутся небольшие обезьяны (американские), у которых отношение веса мозга к весу тела окажется больше, чем у человека. Стало быть, ни тот, ни другой признак не могут считаться определяющими высоту умственных способностей. Далее, вес мозга великих людей далеко не всегда превосходит средний вес мозга, свойственный данной расовой группе, вес же мозга у некоторых идиотов был много выше среднего человеческого. Наконец, у представителей ископаемого человечества (неандертальцев), обладавших, несомненно, меньшими умственными способностями, чем современные люди, величина мозга нередко значительно превосходила среднюю для ныне живущих рас. Так, мозг старика из Шапель-о-Сен, по Булю, имел объем 1626 мм³, то же отмечено для черепа Спи I — 1562, для черепа Спи II — 1723 и т. д. Индивидуальные вариации веса мозга в пределах каждой современной расовой группы весьма значительны, сильно превосходя пределы вариаций, характерные для средних размеров мозга различных рас. Все эти факты необходимо учесть для того, чтобы определить истинное значение такого признака, как емкость мозговой капсулы, по которой можно судить о размерах головного мозга. Следует, кроме того, иметь в виду, что точное определение емкости черепа — далеко не простой и легко выполнимый эксперимент, и его результат в значительной мере определяется методом, которым данный исследователь пользовался. Так, при определении емкости черепа с помощью наполнения его дробью и последующего измерения ее объема, обычно получают значительно большие величины, чем при измерении тех же черепов путем заполнения их grosom. Емкость знаменитого черепа неандертальской расы из Шапель-о-Сен оказывается равной 1530 см³, если измерять grosom, и 1626 см³ — при пользовании дробью. При измерении емкости черепа из «Пещеры

¹ Необходимо отметить, что у людей всех рас, в противоположность тому, что указывали для обезьян, замыкание черепных швов начинается на внутренней поверхности и постепенно распространяется на наружную.

мертвеца» первым методом получается 1511 см³, при втором методе тот же череп оказывается вмещающим в себе 1606 см³. Значит, применение разных методов дает разницу, доходящую даже в умелых руках первоклассных исследователей до 100 см³. Нечего и говорить, что менее опытные, особенно начинающие работники будут получать гораздо менее надежные результаты.

Обращаясь теперь к числовым данным, находим, что антропологам удалось не только констатировать известную связь между емкостью черепа и размером тела, но кроме того установить зависимость между общей формой головы (определяемой головным указателем) и размерами мозговой коробки. Так, например, при средней емкости французских черепов в 1420 см³, долихоцефальные из них обладают емкостью в 1396, а брахикефальные в 1463 см³. В общем считают, что в пределах одной и той же популяции емкость долихоидных черепов оказывается почти на 100 см³ меньше брахиоидных. Таким образом, если перед нами две расы, из которых одна представлена резко долихоидными особями, а другая имеет смешанный или преимущественно брахиоидный характер, следует ожидать, что при прочих равных условиях емкость черепов первой расы окажется ощутительно меньше емкости черепов второй.

Что же дают действительные измерения черепной емкости? Результаты измерений при помощи насыпания зерна или наполнения черепов водой даны в табл. 5 (стр. 72).

Из приведенной таблицы вытекает, что средняя емкость черепов у европейцев приблизительно равна 1440 см³ — числу, к которому приближается емкость черепов (средняя) народов восточной Азии и Океании, тогда как малорослые группы (ведда и др.) обладают меньшей емкостью. Что касается австралийцев, то для оценки характерной для них величины объема черепов надо принять во внимание (помимо пониженного веса тела) также исключительную долихоидность их черепов, которая в пределах любой человеческой популяции снижает емкость черепа приблизительно на 100 см³.

Таким образом, и этот признак — емкость черепа, которым нередко любят козырять сторонники наличия «низких» рас в человечестве, оказывается несостоятельным. Комплекс ведущих признаков, отражающих процесс развития мозга, и приспособления к этому процессу скелета головы (и лицевого отдела) не дают оснований выделять какие-либо современные типы как стоящие на низшей ступени этого развития или как находящиеся еще на пути к той стадии, которая уже переживается другими, «вышшими» расами. Этим еще раз подчеркивается, что все расы современного человечества находятся на одной и той же стадии филогенеза, представляя лишь отклонения в разные стороны, отклонения, возникающие в результате взаимодействия мутационных и паратипических процессов, не подхватываемых отбором, и находящихся единственную возможность закрепления в большей или меньшей изоляции отдельных групп, которая определяется в конечном итоге отнюдь не биологическими, а социальными факторами.

Что же касается большей или меньшей отсталости человеческих групп в культурном отношении, то данные археологии и этнографии давно показали, что она ничего общего не имеет с биологическими (расовыми) признаками этих групп, равно как быстрое социальное развитие других нисколько не определяется их расовыми свойствами. Те народы, которые в настоящее время ушли вперед в экономическом и культурном отношении, стояли на весьма низком культурном уровне какие-нибудь две-

три тысячи лет тому назад, когда их физический тип и расовые особенности в основном успели сложиться в том виде, в каком мы их застаем теперь. Культурный уровень германских племен, описываемых Ю. Цезарем, был чрезвычайно отсталым сравнительно с культурой тогдашнего

Таблица 5

Страны	Средняя емкость мужского черепа	Емкость женского черепа	Автор
Европа			
Тирольцы	1 359 (1 080—2 020)	1 238	Фридрих
Голландцы	1 382 (1 025—1 796)	—	Больк
Чехи	1 415 (1 230—1 800)	1 266	Шифф
Поляки	1 440 (1 200—1 650)	1 190	Лот
Саксы	1 460 (1 290—1 720)	1 300	Велькер
Баварцы	1 464 (1 170—1 750)	1 309	Рид
Швейцарцы	1 467 (1 200—1 660)	1 349	Рейхер
Эльзасцы	1 484	1 299	Ребенштиг
Африка			
Бушмены	1 324	1 216	Саразин
Негры	1 330	1 231	Велькер
Кафры	1 460	1 310	Шрэдзал
Азия			
Веды	1 250 (1 012—1 408)	1 139	Саразин
Индусы	1 275	—	Велькер
Тамилы	1 336	1 171	Саразин
Теленгеты	1 439	1 269	Рейхер
Китайцы	1 456	1 380	Геберер
Калмыки	1 466	1 277	Рейхер
Торгоуты	1 489	—	—
Буряты	1 496	—	—
Америка			
Северо-американские индейцы	1 440 (1 236—1 660)	—	Велькер
Индейцы Арканзаса	1 455 (1 310—1 770)	—	Хрдличка
Эскимосы	1 563 (1 410—1 775)	1 458	—
Океания			
Австралийцы	1 310	1 154	Саразин
Папуасы	1 398	1 275	Мейер
Новокаледонцы	1 420	1 300	Саразин
Маори	1 479	1 307	Лушан
Таитяне	1 487	1 272	—

Востока и Средиземноморья (Египет, Месопотамия, Китай, Индия, Греция и Рим). Насколько было бы неправильно тогдашний уровень культуры германцев объяснить их якобы низшими расовыми качествами, настолько же нелепо приписывать надбровным дугам или резко долихоидной форме черепа австралийцев их современную культурную отсталость.

IV

Перейдем теперь к рассмотрению другого принципа, который кладется в основу определения «высоты» организации и который, получив свое четкое выражение у Гёте, через Г. Спенсера переходит к современным биологам и в трактовке В. Франца получает вид «последнего слова науки».

Сущность этого критерия заключается в том, что «вышеорганизованным» формам приписывается обладание более дифференцированной и в то же время более централизованной организацией. Не задерживаясь на критике этого положения с чисто биологической стороны, заметим лишь, что в отношении к близко родственным группам, например, к расам одного и того же вида, этот критерий, если и имеет применение, то лишь очень узкое. Он неизбежно объединяется во многих случаях с первым филогенетическим критерием в виду того, что оба они вынуждены ориентироваться на предполагаемого предка или близкие к нему современные формы.

Для суждения о степени дифференцировки органов мы попытаемся избрать наиболее показательную область расовой анатомии, в которой, с одной стороны, было бы уже достаточно сделано по изучению расовых вариаций, а с другой, которая наиболее ярко выражала бы характерные для человека тенденции развития. Одной из таких областей, несомненно, служит анатомия мышц лица, именно так называемой «мимической» мускулатуры. Классические исследования Гегенбаура, Руге и др. дали основные установки для развития этой важной области, а работы Лота, Худзинского, Поповского, Бэркитта, Цейдлера и др. обогатили ее большим материалом (хотя все еще далеким от желательной полноты). По господствующему воззрению мимическая мускулатура человека получила свое начало (филогенетически) из двух мускульных слоев, которые ясно представлены у современных лемуринов: более глубокого «шейного сфинктера» и более поверхностного — так называемой «платизмы». Происшедшие из этой последней мускулы у человека связаны с скуловой мышцей, круговой мышцей глаза, передней ушной мышцей и некоторыми другими. Тогда как мышцы черепной крышки и наружного уха находятся в состоянии регресса, остальная лицевая мускулатура человека переживает сравнительно с другими приматами прогрессивные изменения, как об этом говорят крупнейшие анатомы. В известной сводке Видерсгейма читаем: «Большая часть мимических мышц человека испытывает прогрессивное развитие в связи с усилением умственной деятельности и соответственно большей деятельностью относящихся сюда нервов. Прогрессивное развитие особенно заметно на мышцах, лежащих вокруг глаз, рта и носа, а также на мышцах скуловой дуги». Еще в конце XIX века Руге так оценивал роль мимической мускулатуры: «Главным фактором в изменении и разнообразии формы лицевых мышц человека, в отличие от других приматов, является огромное развитие мозговой коробки. Но развитие головного мозга находится в тесной связи с развитием умственных способностей человека. Развитие речи необходимо должно было обусловить соответствующее развитие мышц вокруг рта и носа. Живость и разнообразие выражений рта и глаз свойственны человеку; они служат зеркалом высших душевных явлений и могли быть приобретены только усовершенствованием мышц, расположенных вокруг этих органов». Оценивая различия в развитии этой мускулатуры, Видерсгейм прямо говорит: «Вообще мимическая мускулатура развитая

тем сильнее, чем смысленнее животное». Этот же взгляд находим также в наиболее современной сводке работ по расовым вариациям мягких частей тела, вышедшей в 1931 г. и принадлежащей польскому антропологу Лоту. Указав на различия в строении мышц лица у человекообразных обезьян и людей, Лот прибавляет: «Разница между мышцами лица антропоморфных обезьян и европейца огромна. Но мы увидим, что она уменьшается у цветных рас, дающих нам известное число примитивных признаков, которые образуют генетическую лестницу к наиболее высоко развитым мимическим мускулам белого человека».

Обратимся теперь к фактам, собранным в цитируемой работе Лота. Начнем с мышц вокруг ротовой щели.

Из дериватов платизмы наибольшее значение для нас имеют те, которые связаны с ротовой щелью и щечной областью, т. е. те ее пучки, которые направляются к щеке и называются букально-лабиальной порцией этой мышцы. Отметим ее крайнюю вариабильность, Лот приводит статистику распространения разных типов этого мускульного образования у цветных рас, высказывая правильное сожаление, что отсутствуют данные, касающиеся белого человека. Оказывается, что в се типы этой мышцы встречаются у цветных рас, но в разном числе случаев. Сильное развитие ее наблюдается, главным образом, у негров и китайцев, тогда как у остальных преобладают «вторичные» (Лот должен был бы сказать «высшие», если бы выдерживал свою терминологию) типы. Указывая в заключение, что кроме перечисленных им типов существует еще один, при котором наблюдается наибольшая дифференцировка этой мышцы, один из пучков которой заходит тогда в височную область, автор отмечает, что на европейских трупах ему эту форму удавалось видеть крайне редко (раз в несколько лет), тогда как «удивительно, что эта вариация часто встречается у цветных рас» (стр. 26).

Другой продукт дифференцировки платизмы — небольшая треугольная мышца, находящаяся на углах человеческого рта (*m-lus triangularis*), наделала не мало хлопот тем, кто стремился во что бы то ни стало доказать анатомическое превосходство белой расы. Сначала стали измерять¹ толщину этой мышцы у переднего и заднего ее концов; оказалось, что европейцев по размерам этой мышцы приходится поместить между гереро и австралийцами. Тогда решили, что признаком высшего развития мышцы надо считать не длину и не толщину, а степень ее веерообразности, т. е. величину радиального расхождения ее пучков. Этот признак имеет описательный характер и, казалось бы, в его оценке надо полагаться либо на хорошие изображения, либо на точные описания, однако, мериллом этого признака избрали расстояние нижнего конца мышцы от середины подбородка. Оказалось, что у европейцев это расстояние в среднем на 2—3 мм меньше, чем у негров или готтентотов. Отсюда Лот делает такой странный вывод: «Это доказывает, что у них (негров и готтентотов) эта мышца не развита» (стр. 37), хотя этому выводу противоречат даже приводимые им тут же рисунки (например рис. 20), не говоря уже об описаниях и изображениях других авторов (напр., Цейдлера относительно готтентотов, Баркидта — австралийцев). Но всего замечательное то, что, как заметил еще Руге (в 1887 г.), эта мышца у европейцев всегда соединяется своими пучками с соседней круговой мышцей рта, т. е. еще не вполне дифференцировалась от этой последней, между

¹ Измерение мышц как по техническим условиям, так и вследствие чрезвычайной изменчивости этих органов, вообще дает мало надежные результаты.

тем как подобное состояние недостаточной дифференциации удалось констатировать в сравнительно редких случаях у некоторых цветных рас (несколько случаев у негров, два-три у готтентотов и т. д.).

Полнейшее неблагополучие с развитием этой мышцы у европейцев находит дальнейшее подтверждение в том, что у них (то же по данным Лота) наблюдается в меньшем числе случаев присутствие «поперечной подборочной мышцы» (*m-lus mentalis transversus*), чем у многих цветных рас. В таблице Лота европейцы по этому признаку занимают промежуточное место между неграми и готтентотами (стр. 40). А между тем, что собой представляет поперечная мышца подбородка? Это — подучившая известную самостоятельность, т. е. специально дифференцировавшаяся часть той же треугольной мышцы, о которой шла выше речь. Получается, таким образом, невязка, которую замечает и сам Лот, говоря, что «у негров и особенно у готтентотов при слабом развитии треугольной мышцы в ширину, тем не менее часто имеется поперечная подбородочная мышца. Напротив того, у европейцев, имеющих средне развитую треугольную, поперечная подбородочная нередко отсутствует (существует в 63%). Таким образом данные, относящиеся к европейцам, противоречивы».

Не имея возможности так же подробно останавливаться на других мимических мышцах, мы приведем лишь данные относительно того положения, которое по развитию этих мышц занимают европейцы среди других исследованных групп.

По развитию мышцы смеха («Санторинова мышца» — *m-lus risorius* Santorini) европейцы оказываются стоящими между герепо и неграми, с одной стороны, и китайцами и японцами — с другой; все эти группы (включая и европейцев) значительно уступают малайцам, огнеземельцам и новокаледонцам. Так называемая «собачья мышца» (*m-lus caninus*) — тоже важная мимическая мышца — сильнее развита у океанийских рас и негров, чем у европейцев. Круговая мышца глаза (*m-lus orbicularis oculi*) более развита у цветных рас, чем у белой. По данным Хэбера (1930), у негров преобладает развитие верхней части ее, у австралийцев — латеральной, у европейцев — нижней. Один пункт, связанный с этой мышцей, требует разъяснения. Лот говорит: «С морфологической точки зрения в этой мышце мы различаем три части: глазничную, пальпебральную и глазнично-скуловую. Но эти три части можно различить только у белого человека. Напротив того, у примитивных рас круговая мышца глаза соединена с соседними мышцами, вместе с которыми она образует мышечную пластинку вокруг глаза и носа». Дальнейшее суммарное описание Лота недостаточно ясно, чтобы ответить на вопрос, действительно ли дифференцировка этой мышцы на три ясно различимых части — достояние только «белого человека». Обращаемся поэтому к специальной литературе.

В работе «Лицевая мускулатура австралийских туземцев» Бэркитта и Лайтгеллера (1926) находим подробное описание интересующей нас мышцы у австралийцев, которое начинается так: «Эта мышца состоит из трех порций» (стр. 34); далее идет перечисление названных Лотом частей и указание на степень их развития. Мало того, по описанию этих авторов и приводимым ими изображениям видно, что у австралийцев дифференцировка этой мышцы иногда заходит дальше, чем это бывает при ее типичном расчленении, и у них тогда можно различить на ней еще одну — четвертую часть, о которой Лот вовсе не упоминает.

Относительно скуловой мышцы (*m-lus zygomaticus*) мы должны за-

метить, что, вопреки утверждению Лота, эта мышца у европейцев бывает нередко спаяна своими волокнами и с той или другой из соседних (II тип Блончли) и что, кроме того, она имеется у таких рас, как австралийцы, будучи там «исключительно большой и сильной» (Бэркитт и Лайттеллер). Впрочем, и в таблице, приведенной Лотом, размеры этой мышцы у европейцев уступают размерам большинства других рас (стр. 54).

Равным образом по степени развития квадратной мышцы верхней губы (*m-lus quadratus labi superioris*) европейцы занимают одно из последних мест (Лот, стр. 57).

Наконец, носовая мышца (*m-lus nasalis*) оказывается в общем значительно больше развитой у цветных рас, чем у белой (Лот, стр. 58).

В итоге почти все мимические мышцы, относительно которых имеются сколько-нибудь достаточные данные (за исключением «малой скуловой мышцы» — *m-lus zygomaticus minor*), обнаруживают значительные расовые вариации, причем европейцы не обладают ни одной, которая была бы у них действительно гораздо больше дифференцированной, чем у других групп. Что же касается малой скуловой, то если даже приведенные Лотом данные безупречны и достаточны (мы не имели возможности их проверить), обладание одной единственной более дифференцированной мимической мышцей ничуть не выделяет европейцев из круга человеческих рас, так как каждая из них имеет те или другие мышцы в более развитом состоянии. Это лишь служит подтверждением морфологической равноценности рас и указывает, что их физическая организация развивалась в несколько разных направлениях, сохраняя общий тип, свойственный виду современного человека.

Значит, в отношении степени дифференциации мимической мускулатуры европейцы отнюдь не представляют собой каких-либо особенно прогрессивных явлений. Точно так же и другие расы обладают как более так и менее дифференцированными мускульными группами. Это целиком подтверждает тот результат, к которому приводит рассмотрение расовых вариаций краниологических признаков.

У нас есть еще одна возможность проверки этого вывода: исследование регрессивных явлений и сравнение процессов исчезновения питекоидных признаков у разных рас. Это можно было бы сделать в отношении мышечной системы, особенно богатой вариациями. Для примера возьмем мускулатуру головы.

Кроме мышц прогрессивных, каковыми считаются мимические, на голове человека имеется ряд небольших мышечных пучков, представляющих собой весьма изменчивые остатки мускулатуры, обслуживавшей когда-то органы, которые в прежнем виде, больше не функционируют. Таковы, например, ушные мышцы (*m-li auriculares*). Небезинтересно посмотреть, насколько далеко зашла редукция этих мышц у различных рас. Быть может, европейцы занимают первое место по тенденции к освобождению от этих ненужных рудиментов прошлого, напоминающих о родственных связях с животным миром. Обращаемся к фактам.

Передняя ушная мышца (*m-lus aricularis anterior*) действительно иногда отсутствует у европейцев, как отметил Макалистер еще в 1870 г. Она имеется у готтентотов в 9% случаев, у меланезийцев в 14%, в 66% у китайцев и в 87% у европейцев. То же явление констатируется и относительно задней ушной мышцы. Эти факты настолько поразили Лота, что он высказал следующее замечательное предположение: «Если эта мышца (задняя ушная), прогрессивна в своем развитии, европеец зани-

маст наиболее высокое положение, так как у него она оказывается наиболее развитой. Но какие же основания считать эту отжившую свой век и не функционирующую мышцу прогрессивной? — Очевидно, лишь желание сохранить за европейцами столь противоречащее фактам «высшее» положение среди человеческих рас.

Итак, европейцы, в отношении лицевой мускулатуры как прогрессивной, так и регрессивной, отнюдь не занимают первого места в смысле большего продвижения вперед в филогенетическом отношении, что, конечно, несколько не помешало им занять в культурном отношении первое место в течение последних столетий мировой истории.

Если бы вместо мимической мускулатуры мы остановили внимание на другой системе органов, представляющих специфически человеческое развитие, — мы пришли бы к тем же результатам. К сожалению, исследования по сравнительной анатомии рас пока крайне скудны и не легко выбрать орган, хорошо изученный в смысле его расовых и индивидуальных вариаций и в то же время резко гоминиодный. Одним из таких можно считать гортань. И вот, почти 100 лет как ряд анатомов занимается изучением этого органа у различных рас. Еще в 1834 г. Эртрихт и в 1860 г. Прунер-Бей писали об обезьяньем типе гортанных мышц у негров. В 1866 г. вышла специальная работа английского врача Gibb, который, изучив с помощью ларингоскопа гортань 59 негров, нашел, что ее строение в 3 пунктах отличается от гортани белых:

- 1) постоянным наличием Врисбергова хряща,¹
- 2) косым положением голосовых связок,
- 3) особой («висячей») формой Морганьевых желудочков.²

Вывод Gibb таков: «Гортань негров теснее примыкает к соответствующему органу обезьяны, чем гортань белого человека».

В 1892 г. Джакомини отпрепарировал 15 гортаней негров и 100 гортаней белых и изучив их внимательно, установил, что Врисбергов хрящ у негров встречается в количестве 13%, у белых — 92%. Второе положение Gibb было опровергнуто работами Граберта, Чителли, Вальдверна. Что касается Морганьевых желудочков, то ряд авторов (Джакомини, Штефко, Вальдберг, Граберт) установили дисперсное распространение всех трех основных типов. Их данные таковы, что, по словам Лота, «никакие заключения невозможны» (т. е. заключения, относящиеся «к высоте» европейцев). Наконец, имеет значение тот факт, что подробно изучивший анатомию гортани у гереро и готтентотов Граберт нашел у этих народов некоторые признаки большей дифференциации, чем у белых.

Но ведь одна лишь более высокая степень дифференцировки органов не дает права на занятие более высокой ступени развития, по Фанцу (и по Спеиссеру). Для этого необходимо сочетание этой дифференцировки с большей степенью централизации. Однако представляется весьма трудной задачей найти какие-либо показатели различной степени централизации (хотя бы двигательного аппарата) у человеческих рас, настолько их строение однотипно. Некоторым (но весьма грубым и страдающим большими методическими пороками) мерилom могло бы служить установление степени кефализации той или другой сравниваемой группы. Применяемые для этой цели индексы (главным образом, отношение веса тела к весу мозга) оказываются мало удовлетворительными, как уже отмечено выше, особенно для сравнения форм, принадлежащих к раз-

¹ Один из мягких парных хрящей гортани, имеющий клинообразную форму.

² Парные углубления между истинными и ложными голосовыми связками.

личным крупным систематическим подразделениям (семейства, отряды, классы). При внутригрупповых сравнениях, когда удаётся исключить такой фактор как величина тела животного (т. е., когда сравнивают кефализацию животных приблизительно одного роста), значительная разница в индексе могла бы быть показательной. Но проводя такое сравнение в пределах человеческого рода, мы этой значительной разницы не получаем. Индивидуальные вариации превышают расовые, и остаются лишь сомнительные средние, выведенные на основании недостаточного материала. Мануврье, пользуясь данными Брокá относительно веса мозга у разных племен, сопоставил этот вес с ростом, характерным для этих народов, и получил такие результаты: для высокорослой расы (полинезийцы) средний вес мозга 1350, для среднерослой (французы) — 1357 и для малорослой (бенгальцы) — 1185. Такого же рода соотношения наблюдаются и внутри отдельных расовых групп, т. е. среди французов высокорослые особи обладают несколько более тяжёлым мозгом, чем средние и низкорослые. Корреляция межгрупповая идет в том же направлении, что и внутригрупповая, а это указывает, что исследуемый признак не пригоден в качестве диагностического, т. е. что основываться на различиях в весе мозга при характеристике рас нет возможности. Стало быть, в степени кефализации мы не имеем такого признака, который был бы пригоден для суждения относительно большей или меньшей централизации органических функций у различных рас.

У позвоночных животных не только нервная система, но и эндокринный аппарат служит, как известно, регулятором физиологической деятельности. Быть может, принадлежащие к эндокринной системе органы дадут какие-либо указания относительно реальных различий в степени централизации человеческих рас?

Те весьма скудные данные, которые в этом отношении пока имеются, ничего не дают для суждения об этой стороне вопроса. Так, известно, что у готтентотов и бушменов цитовидная железа имеет меньший объем, чем у европейцев, тогда как у малайцев относительный вес поджелудочной железы (частично эндокринный орган), значительно больше, чем у белых людей.

Общий результат, к которому неизбежно приходим в отношении применимости второго критерия, предложенного для установления высоты организации животных форм, тот, что этот критерий совершенно неприменим к человеческим расам. Нельзя сказать, что белая или какая-либо цветная раса обладает более высокой организацией в том смысле, что в ней сочетается большая дифференцировка с большей централизацией органов. Можно говорить лишь о дифференцировке отдельных систем органов, например, мускульного аппарата, но факты, имеющиеся в этой области, совершенно недвусмысленно показывают, что никакими преимуществами здесь европейцы не обладают: скорее можно сказать, что многие мимические мышцы оказываются лучше развитыми у тех рас, которые часто выдвигаются в качестве «низших».

Нам остается оценить теперь третий из предлагавшихся критериев, именно — большую или меньшую приспособленность данной формы к специфическим условиям ее среды. Надо сказать, что применение этого критерия к человеку возможно лишь в самых узких пределах, так как в основном характер человеческого приспособления к среде, именно «активного» приспособления, резко отличен от того, что наблюдается в мире животных или растений. С древнейших времен своего бытия человек стал приспособлять среду к своим потребностям, делая это с помощью

общественного труда, а на долю биологического приспособления выпадает ничтожная часть его особенностей.

Не следует забывать и того, что лишь в очень редких случаях могли бы на долгое время удержаться расовые особенности, хотя бы и выработавшиеся в результате отбора, при наличии той длительной метизации, которая так характерна для человеческих групп. Поэтому лишь в очень немногих случаях мы можем с некоторой долей вероятности говорить о расовых особенностях как о приспособительных (у человека). Первоначальная дифференцировка, которой обязаны своим возникновением расовые группы первого порядка (черная, желтая и белая расы), имела место, повидимому, на стадии, еще предшествовавшей современному типу человека и усилилась в период его становления. При этом селективное значение могли иметь, главным образом, лишь те особенности, которые были коррелятивно связаны со свойствами сыворотки, как, например, восприимчивость или иммунность по отношению к некоторым инфекциям. Возможно, что среди последних туберкулез и малярия имели наибольшее значение, определив в основном биологические типы черной и белой рас и, стало быть, те признаки, которые со свойствами сыворотки связаны. Если в этом отношении названные расы сопоставлять одну с другой, то на стороне черной окажется явное преимущество, так как заболеваемость туберкулезом у представителей белой расы несравненно более распространена, чем малярийная инфекция среди негров и других туземных народов тропических областей.

При описании даже наиболее отсталых в культурном отношении групп человечества исследователи не устают подчеркивать высокую степень приспособленности этих групп к тем условиям среды, в которых они живут. Стоит вспомнить классические описания веддов (Саразин), бушменов (Пассарж), австралийцев (Спенсер-Гиллен), готтентотов (Шебеста) и десятки других примеров, чтобы не было надобности на этом подробно останавливаться. Поскольку в этой приспособленности играют роль расовые признаки, они указывают на большую степень биологического прогресса в адаптивном направлении, чем это заметно у европейцев. Однако в этой области паратипические явления особенно трудно отделить от генотипических. Таким образом, применение указанного третьего критерия «высоты» расы наталкивается на еще большие принципиальные трудности, чем применение первых двух. Быть может, в связи с этим находится и тот факт, что сторонниками расовых теорий этот критерий почти не используется.

В итоге мы видим, что ни один из применяемых биологических критериев не дает сколько-нибудь ясных и надежных результатов для суждения о расах современного человечества с точки зрения их относительного «совершенство». Все эти расы, входя в состав единого вида современного человека, переживают биологически единую стадию и связаны тесным морфологическим и биологическим единством. Свообразные условия антропогенеза привели к тому, что отношения между современными расами не могут быть выражены простой схемой родословного древа, концы ветвей которого обозначали бы дифференцировавшиеся от общего ствола расовые группы. Здесь отношения значительно сложнее. Некоторое наглядное представление о них скорее могла бы дать сетка, в которой расходящиеся ветки соединялись бы с соседними (и более далекими) ветвями, причем было бы не исключено и позднейшее (вторичное) соединение. Различные расовые группы соединены между собой не только первоначальной связью в результате общего про-

исхождения, но и вторичными позднейшими связями в результате неоднократных смещений. Эта единая сеть человеческого рода в совокупности соответствует какому-нибудь крупному виду животного мира, но принципиально отличается от него по своему внутреннему строению. Специфические особенности человеческих рас рассмотрены в статье проф. Бунака, которая показывает, насколько было бы неосновательно приравнивать человечество в биологическом комплексе к какому-либо систематическим категориям животного или растительного мира.

Человечество в своей расовой структуре так же четко отражает своеобразие своего происхождения, как и в своем отношении к природной среде. Только игнорирование основного факта антропологии — своеобразия происхождения человека, этого нигде больше в живом мире неповторимого процесса замещения биологических закономерностей социальными — может вести к попыткам отождествления систематических категорий биологии с человеческими расами и к перенесению на последние понятий «высший» и «низший».

ЛИТЕРАТУРА

1. Anthony. L'Anatomie comparée du cerveau. Paris, 1928.
2. Boule M. L'homme fossile de la Chapelle aux Saints. Annales de Paléontologie, 1912.
3. Видергейм. Строение человека с сравнительно анатомической точки зрения. Перевод проф. Мензбира. Москва, 1900.
4. Виндельбанд. История древней философии. Изд. 3-е. СПб., 1902.
5. Haeckel E. Natürliche Schöpfungsgeschichte. 2. Aufl., 1876.
6. Haeckel E. Generelle Morphologie. 1866.
7. Goethe. Zur Morphologie, Bildung und Umbildung organischer Naturen.
8. Gratiolet. Comptes Rendus de l'Acad. de Sci., Paris, 1856
9. Гремяцкий. Кювье. Очерк жизни и деятельности. Москва, 1933.
10. Дарвин. Происхождение видов (собр. сочин. т. I, 1907).
11. Cuvier. Regnae animal. Paris, 1828.
12. Ламарк. Философия зоологии. М., 1911.
13. Loth. Anthropologie des parties molles. Paris, 1931.
14. Manouvrier. Mem. Soc. Anthropol. de Paris. 2-me série, t. III, 1885.
15. Martin. Lehrbuch der Anthropologie. 2. Aufl., 1928.
16. Маркс. Сочинения, т. I.
17. Маркс. Святое семейство.
18. Osborn H. F. From the Greeks to Darwin, London, 1908.
19. Перье. Основные идеи зоологии с древних времен. СПб., 1896.
20. Робинье. О природе. М., 1933.
21. Sewertzow. Morphologische Gesetzmäßigkeiten der Evolution. 1933.
22. Спенсер. Принципы биологии. СПб., 1908.
23. Franz. Geschichte der Organismen. Jena, 1924.
24. Franz. Die Vervollkommnung der Organismen. Jena, 1935.
25. Frederic. Untersuchungen über die normale Obliteration. Ztschr. f. Morphologie u. Anthropologie. Bd IX, 19 6.
26. Fetzner. Rassenanatomische Untersuchungen an 17 Hottentotenköpfen. Ztschr. für Morphologie u. Anthropologie, 1914.
27. Todd and Lyon. Am. Journ. of Phys. Anthropol. 1925.

Я. Я. РОГИНСКИЙ

**О ПСИХОТЕХНИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ РАЗНЫХ
ПЛЕМЕН И НАРОДОВ**

I

Для середины XIX века характерно резкое повышение интереса к проблеме психических различий этнических групп. В это время получает расцвет теория «неполноценности» цветных рас. Ярким представителем этой теории в Америке является Мортон, защитник и идеолог рабовладения и в то же время автор крупного труда об американских черепах (*Skull of America*). Его идеи продолжают развивать Нотт и Глиддон. Странники полигенизма, Нотт и Глиддон не оставили без внимания и психические свойства рас и разделили расы по степени «присущей им способности» культурного развития.

История и сравнительная анатомия — главные источники для расовых теорий этого периода. В Германии появляются работы Фридриха Клемма (*Allgemeine Kulturgeschichte der Menschheit*. 1843—1852 гг.), где излагается принцип разделения рас на пассивные и активные. Во Франции граф Гобино (1854 г.) в обширном труде, анализируя причины угасания великих древних культур, отвергает все объяснения, которые выдвигал XVIII век и находит разрешение вопроса в смешении рас, в «загрязнении» источника высшей культуры — крови «арийской» расы.

Через несколько лет Антропологическое общество в первый год своего существования (1860) подняло по инициативе крупнейшего анатома и антрополога Поля Брокá прения о способности к цивилизации разных рас. Поводом для этих прений послужил вопрос о вымирании туземцев Гвианы и Полинезии. Брокá и некоторые другие высказались в пользу реальности значительных различий рас в отношении умственных способностей. В ходе спора Брокá предложил различать нравственные свойства от интеллектуальных. Граноле указал на то, что отличительное свойство дикарей — не отсутствие ума, а неспособность подчиниться правилам. Перрье убеждал собрание в том, что способности рас к воспитанию не одинаковы.

Успехи антропологической методики «вооружили» последователей Гобино значительно более обильным цифровым материалом, чем тот, которым пользовались его предшественники. Лапуж уже строит свои положения на краниометрии. Аммон использует специальные методы собрания и статистической обработки антропологического материала. Чем точнее становятся методы антропологической работы, тем сложнее делаются способы тенденциозного их использования для политических и классовых целей.

Для вооружения расовых теорий не меньшее значение, чем усовершенствование антропологической методики, имело утверждение эволюционной точки зрения. Отвлеченные «эволюционистские» схемы натурфилософских систем уже ставили человеческие расы на разные ступени духовного развития. Эта иерархия рас приобретает материальную основу в суждении о степени близости к антропидным обезьянам на основе их морфологии. Геккель заявляет, что такие народности, как патагонцы, дравиды и др. в умственном отношении ближе к высшей обезьяне, чем к какой-нибудь гениальной личности европейской культуры (52). Это положение повторяется в ряде более поздних работ. Дальнейшее усложнение аргументации о расовой психике достигается использованием генетики и, наконец, экспериментальной психологии. Генетика была, прежде всего, использована для обоснования тезиса, что социальные проявления людей «не менее наследственны», чем их соматические признаки (Вольфман, Ленц, Ланге, Шопенуэ, Джонсон и многие другие). Основным дефектом этих построений, помимо игнорирования качественного своеобразия человеческого сознания являются: 1) подмена расой нации и класса в истории, 2) отождествление конституции и расы в расоведении и 3) искажение взаимной связи гена и признака в генетике.

II

Первые попытки применения экспериментального метода в психологии этнических групп отражали общее состояние экспериментальной психологии. Начало экспериментального этапа в психологии было положено рядом работ по физиологии чувств Мюллера, Вебера, Гельмгольца и несколько позже — Фехнера и Вундта. В Инструкции для изучения сравнительной психологии, составленной Мантегацца, Гилиоли и Летурно (изданной на русском языке в 1877 г.), целый раздел посвящен исследованию осязания, вкуса, обоняния, слуха и зрения, причем, наряду с приемами простого наблюдения, предлагаются и экспериментальные методы, снабженные описанием соответствующих приборов (Бензенг, 2).

Ранние работы по исследованию физиологической деятельности органов чувств у внеевропейских народностей в общем не вполне оправдали свидетельства путешественников о необыкновенном природном развитии зрения, слуха и пр. у представителей примитивных культур. Котельман нашел у 22 калмыков в среднем остроту зрения 2.7 (min. 1.2, max. 6.7), т. е. большую, чем у европейцев (равную единице) (Котельман, 34). Тот же автор у 23 сингалезцев и 3 индусов нашел в среднем остроту зрения 2.1 (min. 0.9, max. 3.1) (его же, 33). Деникер составил краткую сводку, приняв за единицу нормальную остроту зрения, по разным народностям. Получились следующие цифры: 1.1 для немцев, 1.4 для русских; 1.6 для грузин; 2.7 для осетин и калмыков; 3 для нубийцев беджа и 5 для индских индейцев (Деникер, 5). Обоняние было исследовано Гринсом у малайцев и европейцев с помощью аммиака, уксусной кислоты и фенола. Обоняние малайцев оказалось приблизительно вдвое острее, чем у белых (Леббельтер, 35). Однако имеется ряд исследований Риверса, Мак Дауголла и друг., которые не нашли существенных различий между европейцами и другими расами (напр. папуасами) в отношении многих элементарных функций органов чувств. Аналогичные выводы сделал Иилс, исследовавший алеутов, индейцев и эскимосов на Аляске. Испытания

остроты зрения (по таблице Спеллена) у этих народностей дали очень сходный процент нормального и хорошего зрения с белыми американцами (на 4% меньше у туземцев); только субнормальное зрение оказалось выраженным в резкой степени: у белых в 10%, а у туземцев только 0,8%. Острота слуха (тест на «шопота»), исследованная на 169 туземных детях (из них — 153 — эскимосских) дал следующее распределение: 57% хорошая и нормальная, 39% слегка ниже нормы и 4% плохая. Аналогичное исследование слуха в США дало 68% нормального и хорошего слуха (Иилс, 24). У 250 индейцев Вебстер нашел остроту зрения по большей части равной величине, которая почти не отличается от средней цифры, полученной Бурхардом у 474 немецких солдат (Котельман).

Австралийцев изучали Вуллард и Пуллейн (45). Исследование у них остроты слуха (измерявшейся дистанцией, на которой испытуемый начинал слышать стук метронома) обнаружили значительные индивидуальные вариации. Наибольшую остроту слуха проявил белый мальчик, сын школьного учителя. Острота зрения («Е»-тест Кона), испытанная с расстояния в пять метров, оказалась в среднем очень высокой, хотя и не перешла границ достижимости у белых. Тактильная острота (различение наименьшей дистанции между острями на сгибаемой поверхности предплечья) не дала, с точки зрения авторов, вполне надежных результатов. Однако общее их впечатление таково, что черные в этом отношении не отличаются от белых. Испытанию на различение цветов были подвергнуты 40 австралийцев разного возраста с помощью системы тестов Штиллинга по цветной слепоте. Авторы делают вполне категорический вывод о том, что туземцы совершенно не отличаются от белых в различении цветов спектра. Цветная слепота не встретилась ни разу. Правильность подобных суждений полностью признана в несколько более поздней работе Фрай и Пуллейн (Фрай и Пуллейн, 27). Авторы исследовали туземцев Иллаура в очень глухих местах, около 200 миль на с.-в. от Алиса-Спринг. Большинство австралийцев видело белых в первый раз; исследование производилось через переводчика. Выводы — отсутствие значительных отличий черных от белых в области сенсорной и моторной. Имеются данные о скорости движений у негров. Марта Ламбет и Лайль Ланье на небольшом материале (30 22-летних негров и 30 12-летних белых) показали, что скорость простых движений рук и несложных операций оказалась одинаковой в белой и негроской группах (36).

В результате обзора исследований быстроты реакции, производившихся Вэйчем на белых, индейцах, неграх; Лапиком на европейцах, андаманцах, индусах; Майерсом на англичанах, папуасах, туземцах Саравака; Лайвсэйем и Лоутитом на белых, китайцах, японцах и гавайцах, — на основании всех этих исследований Отто Клинеберг пришел к выводу, что расовые различия в быстроте реакции ничтожны и неопределенны (53, стр. 141). Самое истолкование причин тех различий, которые были найдены, вовсе не требует в качестве основы наследственных особенностей. Можно солидаризироваться с мыслью Турнвальда, о том, что острота чувств человека примитивной культуры могла явиться также результатом упрямления. После того, как получили известность и стали практиковаться системы тестов для испытания одаренности, внимание исследователей направилось на экспериментальное изучение более высоких психических функций у этнических групп. В настоящее время для этой цели применяются тесты по «умственной одаренности» Бинэ-Симон, в частности Бинэ-Симон, Станфорд (т. е. тесты Бинэ, подверг-

шися изменению в результате проверочных испытаний в Станфорде), тесты по «музыкальной одаренности» Сишор, по «технической одаренности» Мак Керри и очень многие другие.

Каково их значение для психологического исследования индивида? С этой стороны и самые тесты и практика их применения уже не раз вызывала резкие и заслуженные возражения. Развернувшаяся в течение последнего времени критика «метода тестов» в советской литературе отметила целый ряд принципиальных и глубоких дефектов, заложенных в обычном использовании этого метода. В числе их наиболее существенных — два. Первый: совершенно произвольная интерпретация результата теста, как показателя развития строго определенной способности. В действительности содержание теста и техника его проведения обычно совершенно не отвечают задаче подобного определения. Что именно вскрывает тот или другой тест зависит не только от содержания данного теста, но и от всей совокупности обстоятельств, влияющих на отношение испытуемого к процедуре. Так, например, на успешность выполнения какого-нибудь теста с куском бумаги могут повлиять и особенности пространственных представлений испытуемого, и бедность или богатство его опыта в геометрических играх, и боязнь не оправдать ожидания, и неприязненное отношение к психотехнике и т. д. и т. п.

Другой значительно более важный дефект истолкования тестовых испытаний — это стремление делать «точные» прогнозы того уровня, выше которого якобы фатально не сможет подняться данное лицо в определенной области. В действительности же подобная точка зрения опровергается самым фактом существования активности, присущей любому человеческому нормальному сознанию. Эта способность, лежащая в основе отношения к среде, свойственного человеку, ставит предел возможности точного прогноза в области поведения человека.¹

Специфичность тематики данного сборника заставляет нас, не разбивая затронутого вопроса, ограничиться только критическим рассмотрением тех исследований (и их метода), которые искали расовых различий в психике этнических групп. Вследствие этого мы в данной статье, например, не будем касаться условности и неверности самых обозначений тестов и их результатов, например, термина «коэффициент ума» (I. Q.) и т. п.

В настоящее время рядом европейских и, главным образом, американских исследователей уже опубликован огромный психотехнический материал, собранный у различных народностей. Особенно много исследований проведено среди американских негров.

Уже ранние американские работы демонстрировали с полной очевидностью решающее значение социальных условий для высоты психотехнических показателей у разных расовых групп. А. Р. Лурия на основании главнейших исследований по неграм приводит следующие цифры коэффициента, сокращенно обозначенного I. Q. (Лурия, 6) (табл. 1).

А. Р. Лурия совершенно справедливо указывает на то, что тяжелое экономическое и бытовое положение негров неизбежно затрудняет свободное и полное проявление их психических способностей, вследствие чего их I. Q. (тест «коэффициента ума») обычно оказывается ниже «нормы» белых, т. е. ниже ста. Весьма резкие вариации отдельных негрских

¹ Заметим кстати, что именно это положение и вызвало к жизни постановление ЦК ВКП(б) о педологических извращениях, являющихся результатом пугарного мнимонаучного суждения об интеллекте индивида на основе подобных испытаний. — *Ред.*

групп уже сами по себе свидетельствуют о значительной зависимости психотехнических показателей от внешних условий. Эти данные прекрасно дополняются работой Деррика, который в 1920 году сделал исследование 75 белых и 75 цветных учащихся колледжа и получил для цвет-

Таблица 1

А в т о р	Год	Тест	Количество исследованных	Средний I. Q.
Arlitt	1921	Binet, Stanford	71	83.4
Jordann	1922	Nation. Intell. Test	247	75.0
Pinther and Keller	1922	Binet	71	86.0
Barnes	1923	Binet, Stanford	210	84.1
Peterson	1923	Pressey	743	75.0
Garth and Whately	1925	Nation. Intell. Test	1 272	75.2
Stachan	1926	Binet, Stanford	226	98.4
Davis	1928	Terman	222	73.0

ных I. Q., правда, на семь единиц ниже, чем у белых студентов колледжа, но все же превышающий сто. На очень большом материале, опубликованном в 1933 г. Альберт Бэкхэм установил, по методу Бинэ-Симон, Станфорд для негрских подростков 12—16 лет обоего пола, исследованных в количестве 1 100 человек, нижеследующие I. Q.

Нью-Йорк	104.70
Вашингтон	97.25
Балтимора	95.74

73% негрских подростков Нью-Йорка дали коэффициент 100 и выше, из них 29% приходилось на 110 и выше! (Бэкхэм, 18).

Условия жизни в большом городе, очевидно, содействуют повышению психотехнических показателей. С этой точки зрения очень важны испытания, произведенные Уилером над белыми из сравнительно изолированных местностей. В общественных школах по системе Дирборн и Иллинойс было исследовано 1 147 детей из горных местностей. I. Q. по первой серии оказался 82 и по второй — 78. Для белого населения вообще по серии Иллинойс I. Q. — 98.1 (Уилер, 49). Автор приписывает низкие результаты у детей горных округов внешним факторам.

Высокие результаты, полученные Бэкхэмом на неграх, были, вероятно, отчасти следствием дружеской и радужной беседы, которую экспериментатор проводил с детьми на тему об их интересах перед тем, как производить испытание. Роль тесных взаимоотношений в этом случае очень велика, по мнению Бэкхема. Значение эмоционального фактора в процедуре проведения теста не может вызывать никаких сомнений. Картер, Джонс и Шок на 102 детей из общественных школ, шестой и седьмой ступени, показали, что легкость заучивания дает коэффициент корреляции равный 0.65 со степенью эмоциональности отношения к заучиваемым словам (Картер, Джонс, Шок, 21). Мною были обработаны материалы по моторике, собранные у мужчин (свыше 700) в возрасте 23—24 лет, на аппарате Клемма. Оказалось, что группа, для которой испытание имело большое практическое значение в смысле получения прав шофера, дала большой процент плохих результатов по сравнению с кон-

трольной группой, совершенно аналогичного состава, по отношению к испытанию спокойно, как к занятой операции (см. Антропол. журн. № 3, 1937 г.). Эмоциональный фактор в применении к той обстановке, в которой испытывается негр в Америке, не может быть оставлен без внимания.

Результаты работы Бэкхэм показательны еще в другом отношении. Оказывается, что, начиная с младших ступеней школы по направлению к высшим, I. Q. повышается.

Таблица 2

	С т у п е н ь				
	Ниже 6	6	7	8	Выше 8
I. Q.	90.02	93.00	99.20	102.81	103.30
Число испытуемых	140	138	265	218	229

Эта таблица представляет интерес. Мнение, что негр, вследствие особенностей своей расы, очень быстро умственно созревает и рано останавливается, не подтверждается материалами психотехники.

Против теории биологической скороспелости негров говорят работы, посвященные первым годам жизни негритянских детей. Таковы исследование Гэвуд и Вейсс над 20 мальчиками и 16 девочками черными и 16 мальчиками и 26 девочками белыми в возрасте 15 первых дней после рождения; работа Гроу над несколькими десятками белых и черных детей в возрасте от 2—11 месяцев; работа Арнольда Гезелл над 23 «цветными» детьми в возрасте 12—13 месяцев.

Гэвуд и Вейсс изучали 65 родов движений тела, головы, рук, ног и произнесение звуков. Статистический анализ данных обнаружил некоторые различия, ускользавшие от непосредственного наблюдения. Черные дети проявили себя менее активными, чем белые, мальчики оказались менее активны, чем девочки, причем разница между полами была гораздо более заметной у негров, чем у белых. Белые малютки чаще потягивались, чем черные. Девочки производили больше звуков, чем мальчики. Под действием стимуляции (свет, звук, температура) имело место усиление дыхательных движений, у белых мальчиков на 464%, у черных на 331%; у белых девочек на 148%, у черных на 122% (A. V. F., 17). Гроу с помощью тестов Гетцера и Вольфа предпринял исследование расовых различий в возрасте от 2—11 месяцев с надеждой исключить влияние среды. Оказалось, что белые слегка превосходили черных в 76% испытаний, уступали неграм в 20% и были равны в 4% (16).

Изложим результаты работы Гезелла над негрскими младенцами 12—13 месяцев. Двигательные достижения весьма сходны с нормами для 12-месячных белых детей. Так, хождение и ползание, в частности, почти совпадают с нормами белых. Только стояние несколько лучше у черных, чем у белых. Более тонкая координация, проявленная в манипулировании с брусками у негров, свидетельствует о моторном развитии выше среднего уровня. Достижения в развитии речи близки к уровню белых. В адаптивном поведении успешность ниже в нижеследующих занятиях: в доставании куба из-под чашки, в распаковке куба, в познании в колокольчик, в подражании постукиванию ложкой, в укреплении палочки, в подражательном «рисовании» на бумаге (scribbling). Это

действия, требующие, по мнению Гезелла, памяти и сметки. В игре, не требующей этих качеств, средняя успеваемость достигает нормального возрастного уровня. В области «лично-социальных» отношений проявляется явный недостаток в умении контролировать кишечник и мочевой пузырь и в способности удерживаться от соответствующих актов (А. Гезелл, 30). Все эти данные прежде всего доказывают, как уже было сказано выше, что в отношении двигательного созревания негрский грудной ребенок не обгоняет белого, как это постулирует теория более «животного» развития негра. Что же касается до оперирования с предметами, требующими ума и памяти, то вряд ли можно сомневаться, что социальная и экономическая среда, способ ухода, степень внимания взрослых, богатство инвентаря, оказывают в этом отношении большое влияние на поведение ребенка.

Выводы о расовом различии бессмысленны без учета всех этих обстоятельств, оставленных без внимания в записке Гезелла. Куда деваются эти признаки отсталости негритянских детей в обстановке «первобытной» культуры? Аркин в своей работе о детской игрушке у разных народностей собрал многочисленные заявления путешественников о высоком умственном развитии негритянских детей. Он приводит свидетельства Кидда о том, что кафрский ребенок в 3 года уже искусно умеет ставить западни для птиц, а также свидетельство другого исследователя о том, что дети багодоло умеют управлять пирогой и ловить лисицу в 3—4 года и т. д. (Аркин, 1). Множество аналогичных суждений было высказано и другими этнографами, признававшими в негритянских детях выдающиеся изобретательские таланты. Эта большая умственная одаренность негритянских, равно как и детей других народностей, «первобытных» по культуре, получила в последнее время убедительное объяснение в только что упомянутой работе Аркина. Ее автор отмечает положительные стороны жизни первобытных детей, простор и свободу их деятельности и вместе с тем необходимость развивать органы чувств, движения и мысль в суровой и разнообразной среде. Но с вступлением в члены племени положение изменяется. Интеллектуальная деятельность попадает во власть общеобязательных суеверий, предубеждений, запретов, страхов и вымыслов, характерных для низших стадий культуры и останавливающих развитие мысли. Это объяснение прекрасно согласуется, по видимому, с новейшими работами по психологии полинезийских и меланезийских подростков Маргрет Мид.

Необходимо вообще указать на высокую степень изменчивости I. Q. под влиянием различных воздействий. Миренова обнаружила увеличение I. Q. (Бинэ-Термен) на 10 единиц в результате моторной тренировки в течение 4½ месяцев (Миренова, 9). Огромное влияние домашней среды на I. Q. доказал на примере своего сына Козог. Пятилетний мальчик показал при испытании умственный возраст, соответствующий 9 годам, что совершенно не соответствовало действительности. Отец, точно зная мальчика, объяснил результаты этого испытания тестами влиянием родительского дома и поощрением со стороны родителей разнообразных умственных игр, решения загадок и пр. (В. Штерн, 14). Очевидно, не может быть и речи о том, что I. Q. — величина постоянная для индивида и для группы.

Для новейшего периода экспериментальных работ по исследованию психики негритянского населения характерно, помимо исследований раннего детства, направление интереса в сторону дифференциации и оценки результатов, а также анализа специальных способностей.

Из работ, касающихся специальных способностей, особенно большое место принадлежит музыке. В 1924 г. Льюс и Петерсон применили два теста из серии Сипор: на определение высоты тона и различие консонанса к 300 белым и 270 неграм. Оба теста были даны дважды. При первой пробе негры заняли лучшее место в обоих тестах, хотя разница была надежной только в тесте консонанса. При второй пробе белые обогнали негров в консонансе, хотя статистически различия не оправдались. Было высказано предположение, что большое улучшение результатов у части белых было следствием подбора испытуемых (цит. по Сандерсон, 46). Петерсон и Ланье в 1929 г. применили все шесть тестов Сипор к 380 белым и 290 неграм. Белые превзошли черных по всем тестам, за исключением ритма. Различия статистически оказались надежными (цит. по Сандерсон). Мисс Стрип исследовала ритм и консонанс (Сипор) на 637 белых детях и 678 негритянских и обнаружила небольшое превосходство негров и в том и в другом (цит. по Сандерсон). Грэй и Бингхэм сравнивали музыкальные способности негров и белых седьмой и восьмой ступеней и обнаружили, что негры и белые равны в консонансе, но во всех остальных тестах негры уступают белым (цит. по Сандерсон). Джонсон на очень большом материале (3300 учеников 5 и 8 ступени и студентов колледжа) никаких существенных различий между белыми и черными не нашел, может быть исключая ритм в пользу черных (А. В. Ф., 15).

Данные работы Давенпорта и Стеггерда показали, что взрослые негры в общем значительно выше в музыкальном отношении, чем взрослые белые по всем тестам Сипор, исключая гармонии и памяти, по которым белые слегка превзошли негров. Однако различия в общем оказались значительно меньше в возрасте 13—16 лет, причем белые подростки превзошли черных не только в отношении памяти и гармонии, но и в интенсивности и в оценке промежутка времени. В возрасте 10—13 лет опять несколько иная картина: белые значительно ниже черных во всех тестах, кроме памяти. Наконец, приведем результаты большого исследования Елены Сандерсон. Она применила из серии Сипор высоту, интенсивность, память и из серии Квальвассер-Дукема (К-Д) целый ряд (9) музыкальных тестов. Материалом послужили дети эмигрантов разных национальностей: негритянские дети — все из общественных школ, еврейские дети — из сиротского приюта, — все приблизительно одинакового социального слоя. Несколько более высокого в культурном отношении круга — еврейские и германские дети. Результаты таковы: на первом месте евреи, на последнем — поляки. С точки зрения статистики переальна разница между евреями и германцами, между германцами и неграми и между итальянцами и неграми. Остальные различия статистически несомы. Однако прежде всего замечательно полное несоответствие распределения этих различий с данными расовой систематики. Германцы оказываются гораздо ближе к неграм, чем к полякам. Затем нельзя не отметить низкого положения в этой таблице итальянской и польской групп. Если придавать ей реальное значение, то ее содержание трудно согласовать с историей европейской музыки (Сандерсон, 46).

Имеются, кроме того, другие данные, которые противоречат выводам работы Сандерсон. Кизс Сворд, подчеркивая выдающуюся роль евреев в современной музыкальной жизни Америки и подтверждая свое мнение цифровыми расчетами, в то же время приводит данные по своей экспериментальной работе, не обнаруживающие различий между еврейскими и нееврейскими детьми в основных музыкальных способностях (материал 200 еврейских и 300 нееврейских детей в возрасте 10—11 лет).

Автор приводит очень много интересных соображений по поводу исторических и социальных условий, которые стимулировали «африканскую музыкальность» (Кизз Сворд, 48).

На основании всей совокупности этих данных, даже не касаясь существа примененных методов, невозможно говорить о том, что негры превосходят или уступают белым по своим музыкальным способностям. Только в отношении одного пункта необходимо отметить весьма постоянный факт превосходства негритянской группы — в испытании ритма. В работе Сандерсон, в частности, они также заняли по ритму первое место. Для понимания этого превосходства, очевидно, необходим прежде всего глубокий анализ бытовых условий негритянских детей в Америке и роли пения, пляски и музыки вообще в окружающей их домашней обстановке. Уместно прибавить, что в испытании Гарта и Ишилл 360 чистокровных детей индейцев и 409 детей смешанной бело-индейской крови по тестам Сишор оказалось, что индейцы также слегка превосходят белых детей в различении времени и в ритме, уступая белым в консонансе и резко уступая в высоте, интенсивности и музыкальной памяти (цит. по Сандерсон). Кроме того надо иметь в виду: 1) малую «надежность» (reliability) музыкальных тестов, т. е. низкий коэффициент корреляции у одного субъекта при двух пробах и 2) несомненную зависимость этих тестов от музыкальных впечатлений. Так, Сандерсон указывает, излагая работу Фарнсворта, на отсутствие сколько-нибудь реальных различий в музыкальной способности (исключая теста гармонии) между белыми и китайскими студентами, когда они более или менее одинаково «тренированы». В то же время оказывается, что менее давно живущие в Америке китайцы-студенты дают более низкие показатели (Сандерсон, 46).

В заключение этого краткого обзора экспериментальных исследований негритянского населения Америки уместно привести работу Дороти Гарднер над 98 негритянскими и 146 белыми студентами в Техасе. Испытуемые должны были написать в течение пяти минут как можно больше любых слов, какие только приходили им на ум. Обнаружилось большое сходство между черными и белыми в процентном содержании определенных категорий слов; выявилось лишь несколько большее предпочтение неграми абстрактных терминов, наименований родства и собственных имен. Белые были произвольно разделены на 2 группы. Коэффициент сходства между ними оказался не больше, чем между группой черных и белых (Дороти Гарднер, 29).

III

Переходя к обзору психотехнических испытаний народностей монголоидной расы, и, в частности, эскимосов, алеутов и индейцев, нужно иметь в виду, что в отличие от американских негров названные народности являются более или менее коренными обитателями Америки или прилежащих островов и сохранившими свою культуру и свой язык. Если при исследовании негров весьма большие осложнения представляли особые социально-экономические условия их положения среди американского населения, то у алеутов, эскимосов и индейцев сюда присоединяются плохое их знакомство с английским языком, глубокое своеобразие их культуры, т. е. традиций, умений, оценок и, следовательно, всей их психологии. Заранее очевидно, что в результате применения к этим на-

родностям обычной тестовой методике нельзя получить для оценки психического развития никаких убедительных результатов. Это обстоятельство понимал и неоднократно подчеркивал Вальтер Кросби Иилс, предпринявший по специальному заданию руководящих органов большую психотехническую работу среди туземных народностей Аляски для составления программы и постановки школьного образования у эскимосов, алеутов и индейцев Аляски (Иилс, 24). Испытанию подверглись всего 634 эскимоса, 195 алеутов и 285 индейцев в возрасте от 5 до 20 лет, учащихся в 46-ти школах различного типа.

Вообще говоря, по сравнению с отвлеченными европейскими нормами туземцы Аляски дали низкие результаты почти во всех примененных тестах. Автор высказывает соображение, что в ряде тестов испытуемые плохо понимали, чего от них требуют вследствие недостаточного знакомства с английским языком. И в этом случае, как и с неграми, невозможно приписать расе полученные результаты, даже не входя в область принципиальных методологических рассуждений и оставаясь в пределах самого фактического материала. Так, например, в испытании успешности усвоения школьной программы по английскому сочинению эскимосы, индейцы и алеуты из так называемых Boarding Schools оказались значительно выше, чем те же народности из так называемых Day Schools. Эскимосы VI и VII ступени превысили нормы для белых. К сожалению, разбивка по типам школы не была применена автором по отношению к другим тестам, кроме английских сочинений (24).

Попытка автора показать, что увеличение успешности (по Stanford Achievement Test) возрастает с увеличением примеси белой крови, не выдерживает критики, так как автором не указывается, одинаковы ли были шансы усвоить элементы белой цивилизации для чистокровных эскимосов и метисов. Кроме того, при рассмотрении каждой группы отдельно и самое соответствие нарушается. Так для алеутов график успешности дает в общем легкое понижение успешности по мере увеличения в их жилах примеси белой крови. Более строго проведены работы в аналогичном направлении С. и Л. Пресси по «эмоциональным склонностям» северо-американских индейцев. В одной из работ авторы пришли к выводу, что оценки, даваемые индейцами разным вещам, являются «отсталыми», по сравнению с оценками белых с точки зрения американской цивилизации. Но оказалось, что величина этого расхождения зависит от степени контакта и влияния белых (Пресси, 43).

В другой работе об эмоциональных склонностях индейцев, обладающих разной степенью примеси белой крови, авторы пришли к выводу о том, что кровь (т. е. расовая принадлежность) не играет в этом вопросе никакой роли. Авторы даже говорят о триумфе сторонников среды (Пресси, 44). Эти работы интересны и в другом отношении. Они дают очень яркую иллюстрацию отрицательного отношения индейцев к существенным элементам современной западной цивилизации. Для оценки моторной ловкости туземцев Аляски Иилс применил данные по 1500 белых студентов колледжа. Оказалось, что по гибкости, силе, равновесию и пр. туземцы ниже белых, равно как и по более тонким движениям руки в серии Мак-Кэрри. Удивительно ли, однако, что закутанные в меха обитатели полярной области имеют иные типы движений, чем тренируемые на спортивных площадках американцы? С другой стороны, и обратно, вряд ли было бы легким делом для среднего американского клерка броситься в зыбком каяке в волны Северного океана и с помощью гардуна вступить в бой с моржом. Нет необходимости развивать далее эти

элементарные истины. Полученные Иилсом результаты представляют интерес для характеристики исторически сложившейся психики эскимоса. Так, может быть отмечено, что в арифметике туземцы Аляски гораздо менее успешны, чем в географии, в музыкальном отношении относительно гораздо менее развиты, чем в рисовании; в различении высоты и запоминания тона менее, чем в различении интенсивности звука, в качестве почерка (индейцы и эскимосы) значительно ниже, чем в скорости письма.

В дополнение к американским работам интересно остановиться на исследованиях голландского психолога Ван-Луна среди малайского населения. Следуя психологической схеме Гейманса, Ван-Лун относит малайцев к психическому типу, характеризующему аффективной лабильностью, внушаемостью, подражательностью и слабым развитием так называемых «вторичных функций» (Ван-Лун, 37). Сдержанная и внешне спокойная манера малайца держаться объясняется как следствие его тенденции оберегать свою чрезмерно чувствительную нервную систему от всяких резких столкновений. Каковы же методы Ван-Луна? Школьникам раздавались листы с написанными словами, содержание которых могло вызывать различные эмоции. На Яве было исследовано около 300 учеников медицинской школы (Stovia). Дети, получив задание писать по свободной ассоциации идей любые слова, обнаружили в подборе написанных ими слов склонность реагировать значительно более эмоционально на соответствующие стимулы, чем европейские дети в аналогичных опытах. Выводы Ван-Луна о свойствах малайской расы, однако, очевидно, не выдерживают критики. Они основаны на совершенно произвольном допущении, что способность вызывать какую-либо эмоцию лежит в слове, в то время, как степень этого воздействия определяется одной природой испытуемого. Вполне понятно, что те же самые исторические и бытовые причины, которые сделали определенные слова пригодными в качестве возбудителей, могли повлиять и на степень вызванного ими возбуждения. То же самое наименование национального обычая, имя божества и пр., в одних условиях могли бы произвести на туземца весьма сильное впечатление, а в других — никакого. Кого бы удивило, что слово «ад» вызывает со стороны парижского школьника в наше время иную реакцию, чем, например, во времена религиозных войн? Нет ничего невозможного в том, что Ван-Лун не нашел для голландских детей столь же глубоко волнующих слов, какими оказались для малайских названия уходящих обычаев и святых. То же самое можно повторить и для слов другого рода.

Усиление эмоций при слове «убийство» у малайца не связано ли с формой правосознания в туземной культуре, с иной ролью в ней идеи возмездия? Эротические образы, зарегистрированные Ван-Луном среди ассоциаций малайца при слове танец, могли возникнуть из яванских представлений о танце. Автор полагает, что сравнивает темпоранты, а в действительности он сравнивает, прежде всего, культуры.

Аналогичные замечания можно сделать по поводу исследований психики других народностей. Попытка Пуллейна и Вулларда показать природные интеллектуальные силы туземцев Австралии с помощью тестов, рассчитанных на здравый смысл и не требующих знаний, так же не выдерживает критики, как и работа Ван-Луна с малайцами. Черные передавали палочку по кругу медленнее белых и успевали зажечь одной спичкой меньшее число свечей, чем белые. По словам самих авторов, при выполнении теста «палочка в круге» белые следовали основному пра-

виду всех игр в мяч: не спускай глаз с мяча. Но черные батраки Австралии имели, вероятно, меньший опыт в английских спортивных играх, чем приехавшие англичане. Англичане также лучше пользовались спичками, чем туземцы, по той же причине, по которой туземцы сумели бы, конечно, превзойти англичан в метании бумеранга.

«В своих национальных играх, — писал Чарльз Дарвин об австралийцах Нового Южного Уэльса, — они проявляли изумительное искусство. Шлягу, помещенную на расстоянии тридцати ярдов, они пробивали насквозь дротиками, брошенными с помощью метательной рукоятки с такой же быстротой, как стрела, пущенная из лука опытным стрелком. Следя за зверем или человеком, они выказывают чрезвычайную сметливость, а несколько слышанных мною от них замечаний обнаруживают наличие в них довольно значительной сообразительности» (Ч. Дарвин, 4).

Для дополнения упомянем еще об одной работе на европейских расах — Клинберга (G. D., 28). Автор этой работы, не считая убедительными результаты исследований в Америке над иммигрантами, перенес исследования на территорию Европы, в области бытования трех рас — северной, альпийской, средиземноморской (по данным Риплея). Во Франции была выбрана Фландрия, Овернь, Восточные Пиренеи, в Германии — Ганновер и Шварцвальд, в Италии — Пьемонт и Сицилия.

В каждом пункте было исследовано по 100 детей обоего пола в возрасте от 10—12 лет, обладающих резко выраженными признаками соответствующей расы. Кроме того, были исследованы три группы детей по 100 в каждой, в Гамбурге, Париже и Риме. 6 ручных тестов из серии Пинтнер-Патерсона обнаружили явное превосходство городских детей. Самые плохие результаты показали французские дети северной расы и итальянские дети средиземноморской расы. Высокие результаты дали северная раса в Германии и средиземноморская во Франции. Тесты на скорость и точность дали во Франции лучшие результаты для средиземноморской расы, худшие для северной. Около 20—30 субъектов по каждой группе было испытано на воображение (количество предметов «увиденных в сложном пятне»). По успешности нации расположились в этом тесте по убывающей кривой с юга на север. Автор в итоге считает трудным, если не невозможным, интерпретировать полученные результаты (G. D.). «Результаты не подтверждают теории определенной иерархии рас». (53, стр. 194).

Достаточно указать, что одни и те же расы в разных европейских странах дали различные показатели.

Очевидно, тесты не обнаруживают и не могут обнаружить наследственные различия психических особенностей этнических групп. В следующем разделе будет приведен пример того, к каким последствиям приводит желание во что бы то ни стало доказать обратное.

IV

Одной из основных работ по неграм должно считаться весьма солидное издание Вашингтонского института по белым, мулатам и неграм острова Ямайки (Давенпорт и Стетгерда, 23). По обилию методик, по составу участников, по комплексному характеру всего исследования, охватившего морфологию, физиологию и психологию, этот труд занимает одно из первых мест. В то же время он представляется мне достаточно типичным для американской науки.

Психологическое исследование негров, мулатов и белых, женщин и мужчин, взрослых, подростков и детей на острове Ямайке было опубликовано в 1929 г. Институтом Карнеджи в Вашингтоне. В организацию работ вошла предварительная поездка Стеггерда на о. Ямайку, затем обустройство плана работы в Нью-Йорке в специальном комитете, состав которого украсил такими именами, как Давенпорт и Торндайк. В работе, кроме того, приняли участие Арнольд Гезелл (недология), Бенедикт (физиология обмена). Давенпорт и Стеггерда, авторы основных разделов этого большого труда, поставили своей целью совершенно «объективно» разрешить вопрос о том, различаются ли расы в умственной способности (стр. 468, 469). Авторы отдавали себе полный отчет в том, что вопрос этот дискуссионный. Некоторые ученые сомневаются в существовании подобных расовых различий. Однако различаются же, например, собаки не только по внешности, но и по инстинктам. Законно, следовательно, то же самое предположить о расах людей (стр. 468—469). Таковы основные предпосылки Давенпорта и Стеггерда. Однако необходимо, по мнению авторов, принимать в расчет социальные факторы. На этом основании они с самого начала стремились проводить свои работы на однородном социальном составе и, в частности, не включили в материал своих испытаний белых господствующего класса и белых купцов из Кингстона, чтобы не дать белым лишним преимуществ. «Прежде всего было решено, чтобы все три группы (белые, мулаты, негры. — Я. Р.) принадлежали к преобладающему классу земледельцев...» (стр. 4).

Точно так же и методика была чрезвычайно разнообразной и должна была охватить самые различные стороны психической одаренности. В программу вошли нижеследующие психологические тесты. Срисовывание геометрических фигур, срисовывание человеческой фигуры, реконструкция манекена (как можно быстрее сложить человеческий манекен из 6 частей), критика нелепых суждений, повторение на память продиктованных семи чисел, тест Нокса (Кнох-Морон Test) на быстроту вкладывания четырех различных неправильной формы частей в крестообразное углубление в доске, тест Нокса «имитации кубика» (Knox Cube Imitation Test) — расстановка четырех цветных кубиков, нумерованных от 1 до 4 в порядке, сообразно с числом постукиваний, которое производит экспериментатор, Form Substitution Test — расставить как можно больше определенных цифр за 1½ минуты в разные геометрические фигуры. Кроме того исследовались музыкальные способности по шести пунктам (система Сиппор); различение высоты звука, интенсивности, длительности промежутка времени, гармонии, ритма и музыкальная память. Затем было проделано испытание по так называемому военному тесту альфа — Army Alpha Test (принятому в американской армии с 1917—1918 г.), именно его форма № 8. Весь этот последний тест состоял из восьми подтестов. Проводился, согласно инструкции Иоками и Иерк 1920 г. (Army Mental Tests).

Основные выводы авторов таковы:

«В способности музыкального распознавания, в тесте на повторение семи цифр и в некоторых умственных арифметических вычислениях черные превосходят белых, но во всех других умственных тестах белые равны или явно превосходят цветные группы» (стр. 368—369).

И в окончательном выводе авторы заключают:

«Как кажется, вывод из настоящих исследований достаточно ясен, чтобы оправдать заключение, что они налагают тяжесть доказательства на плечи тех, кто стал бы отрицать фундаментальные различия, в сред-

нем, в умственных способностях негров с Золотого берега и европейцев» (стр. 469). Глубокое убеждение авторов в расовой основе полученных ими различий видно, между прочим, в самом неожиданным наименовании темнокожей группы. Авторы имеют в виду тот самый Золотой берег африканской Гвинеи, откуда с 1517 г. стали прибывать на Ямайку первые рабы. Психика испытуемых Ямайки получила в Африке свой географический ареал!

Даже беглого знакомства с материалом исследования совершенно достаточно, чтобы отвергнуть заключения Давенпорта и Стетгерда. Прежде всего психологическая интерпретация найденных различий чрезвычайно противоречива. «Нам кажется, что наши психологические тесты, действительно, указывают на превосходство негров над северными европейцами в сенсорной способности или, по крайней мере, в сенсорном различении, особенно в музыке. Но в тех случаях, когда требуется некоторое умение осуществить плановую композицию (вроде рисования человека), или сложить 2 и 2 и получить четыре (to put 2 and 2 together to make 4), или сложить пять кусков дерева вместе, чтобы сделать фигуру человека, черные оказываются гораздо ниже белых. В этом случае опыт обоих групп был настолько сходен, насколько это возможно» (стр. 468—469). Как же согласовать этот вывод с тем, который был сделан ранее, а именно, что черные превзошли белых «в некоторых умственных арифметических вычислениях»? (стр. 368, 369).

Но авторы не забыли оценить эту способность негров к арифметике. В конце своих исследований они добавляют: «С другой стороны, черные, как кажется, выполняют простой арифметический счет в уме и числовые серии лучше, чем белые. Они также лучше следуют по сложным направлениям в выполнении разных вещей. Кажется подходящей гипотеза, для которой имеется значительное основание, что чем сложнее мозг, чем более многочисленны его «ассоциативные волокна», тем менее удовлетворительно он выполняет простые числовые задачи, которые счетная машина выполняет так быстро и аккуратно» (стр. 469). Таким образом, превосходство негров в арифметике указывает на несовершенство их мозга. Но, очевидно, сложение два плюс два авторы не причисляют к группе простых арифметических операций, так как предполагаемое превосходство белых в этом отношении должно было доказать большее совершенство их интеллекта. Здесь мы имеем дело с явной тенденцией заранее считать, что один и тот же показатель успешности у негра и у белого должен оцениваться по диаметрально противоположным принципам.

Не выдерживает критики также и утверждение о полной однородности белой и черной группы в смысле социального состава. Прежде всего, каждая из групп чрезвычайно пестра. Из 54 черных мужчин — 9 заключенных (уголовных), исследованных в тюрьме в присутствии часового; из 51 черных женщин — 8 заключенных (уголовных). Среди белых — ни одного заключенного. Среди черных — 15 учащихся педагогического колледжа, среди белых — ни одного. Среди черных 2 пожарных и 11 кандидатов в полицию. Среди белых — 19 моряков и корабельных плотников и 8 служащих государственных учреждений — из числа «прогрессивных британских семейств». Более или менее общим формально элементом обеих групп являются у мужчин земледельцы, составляющие, приблизительно, 28% у негров и 46% у белых. Среди женщин общим элементом являются так называемые *country women*, составляющие около 12% у черных и 10% у белых. Остальные — различных профессий.

Конечно, можно предполагать о большей или меньшей сходимости образования и умственных навыков у белых моряков и черных пожарных, у черных учащихся (будущих сельских учителей) и белых государственных служащих и т. д., но подобные предположения слишком произвольны. Так, в частности, белые выполнили намного лучше, чем черные, тесты со складыванием из деревянных частей некоторой фигуры. Но среди белых значительно больше земледельцев-фермеров, знакомых с плотничьей работой и, кроме того, из 50 белых моряки и корабельные строители составляют 38%. Следует ли удивляться, что присутствие мастеров и опытных плотников повысило процент удачного складывания деревянных брусков? Кроме того, одно только общее наименование профессии cultivator еще далеко не свидетельствует о действительном сходстве. Хорошо известно значительно более нищенское и угнетенное существование темнокожего пролетариата Америки по сравнению с белыми рабочими. Сами авторы отмечают, что негры-земледельцы отнеслись «в большинстве подозрительно к процедуре, и временами суеверно в части некоторой техники, особенно когда брали образцы волос» (стр. 11). Как было уже указано, этот элемент составил 28% негрского мужского состава. Было бы существенно знать, не отразились ли их подозрительность и суеверие на результатах психотехнических испытаний. Не менее важно было бы знать, не старались ли заключенные в тюрьме негры показаться несколько более отсталыми, чем они были в действительности, питая надежду на пересмотр их вменяемости и смягчения их участи.

Неизбежным следствием неоднородности внутри каждой из расовых групп явилась во многих случаях столь резко выраженная двухвершинность кривых распределения психотехнических показателей, что средняя арифметическая величина потеряла для них всякий реальный смысл. Вот, для примера Кнох Моргон Test (табл. 3 и 4) и тест для складывания манекена.

Таблица 3

Тест Нокса, первая проба
(взрослые мужчины и женщины)

Время, которое понадобилось для выполнения в секундах	№ 62	№ 75	№ 98
	Негры, %	Мулаты, %	Белые, %
241 и больше	27.42	20.00	8.16
181—240	4.84	8.00	4.08
121—180	12.90	16.00	15.31
61—120	48.39	52.00	69.39
0—60	6.45	4.00	3.06

Таблица 4

Реконструкция манекена
(взрослые мужчины и женщины)

Число ошибок	Черные, %	Мулаты, %	Белые, %
5	31.25	28.77	7.22
4	9.38	12.33	4.34
3	3.13	4.11	4.12
2	9.38	6.85	11.34
1	6.25	12.33	8.25
0	40.63	35.62	57.73

Неволью приходит на ум, что в одной части кривой оказались будучие учителя, а в другой сгруппировались заключенные, притворившиеся полудиотами, и лица, растерявшиеся от испуга.

Таких таблиц достаточно много. Заслуживает еще упоминания и тот факт, что авторы подбирали материал, заранее учитывая возможные результаты, что явствует, например, из такого признания:

«Для точного сравнения черных, коричневых (мулатов. — *А. Р.*) и белых было сочтено необходимым в некоторых случаях отбрасывать в высшей стадии отобранную группу из Training College Students, которая заключала, главным образом, мулатов, чтобы группы были социально более сравнимы». Произвол подобного подбора — вполне очевиден. Расширяя или суживая эти «некоторые случаи», можно было бы подобрать любой состав и получить любой результат.

В ряде таблиц обращает на себя внимание несогласованность и противоречия результатов по возрастам (авторы брали группы 10—13 лет, 13—16 и взрослых). Так, например, в «критике нелепых суждений» взрослые белые несколько превышают мулатов и негров. При этом авторы, рассмотрев результаты по возрастам, видят в них еще лишнее доказательство того, что белые с возрастом все прогрессируют, а цветные достигают своего зенита в юности, а потом отстают. Но они оставляют без объяснения другой факт, а именно — что этот высший по всем возрастам результат белых, все-таки, ниже, чем высший результат мулатов. Этих фактов вполне достаточно, чтобы совершенно отказаться от вывода Давенпорта и Стетгерда о том, что ими действительно найдены наследственные различия психических свойств.

Но если бы это было даже возможно, то что бы давало право рассматривать их как расовые различия? Для пояснения этой мысли нужно напомнить о том, что большая часть белой группы, 76% всего ее состава, происходит с о. Каймана и из Сифордтоуна, т. е. из таких местностей, где белое население очень малочисленно. Законно ли в таком случае свойства индивидов такой небольшой группы рассматривать, как средние для белой расы вообще? Впрочем, сами авторы были принуждены сильно ограничить роль наследственного фактора в успешности выполнения музыкальной серии Сипор и некоторых тестов серии Альфа после их проведения на однояйцевых близнецах. Вот, например, данные по одаренности, в музыке:

	Высота	Время	Гармония	Ритм
Эдвард (белый 18½ лет)	38	1	26	89
Осмонд	26	28	0	69

«Не проявляется большого сходства. Очевидно, наследственный контроль не простирается на детали музыкальной способности» (стр. 449). Расхождение между близнецами, действительно, весьма велико. Очевидно, что построения Давенпорта и Стетгерда о расовой психике повисают в воздухе.

V

В некоторых психотехнических работах встречаются указания на то, что можно заранее, до исследования, предсказать существование различий в психике у разных рас на основании априорных соображений.

Главные из них таковы: 1) породы домашних животных отличаются по своим повадкам; 2) человеческие расы неодинаковы в физиологическом отношении.

Оба положения бесспорно заслуживают внимания. Биологический субстрат поведения разных этнических групп совпадает в основном, т. е. в обладании комплексом, который делает все расы способными к развитию. Однако, вполне допустимо, что он может отличаться в ряде наследственных свойств, например, в том, что в практике называется темперамент. Не следует лишь заранее преувеличивать значения того, что может быть истинного в этом ходе рассуждений. А главное, не нужно забывать, что выводы, которые из него делаются, обычно в корне ложны. Остановимся на обеих сторонах этого вопроса.

Прежде всего, аналогии с домашними животными, в частности с собаками, произвольны с чисто биологической точки зрения. Расы человека, вопреки мнению Фишера, неправильно приравнивать к искусственно выведенным со специальными целями породам. Более последовательно было бы с этой точки зрения обратить внимание на родственные человеку формы в отряде приматов, т. е. на высших обезьян. К сожалению, количество сравнительного материала по зоопсихологии малых систематических категорий у приматов очень невелико. Насколько резко разграничены расы обезьян? То, что роды высших обезьян различны в психическом отношении — не подлежит сомнению. Что касается рас, то данные на этот счет почти отсутствуют. Замечательной особенностью обезьян, как известно, является исключительно большая индивидуальная изменчивость окраски шерсти, форм скелета, волосяного покрова, массы мозга, крайне затрудняющая выделение рас. Эта большая изменчивость была установлена для оранга и шимпанзе (Даниэль Эллиот), для гиббона (Покок), для гориллы (Куллидж, Кизс, Конолли). Индивидуальное разнообразие типов нервной системы (установленное для собак работами Павлова), повидимому, в еще сильнейшей степени свойственно и высшим приматам (Иеркс, Келлер, Денисов). Есть основания предполагать, что у шимпанзе индивидуальные различия в психике превосходят различия рас. Указание на эти последние мы находим в работе Куллиджа о карликовой форме шимпанзе (*Pan paniscus*), которая обнаруживала в условиях неволи, в ряде ситуаций большую сообразительность, чем *Pan Schweinfurtii* (Куллидж, 20). Однако материал Куллиджа слишком мал для окончательных суждений. Далее, следует иметь в виду, что у животных структурные и физиологические особенности их организма в весьма сильной степени изменяются под действием внешних условий в ранние периоды возрастного развития. Очень большая роль функции в развитии морфологических структур была убедительно доказана в ряде исследований А. А. Машковцева над выделительной системой и жаберным аппаратом (Машковцев, 7). Есть также много оснований утверждать, что те влияния, которые нервная система испытывает в течение индивидуальной жизни и особенно в раннем детстве, могут глубоко запечатлеться на ее структуре. Некоторые свойства нервной системы, которые закономерно могут рассматриваться как «природные» по давности и степени их укоренения в организме, в то же время не являются наследственными. В этом нас убеждают данные Макса Ферворна о резком изменении клеток мозжечка у новорожденного кролика под влиянием упражнения; опыты Бергера, который зашивал глаза щенкам и обнаруживал у них недоразвитие зрительной коры по сравнению с контрольными

(М. Фервори, 13); опыты Камерера, получившего хорошо развитые глаза у протей, воспитанного на свету; опыты Амбронна и Гелда над слепыми новорожденными животными, у которых зрительный нерв освещенного глаза обогнал в своем морфологическом развитии нерв закрытого глаза (Брок, Томас, Пейпер, 19). В отношении человека аналогичные факты описывает де-Кринис в своей работе об анатомии слуховой коры, где он приходит к выводу, что в слуховой зоне коры дегенерируют некоторые клеточные элементы после прекращения слуховых впечатлений в результате разрушения слухового нерва (в последнем случае, может быть имеет место коррелятивное изменение близких структур — де-Кринис, 22) и т. д.

Оказывается, что и общий тип нервной деятельности животного в сильнейшей степени зависит от ранних воздействий среды. И. П. Павлов в одном из своих последних сообщений указал, что в результате содержания щенков в клетке с момента их рождения они обнаруживали в течение очень продолжительного периода, а может быть, по предположению Павлова, и на всю жизнь свойства «слабой» нервной системы (опыт Выржиковского и Майорова) (Павлов, 11).

Кроме того имеются указания на то, что высшие животные в своей обычной обстановке обнаруживают далеко не все «скрытые» в них умственные способности. Наблюдения Ниссена над шимпанзе в его естественной среде вполне подтвердили ранее высказанные на этот счет взгляды академика Северцова.

Итак, неправильно ссылаться на животных в обоснование утверждений о более или менее резком разделении человечества на расы по неизменным и наследственным психическим свойствам. У приматов мы можем констатировать широчайшую индивидуальную изменчивость расовых признаков, отсутствие твердых указаний на психические различия рас, доказанный факт весьма больших индивидуальных различий в одаренности, у животных вообще — наличие «запасного разума» и весьма значительную роль экзогенных факторов в формировании их нервных структур.

Относительно физиологических различий рас у человека сведения еще весьма недостаточны. Кроме того, некоторые из них не свободны от существенных противоречий. Джакомини находил, что щитовидная железа у негров меньше, чем у белых. Это положение в отношении гереро и готентотов подтвердил Грабер в 1913 г. и в отношении негров банту в новейшее время — школа Дарта (по любезному сообщению г-на Джильмэна). Однако весьма тщательная работа 1936 г. Раймонда Пирль, М. Гуч, Джона Майнер и Вальтера Фримэн на 1272 трупах показала, что для 4 типов сложения (астеников, пикников, атлетов и диспластиков) в обоих полах, т. е. в 8 группах вес щитовидной железы (высчитанный на 1 кг веса тела) у американского негра несколько больше, чем у белого (41).

В литературе имеется немало указаний на физиологические особенности малайского населения. Много писали о неустойчивости его нервной системы. На Малайском архипелаге распространена особая болезнь «лата», которую Борде называл подражательной хореей. Большой известностью пользуется специфическая нервная болезнь малайцев «амок», относимая некоторыми к эпилептоидному кругу. В числе конституциональных отличий малайцев от европейцев следует упомянуть большой относительный вес их поджелудочной железы (Ситсеп, 47), затем обнаруженный Мюллером в Батавии несколько более легкий вес их щито-

видной железзы по отношению к весу тела и, наоборот, больший вес, в отношении веса тела, мозгового придатка. Тем же автором отмечена у малайцев меньшая ширина просвета аорты. Имеются указания на несколько меньший процент холестерина в крови по сравнению с европейскими нормами (0,9% по сравнению с 1,5%) (Леббельтер, 35). Можно также вспомнить старые исследования Брука, который методом связывания компонента нашел отличия в структуре крови малайцев от европейцев. Однако было бы ошибочно во всех этих случаях говорить о признаках малайской расы. Относительно некоторых из вышеуказанных особенностей малайцев вообще отсутствуют доказательства их наследственной обусловленности. Так, в частности, большой вес поджелудочной железы мог явиться следствием вегетарианского питания (Лот, 38). Большое влияние климата, пищевого режима, малярийной инфекции на нервную систему отмечалось неоднократно.

С другой стороны, нет никаких указаний на совпадение границ распространения «малайского» типа конституции с географическим ареалом южно-монгольской расы. Интересно в частности, что нервная болезнь, близкая по форме к «лата», была описана под названием «пму-бакко» у айнов, столь отличных по расе от малайцев (Леббельтер, 35). Если бы, однако, и было доказано наличие тех наследственных различий в задатках темперамента европейца и малайца, на которые указывает Ван-Дун, то не следовало бы забывать, что тип, приписываемый им малайцам, был открыт и проанализирован Гаймансом на европейском населении. Речь могла бы идти, таким образом, об известном численном преобладании одного типа над другими. Эмотивность, возбудимость и пр. многократно приписывались самым различным этническим группам — неграм, эскимосам, тунгусам и пр.

Если бы даже удалось доказать преобладание в какой-либо этнической группе той или иной биологической конституции, это несколько не изменило бы основного положения о том, что не существует никаких наследственных социальных проявлений. Имеются лишь наследственные задатки физиологических свойств мозга, секреторного аппарата, сосудистой системы и пр. Эти задатки проявляются неодинаково в различной среде.

Путешественники оставили многочисленные свидетельства о психических особенностях разных народностей. Единодушие многих из их показаний придает им бесспорную объективную ценность. Так, не может быть сомнения в том, что психологический тип эскимоса иной, чем тип индейца дакота, тип андаманского пигмея резко отличен от типа туземца Австралии — арунта и т. д. и т. д. Но роль биологического фактора этих отличий не может быть установлена без анализа истории их формирования. Уже не говоря о значении социально-экономической формы и связанных с нею взаимоотношений между членами коллектива, необходимо помнить, что лес, степь и пустыня, тропики и льды вырабатывают у этнической группы неодинаковый психический склад. Невозможно, далее, отбрасывать и влияние европейского вторжения, которое наиболее интенсивно действовало в местах, пригодных для колонизации. Именно там, где борьба была особенно кровавой или безнадежной, на психологию туземца ложился трагический след поражений и отчаяния. Вряд ли случайно, что добродушие и жизнерадостное веселье были описаны у населения мало доступных для европейца областей тропической Африки и Индонезии и крайнего севера Азии и Америки. Наконец, как было уже сказано выше, линии расовых делений не совпадают с дан-

ными о психике. Психологические типы разных этнических негритянских групп весьма различны. В пределах большой монгольской расы психический склад тунгуса иной, чем у близкого к нему в расовом отношении коряка.

О том, какова степень изменчивости свойств характера под влиянием внешних условий, дают понятие, например, исследования Г. В. Соболевой над 28 парами однояйцевых близнецов, в которых оказалось 50% несовпадений в характере! (Соболева, 12). Неудивительно, что расхождение между партнерами однояйцевых пар в характере выступало еще более резко в тех особых случаях, когда однояйцевые близнецы разъезжались и подвергались разным воздействиям среды. Таков, например, случай с «Мэри» и «Мабель» из сводки Вальтер Кюна и др. (32).

VI

Еще более произвольны заключения о том, что так называемые «примитивные» черты строения тела той или иной расы представляют собой неопровержимое доказательство более низкого уровня ее психики.

Особенно часто в качестве косвенного доказательства отсталости психики приводится морфологический тип австралийца, некоторые свойства которого напоминают якобы более древние стадии человеческой эволюции. Не касаясь морфологической стороны вопроса, остановимся на предположении о соответствии морфологической и психической примитивности. Вследствие большой важности этого вопроса, разберем его подробнее.

Прежде всего, существует ли вполне строгое соотношение этих признаков у животных, в частности у приматов? Куллидж нашел как раз обратное соотношение в выше цитированном случае. Более сообразительный *Rap raniscus* обладал целым рядом примитивных особенностей скелета (примитивность Куллидж понимает как инфантилизм). Сходные явления обнаруживались и в некоторых экспериментальных работах, проведенных над приматами, далеко отстоящими друг от друга в систематическом отношении. Американская обезьяна капуцин показала себя в обращении с орудиями не менее искусной, чем шимпанзе (Клювер, Биренс де-Ган, 31). Цукерман сообщает, что некоторые исследования обнаружили большую успешность бабуинов и мандрилов по сравнению с высшими обезьянами (Цукерман, 50). Взрослый гиббон в некоторых опытах дал результаты более низкие, чем все взрослые бабуины и из восьми макаков превзошел только двоих (Цукерман, 50).

Важнее, однако, соображения другого рода. Роль биологического фактора в человеческой психике не может быть верно понята, если не отдать себе отчет в одном весьма существенном и многократно описанном в психологии парадоксальном свойстве интеллектуальной деятельности человека усиливаться под влиянием «недостаточности интеллекта».

Хорошо известно, что деятельность сознания усиливается в тот момент, когда в поведении нарушается его автоматизм. Уже давно было замечено, что мы ощущаем наши органы, когда прерывается обычный ход их функционирования и что мы сознаем наши действия лишь до того момента, пока мы не научились полностью и без затруднений их выполнять. «Недостаточность» в какой-то определенной степени есть одно из условий, необходимых для пробуждения сознания. Но эта недо-

статочность продолжает оказывать свое влияние и далее. Сознание не может принять формы интеллектуальной деятельности без некоторого элемента новизны, воспринимаемой в виде задачи. Но трудность или новизна этой задачи всегда относительна и зависит не только от содержания и условий возникновения самой задачи, но и от особенностей воспринимающего лица. Необходимое условие для усиления интеллекта — это предшествующий этап своего рода отрицательного состояния. На этом основании позволительно высказать предположение, что вообще те факторы, которые составляют некоторое препятствие для высшей нервной деятельности человека, в каком-то отношении усиливают его интеллект. Например, вполне естественно думать, что недостаточная способность к совершению сложных одновременных действий будет стимулом для развития аналитической деятельности, в результате которой может возникнуть постоянная склонность разлагать трудные операции на отдельные элементы, следующие один за другим. Неполная дифференциация нервной ткани или малые размеры головного мозга, ранимость нервной системы и т. д. имеют, вероятно, далеко не столь простое значение в вопросе одаренности, какое придается подобным признакам в ряде исследований. Так, в частности, небольшой по величине мозг может возбуждаться к деятельности тем сильнее, чем больше трудности ему причиняет отмеченный недостаток, разумеется, до известного предела. Может быть, в этом следует видеть одно из объяснений таких фактов, как малая и не строго постоянная корреляция между одаренностью и массой мозга, как отсутствие корреляции между высотой лобного отдела и одаренностью (Хрдличка, 51), и, с другой стороны, некоторая связь психической отягощенности и таланта.

Конечно, процесс компенсации может вылиться в разные формы. В одних случаях это механическое заимствование, в других — более или менее глубокий творческий процесс. Не существует, однако, ни одного научного доказательства, что подобные различия зависят от расы.

Остается следующее возражение. Если ход этих рассуждений верен и если морфологическая «примитивность» действительно не дает еще права ожидать отсталости психики, то что же могло быть причиной столь резкого отставания культуры охотничьих племен, например, австралоидной расы?

Хотя этот факт лежит вне непосредственной темы данной статьи, необходимо сказать о нем несколько слов. Пожалуй, трудно было бы привести более яркий пример огромного влияния на ход культурного развития географической среды в широком смысле этого слова, чем Австралия. Крайняя степень изоляции австралийского континента лишала австралийского охотника весьма важного условия прогресса: достаточно интенсивной связи и обмена влияний с соседней культурой. В то же время отсутствие пригодных для одомашнивания животных пресекало возможность перехода к скотоводству. Отсутствие плацентных млекопитающих лишало австралийского охотника наиболее крупных объектов охоты, игравших столь важную роль в эволюции человеческого общества, как это признано в ряде современных исследований (Мещанинов, 8). Малая изрезанность берегов препятствовала развитию морского судоходства; высыхание или бурное течение рек мешало развитию судоходства речного. Огромная площадь Австралии — пустыня. По данным 1903 г., белое население Австралии имело культурной площади только 0.49% всей территории. Для борьбы с засухой в одном Квинсленде пришлось устроить около 1 000 артезианских колодцев. Сбор уро-

жая с акра в Австралии был в 4 раза меньше, чем в Великобритании и Ирландии. Отмечался также и весьма медленный ход колонизации Австралии по сравнению с Америкой. Если столь многие трудности вставали перед европейской техникой, то они, без сомнения, оказались бы роковыми для охотничьей культуры любой расы. Вымирание викингов в Гренландии, ярко описанное Паульсеном, показывает, что и северо-европейцы, например, не могли преодолеть некоторых естественных преград, притом таких, которые оказались по условиям культуры преодолимыми для эскимоса (Паульсен, 40).

Австралийская раса, если не считать некоторых аналогичных вкраплений в Индии и Индонезии, неизвестна нигде вне Австралии, т. е. вне перечисленных выше условий. Следовательно, все рассуждения о неспособности австралийской расы к культурному развитию вообще (т. е. в среде благоприятной) лишены фактического обоснования.

Аналогичные соображения можно без труда применить и к ряду других культурно отсталых народностей, например, к огнеземельцам, бушменам и т. д. Значение географической среды, конечно, не остается постоянным в ходе истории. Особенно важны те географические влияния, которые останавливают или поощряют развитие культуры в течение ее ранних стадий. В этом смысле уже давно было высказано положение, что наиболее благоприятна для развития производительных сил такая среда, которая не настолько сурова, чтобы парализовать возможность усилий, и не настолько обильна природными дарами, чтобы чрезмерно облегчать эти усилия.

Из изложенного мы видим, таким образом, что обширнейшие так называемые психотехнические исследования ровно ничего не дают для обоснования доктрины о психическом превосходстве одной расы над другой. Если все же подобные утверждения имеют место, то происходят они отнюдь не из самого экспериментального материала, но из предвзятой расистской концепции, толкающей ее приверженцев на путь построения поверхностных параллелей между морфологией и психикой. Подобные исследователи исходят из убеждения, что их испытуемые при соприкосновении с психотехником сбрасывают с себя свою социальную сущность, превращаясь в зоологических особей, представителей определенной «расы». Вполне понятно, однако, что не только испытуемые, но и психотехники продолжают в процессе испытания нести в своей психике определенное социальное содержание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аркин Е. А. Ребенок и его игрушка в условиях первобытной культуры. Москва, 1935.
2. Бенедикт В. Н. Инструкции для изучения сравнительной психологии, составленные Мантегадзи, Гиллоли и Литурно. Москва, 1877. Из Протоколов Заседания Комитета по устр. Антроп. выставки.
3. Выготский Л. С. и Лурия А. Р. Этюды по истории поведения, стр. 54—121. Москва, 1930.
4. Дарвин Ч. Путешествие натуралиста вокруг света, стр. 362. Москва—Ленинград, 1935.
5. Деникер. Человеческие расы, стр. 136. Петербург, 1902.
6. Лурия А. «Психология рас» и фашистская наука. Фронт науки и техники, вып. 12, 1933.
7. Машковцев А. А. Роль функции в развитии морфологических структур у позвоночных животных. Успехи совр. биологии, вып. 3, 1935.
8. Мещанинов И. И. К вопросу о стабильности в письме и языке. Известия ГАНМС, том VII, вып. 5—6, стр. 30, Ленинград, 1931.

9. Мирепова А. Н. Психомоторное обучение допколынга и общее развитие. Некоторые эксперименты на близнецах. Тр. Медико-Биологич. ин-та им. М. Горького, т. III, 1934.
10. Павлов И. Двадцатилетний опыт изучения высшей нервной деятельности, 1922.
11. Павлов И. Последние сообщения, вып. III, 1935.
12. Соболева Г. В. Результаты обследования 105 пар близнецов г. Москвы. Рус. евенг. журн., т. IV, вып. 1, 1926.
13. Фервори Макс. Механика душевной жизни. Речи и статьи, стр. 106—110. Москва, 1910.
14. Штерн В. Одаренность детей и подростков и методы их изучения, стр. 154, 1922.
15. A. B. F. Реферат работы G. B. Johnson. A summary of negro scores on the Seashore music talent test. L'année psychologique, 1931.
16. A. B. F. Реферат работы M. B. McGraw. A comparative study of a group of southern white and negro infants. L'année psychologique, 1939.
17. A. B. E. Реферат работы M. C. Gatewood a. A. P. Weiss. Race and sex differences in newborn infants. L'année psychologique, 1931.
18. A. S. Beckham. A study of the intelligence of colored adolescents of different social-economic states in typical Metropolitan Areas. The Journ. of Social Psychology, vol. IV, № 1, 1933.
19. I. Brock, E. Thomas, A. Peiper. Biologische Daten für den Kinderarzt. Zweiter Band, S. 110, 1934.
20. Harold I. Coolidge. Pan paniscus. Pigmy chimpanzee from south of the Congo River. Amer. Jour. of Phys. Anthr., vol. XVIII, № 1, 1933.
21. N. D. Carter, H. E. Jones, N. W. Schock. An experimental study of affective factors in learning. The Journ. of Educ. Psychology, vol. XXV, March, № 3, 1934.
22. M. De Crinis. Anatomie der Hörrinde. S. 43, 1934.
23. Davenport a. Steggerda. Race crossing in Jamaica. Carnegie Institut of Washington, 1929.
24. Walter Crosby Eells. Mental Ability of the Native Races of Alaska. J. Appl. Psychol., № 4, 1933.
25. W. C. Eells. Educational Achievement of the native races of Alaska. J. Appl. Psych., № 6, 1933.
26. W. C. Eells. Mechanical, physical and musical ability of the Native races of Alaska. J. App. Psych., № 5, 1933.
27. H. Fry a. R. Pülleine. The mentality of the Australian Aborigine. Australian Journ. of Exp. Biology, vol. VIII, part 3, 1931.
28. G. D. Реферат работы O Klineberg. A study of Psychological Differences between "racial" and national groups in Europe. L'année psychologique, 1931.
29. Dorothy A. Gardner. The community of ideas in negroes. The Journ. of Social Psychology, vol. IV, No. 2, 1933.
30. Arnold Gesell. Summary of development level of 23 colored infants. C. Davenport a. Steggerda. Race crossing in Jamaica, p. 425, 1929.
31. Heinrich Klüver. Behavior Mechanisms in Monkeys. Chicago, p. 293—295, 1933.
32. Walter Kühn. Vererbung u. Umwelt nach Newmans and Müllers „eineiigen“ Zwillingen verschiedener Umwelt. Arch. für Rassen- u. Gesellschaftsbiologie. Band 28, I, Heft, 1934.
33. L. Kotelmann. Die Augen von 23 Singhalesen und 3 Hindus. Ztschr. für Ethnologie, Heft IV, 1884.
34. L. Kotelmann. Die Augen von 22 Kalmücken. Ztschr. für Ethnologie, Heft II, 1884.
35. Viktor Lebzelter. Konstitution und Rasse. Die Biologie der Person. Brugsch und Lewy, Lieferung 3, S. 829—830, 1926.
36. Martha Lambeth a. Lyle H. Lamier. Race differences in speed o reaction. Journ Genet. Psych. vol. XLII, No 2, 1933.
37. F. H. G. van Loon. Psychological experiments with Malay Students. III. Session Amsterdam, Institut International d'Anthropologie, 1928.
38. Loth. Anthropologie des parties moelles. 1930.
39. H. W. Nissen. A Field Study of the Chimpanzee. Comparative Psychology, Monographs, vol. 8, № 1, Serial № 36, p. 104, 1931.
40. Paulsen. Der Untergang der Wikinger in Grönland. Archiv für Rassen u. Gesellschaftsbiologie, 17, 1925.

1. Raymond Pearl, Marjorie Gooch, John R. Miner, a. Walter Freeman. Endocrine organ weights a. somatological habitus types. Human Biology, vol. 8, No. 1, 1936.
42. Sidney Pressey a. Luella Pressey. A comparative Study of the Emotional attitudes and interests of indian and white children. Journ. Appl. Psychol. № 3, 1933.
43. S. a. L. Pressey. A comparison of the emotional development of Indians belonging to different tribes. Journ. Appl. Psychol. № 5, 1933.
44. S. a. L. Pressey. A study of the emotional attitudes of Indians possessing different degrees of Indian blood. J. App. Psychol. № 4, 1933.
45. R. Pulleine a. H. Woollard. Physiology and mental observations on the Australian Aborigines. Transactions of the Royal Society of South Australia, 1930.
46. H. E. Sanderson. Differences in musical ability in children of different national and racial origin. J. Genetic Psychology, vol. XLII No 1, 1933.
47. A. E. Sitzen. Zur Frage der Rassenunterschiede der Organgewichte. Anthr. Anzeiger, Jahrg. VII, Heft 1/2, S. 103—106, 1930.
48. Keith Sward. Jewish Musicality in Amerika. J. Appl. Psychol., No. 6, 1933.
49. L. R. Wheller. The intelligence of East Tennessee mountain children. The Journ. of Educat. Psychol., vol. XXIII, No. 5, 1932.
50. Zuckermann. Functional Affinities of Man, Monkeys a. Apes. New York, ch. X, 1933.
51. A. Hrdlicka. The Forehead. Ann. Rep. of the Board of Regents of the Smithsonian Institution, 1933.
52. E. Haeckel. Etat actuel de nos connaissances sur l'origine de l'homme. 1900 (Мемуары 4 интернад. конгр. зool. Лонд.—Прим. Я. Р.)
53. Otto Klineberg. Race Differences. New York and London, 1935.

Г. Ф. ДЕБЕЦ

РАСЫ, ЯЗЫКИ, КУЛЬТУРЫ

Когда классификации человеческих рас впервые начали детализироваться, и внутри трех-четырех больших рас стали выделять более мелкие систематические категории, то этими категориями обычно являлись те или иные народы или лингвистические группы. Так, например, Демулен (1825) внутри «семитского вида» выделял арабскую, этрусско-пелазгскую и кельтскую расы. Геккель (1868) подразделял средиземноморский «вид» на расы: индо-германскую, кавказскую, баскскую и семитскую.¹

Ретциус, основатель современной краниометрии, разделив человечество на четыре типа — прогнатических долихоцефалов, прогнатических брахикефалов, ортогнатических долихоцефалов и ортогнатических брахикефалов, в качестве представителей этих групп называл разные народности — германцев, калмыков и т. п.

Однако уже вскоре с накоплением материалов о головном указателе и других антропологических особенностях различных национальностей Европы было установлено, что об определенном физическом типе, характеризующем ту или иную национальность, говорить не приходится. Как среди немцев, так и среди французов и других наций были обнаружены в большом количестве обе формы черепа — долихо- и брахикефальная. Различия в цвете волос и глаз среди представителей одной и той же национальности были известны и раньше. Отсюда у фактических основоположников антропологии — Брокá, Тошинара, Вирхова и других сложилось твердое убеждение, подкрепленное большим количеством фактов, о несовпадении расы и нации, расы и языка.

С тех пор это стало азучной истиной антропологии и положение о том, что нация состоит обычно из разных рас, а одна и та же раса входит в состав разных наций, было принято всеми антропологами без различия направлений. Языковое родство еще не означает родства расового и наоборот — вот первый итог исследований в области связи между лингвистикой и антропологией.

Но развитие лингвистики во второй половине XIX столетия пошло по такому пути, что неизбежно наталкивало на объяснение языковых различий как следствия различий расовых. Язык рассматривался лингвистами того времени как самостоятельное явление, не связанное с общественной жизнью. Отсюда более чем естественно было связать его с биологическими, т. е. расовыми свойствами его носителей. Но эта связь не могла, конечно, без прямого противоречия фактам рассматриваться в такой упрощенной форме, как это делал, например, Ретциус, имевший в своем распоряжении сравнительно ничтожное количество материала.

¹ W. Scheidt. Allgemeine Rassenkunde, Bd. I, München, 1925.

Для объяснения вышеуказанных несовпадений в расовом и языковом делении человечества была привлечена лингвистическая теория, являющаяся и в настоящее время основой буржуазного языковедения. Теория эта рассматривает те или иные формы сходства между различными языками как следствие их происхождения от одного языка, постепенно раздробившегося на ряд последовательно более и более мелких делений. Общий язык или праязык был создан каким-то пранародом, который, естественно, должен был быть небольшим по своей численности и занимать сравнительно ограниченную территорию. А раз так, то этот пранарод не мог быть столь же разнородным в расовом отношении, как все те народы, которые говорят теперь на языках, развившихся из общего языка-предка или праязыка. Различие в расовом типе людей, говорящих на одном и том же языке или на близких языках, было объяснено тем, что только один из этих расовых типов был истинным предшественником и создателем данного языка, все же остальные типы усвоили только язык этого расового типа, сохранив свои физические особенности.

Особенно много споров было вокруг вопроса о расовом типе так называемых праиндо-европейцев или праарийцев. Дело в том, что большинство языков населения Европы характеризуется известным сходством в грамматике и в словарном запасе. Обычно индо-европейские языки делят на следующие ветви: 1) германскую — с языками немецким, английским, голландским, датским, шведским, и норвежским; 2) романскую — с языками испанским, португальским, итальянским, французским и румынским; 3) славянскую — с языками русским, украинским, белорусским, польским, чешским, словацким, сербским и болгарским; 4) балтийскую — с языками латышским и литовским; 5) кельтскую — с языками шотландским, ирландским, кельтским и бретонским; 6) эллино-иллирийскую — с греческим и албанским; 7) армянскую; 8) иранскую и 9) индийскую.¹ Все эти языки, согласно господствующему в капиталистических странах учению о праязыках, получившему у нас название индо-европеизма, произошли от общего праиндо-европейского или праарийского языка.² Споры вокруг вопроса о том, какой был физический тип носителей и создателей этого праязыка, наполняют труды многих антропологов и лингвистов. Само же положение о том, что такой тип должен был существовать, почти ни у кого не возбуждало сомнения. Постановка вопроса достаточно ясна из нижеприведенных цитат, заимствованных у ряда западно-европейских антропологов и лингвистов.

Английский антрополог Тейлор³ писал: «Старое предположение филологов, что родство языка предполагает родство рас, было опровергнуто и отброшено окончательно антропологами» (стр. 5). Но дальше и насколько при этом не противореча вышесказанному он заключает: «Мы принуждены принять ту гипотезу, что одна из четырех неолитических рас должна быть отождествлена с первобытными арийцами и что эта раса, какая бы она ни была, передала арийский язык трем другим. Нам надо теперь исследовать по очереди права каждой из этих неолитических

¹ Перечислены только основные языки. Некоторые из них промежуточные: так английский, относимый к германской группе, имеет также сходство с романскими; румынский, относимый к романской группе, сходен со славянскими, и т. п.

² Термин „арийский“ обычно применялся только к азиатской ветви индо-европейских языков, т. е. к иранским и индийским, но некоторые английские и французские ученые сделали его синонимом термина „индо-европеец“. В фашистских германских кругах термины „арийский“ и „арийцы“ также получили широкое распространение.

³ Происхождение арийцев и доисторический человек. Русск. пер. М., 1897.

рас быть представительницей первоначального арийского корня». «Задача, предпринимаемая нами теперь, состоит в отыскании того, какая из неолитических рас имеет больше прав быть отождествленной с первобытными арийцами. Ясно, что распространение арийской крови далеко не параллельно с распространением арийского языка. Без сомнения, арийские языки распространились в обширных странах, занятых в настоящее время потоками не-арийских рас» (стр. 197).

Современные антропологи капиталистических стран в большинстве далеко не отказались от подобного подхода к данному вопросу. Один из авторов капитальной «Anthropologia suecica» Гуннар Экгольм¹ повторяет, в общем, то же самое: «Хотя современные народы, относящиеся к индо-европейской семье, представляют крайнее разнообразие (физических) признаков, мы должны на основании данных филологии признать существование коренного племени (original people), которое распространилось из одного центра и сильно смешивалось с коренными племенами других стран, но тем не менее сохранило некоторые расовые особенности и всего более свой язык».

Австрийский антрополог О. Рехе, поместивший, между прочим, ряд антропологических работ в «Reallexikon der Vorgeschichte», характеризуя ту или иную расу, перечисляет ее физические и обязательно духовные признаки. Отсюда и в вопросах о взаимоотношении расы и языка Рехе встал на недвусмысленную позицию.² Признавая расовую неоднородность народов, говорящих на близких языках, он переносит их связь в прошлое. «Некогда, — пишет Рехе, — раса и язык покрывали друг друга! Язык был, так сказать, одним из духовных свойств расы... И если в позднейшие времена расселение и смешение рас стерло эту первоначальную ясную картину, то основной вывод о духовных взаимоотношениях между расой и языком от этого не изменяется: язык представляет часть расового духа». (Разрядка автора).

В трудах Третьей сессии Международного института антропологии, имевшей место в Амстердаме в 1927 г., напечатан доклад французского антрополога и лингвиста (скорее, впрочем, дилетанта, чем ученого) Коттевьель-Жироде,³ в котором этот автор возражает против попыток отрицать всякую связь между языком и расой. Основой для этих возражений является тезис о том, что «раса — понятие не только анатомическое, но и психологическое, следовательно, социальное и лингвистическое, так как язык — социальное явление по преимуществу».

Резюмируем: все эти высказывания сводятся к тому, что каждая раса должна была создать свой язык, который вначале совпадал с ее морфологическими особенностями, а потом — после ряда смешений, влияний, завоеваний и заимствований, связь эта нарушилась.

Любопытно, что даже в тех случаях, когда тот или иной автор сомневался в наличии изначально существовавших связей между языком и расой, но оставался на позиции праязыковой теории, он не был в состоянии отказаться от расовой характеристики носителей этого праязыка. Так, например, О. Шрадер, считавший, что «не только весьма возможно, но и в высшей степени вероятно, что индо-европейский пранарод состоял из физически разнородных племен и элементов», несколькими

¹ G. Ekholm. The original home of the Indo-Europeans. В сб. The racial characters of the swedish nation. Uppsala, 1926.

² O. Reche. Rasse u. Sprache. Arch. f. Anthr. Bd. 18, H. 3/4, 1921.

³ Cottewielle-Giraudet. Race et langue. Inst. Int. d'Anthropologie. III ses. 4 Amsterdam. Paris, 1928.

строками ниже все же отмечает, что праиндо-европейцы «внешностью скорее были северяне, чем южане, т. е. скорее высокорослы, чем малорослы, светловолосы, тяжелее чернявые...».¹ Не менее показателен пример с украинским историком Грушевским, который видел несостоятельность попыток найти первичный индо-европейский тип и даже заключил было, что «чистого индо-европейского типа, быть-может, никогда не было вовсе, как не было, вероятно, и первичного славянского однородного типа».² Но сохранив понятие «пранарода» с его «пратодиной», этот автор не мог не сбиться на торную дорожку индо-европеизма. Так, считая праславянской культуру полей погребальных урн, распространенную на Украине, в Галлии и Силезии в первых веках нашей эры, Грушевский видит «в длинноголовом населении этих культурных остатков... представителей этого праславянства».³ По вопросу же о древнем населении он высказывает гипотезу о неславянском его происхождении, основываясь, между прочим, и на антропологических аргументах, сводящихся к тому, что «гористые альпийские местности являются областью наибольшей короткоголовости. Может быть, именно здесь, — пишет он, — выступает перед нами след старой расы, которая, будучи ассимилирована индо-европейцами, повлияла на их антропологический тип».⁴

Построения, подобные вышеприведенным, основываются, между прочим, на ряде наблюдений о заимствовании языка, не сопровождавшемся изменением физического типа. Классическим примером являются американские негры, заимствовавшие английский, испанский и французский языки и в основном сохранившие свой расовый тип. Подобный же процесс смены одного языка другим без сколько-нибудь значительных изменений в расовом составе наблюдался в Бретани, в Ирландии и в ряде других стран. В России подобное явление можно было проследить у мордовской национальности, местами полностью переходившей на русский язык и забывавшей мордовский, на Кавказе среди татов и лезгин, частично сменивших свои языки, и т. п. Базируясь на этих и им подобных наблюдениях, сторонники индо-европейской теории в антропологии и лингвистике обобщили их и превратили в один из основных законов развития языка, объясняя на этой основе все факты несовпадения в пространстве той или иной «языковой семьи», в частности индо-европейской, с тем типом, в котором они хотят видеть представителя «истинных арийцев». В выборе этого типа у буржуазных авторов далеко нет единодушия, хотя самый принцип, как уже сказано, не возбуждает у них сомнения. Основоположник антропосоциологии — Ваше-де-Ляпуж считал истинным арийцем высокорослого, долихоцефального блондина, представителя так называемой северной расы. Эта раса, обладающая по мнению Ляпужа, рядом психических свойств, обеспечивающих ей господство над остальными расами, передала им созданный ею язык, который эти «низшие» расы несколько видоизменили, сохранив все же его основные черты. Сторонников Ляпужа больше всего нашлось среди германских антропологов. Фашистские расовые теоретики, естественно, восприняли это положение, продолжая считать северную расу создателем и распространителем индо-европейских языков в Южную Европу и переднюю Азию. Ученые французской школы (Мортилье, Уйфальви) обыч-

¹ О. Шрадер. Индо-европейцы. СПб., 1912. (Цит. по рус. пер.).

² М. Грушевский. Киевская Русь, т. I, стр. 63 СПб. 1911.

³ Там же, стр. 86.

⁴ Там же, стр. 252, прим. 2.

по приписывали честь создания индо-европейского языка низкорослым брахикефальным бронедам, так называемой альпийской расе. Цитировавший выше Тейлор, отвергая возможность создания индо-европейского языка и северной, и альпийской, и средиземноморской (долихокефальные бронедамы) расами, считал его делом брахикефальных блондинов — расы, позднее получившей название восточно-европейской или балтийской. В последнее время польский антрополог Понятовский,¹ занутившись в противоречиях и разочаровавшись в возможности найти «настоящего арийца» среди существующих рас, тем не менее считает существование праарийского типа так же несомненным, как несомненно существование числового значения x в алгебраическом уравнении. Он и воссоздает этот x в форме, нигде реально не найденной, надеясь «праарийца» низким ростом, темной пигментацией, брахикефалией, широким лицом и широким носом. Так как при этом не приводится никаких конкретных данных, говорящих о реальном существовании этого типа ни в настоящее время, ни в ископаемом состоянии, то естественно, что опровергнуть его связь с «арийцами» невозможно. В этом сомнительном преимуществе способа «доказательства» заключается одна из характерных черт большинства положений индо-европеистов.

Нашей задачей является систематическое рассмотрение имеющегося в нашем распоряжении антропологического материала с целью выяснения вопроса о том, может ли какая-нибудь из рас рассматриваться в качестве создателя индо-европейских языков. Вопрос этот может быть поставлен в двух вариантах. Первый подразумевает причинную связь языка и расы. Язык, с этой точки зрения, есть проявление «расового духа», который другими расами может быть заимствован, но не создан. Эта точка зрения наиболее реакционного направления в антропологии, вплотную смыкающегося с фашистской идеологией и даже входящего в него как составная часть. Второй вариант более «академичен». Он не связан непосредственно с расизмом и, будучи взят в чистом виде, еще не может служить базой для расовой теории. Подобный подход к взаимоотношению расы и языка основан на признании тезиса о существовании праязыка и, следовательно, на значительно большей расовой однородности пранарода, чем его языковых дериватов. Иными словами: расовый тип праиндо-европейцев должен был существовать, но этот расовый тип, в других областях своего обитания, мог и никогда не говорить на индо-европейских языках. Фашистская концепция о «расовом духе» немислима без праязыковой теории, она включает ее полностью. Но праязыковая теория, взятая сама по себе, является только частью идеологической базы фашистской политики. Для своего полного воплощения эта теория нуждается еще в некоторых коррективах и дополнениях. На антропологическом материале теорию праязыка, причинно не связанного с расой, нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Но, во-первых, в такой академической формулировке эта теория мало где фигурирует, во-вторых, самый смысл ее существования заключается в том, что при ее помощи удается представить ряд существенных процессов социальной жизни как некую биологическую функцию, проявляющуюся в различной форме в зависимости от расовых свойств различных типов, в среде которых эти социальные явления совершаются.

Теория праязыка является, таким образом, удобным выходом из того неловкого положения, в которое попали теоретики расизма после при-

¹ Die Arier und die nordische Rasse. Inst. Int. d'Anthrop. III ses. à Amsterdam. Paris, 1928.

хода фашистов к власти. Практика, как известно, показала полное совпадение расовых свойств с политическими взглядами, которые, согласно расистой теории, тоже являются одним из проявлений «расового духа». Фашистские генетики поспешили объяснить этот неприятный для них факт расщеплением психических и физических свойств при смешении. Человек с альпийской внешностью может обладать «северной душой» и наоборот. Но расщеплению должно предшествовать сочетание признаков, в данном случае физических и психических свойств. И вот это сочетание отыскивается у праародов, у которых расовый тип «совпадает» с языком и культурой, внешние признаки расы — с ее функцией. Отсюда происходит упор фашизма на «доисторию» в германских школах, отсюда поворот одного из основных теоретиков расизма Г. Гюнтера от исследования рас современной Европы к древним расам Азии, где он ищет совпадений в цвете глаз и форме носа с теми или иными культурными достижениями различных азиатских народов. На приложенной к его книге карте одна из стрелок, показывающих азиатские миграции северной расы, ведет в Японию, а на одном из рисунков изображены японский самурай и немец, у которых Гюнтер усматривает нечто общее, несмотря на им же признаваемые коренные различия.

«Праязык», не являющийся расовым свойством, — это фикция, растение, лишенное почвы. Являясь, как мы отмечали выше, идеологической базой расизма, праязыковая теория обращена стремлением к биологизации процесса языковтвора, являющегося в действительности продуктом общественной жизни. Это стремление к биологизации появилось у идеологов эксплуататорских классов задолго до расизма в его современной форме.

Рассмотрение лингвистических аргументов за и против теории праязыка не входит в нашу задачу, которая ограничивается критическим разбором творческой роли расы в процессе образования и развития языков.

Занимающая южные области распространения индо-европейцев средиземноморская раса, отличающаяся долихокефалией и темным цветом волос и глаз, редко кем выдвигается на роль «настоящего арийца». Ее наиболее классических представителей находят среди народов, говорящих на семитических и хамитических языках (арабы, берберы и пр.),¹ она хорошо выражена на черепах до-индоевропейского населения Греции² и Италии,³ она обнаружена, наконец, у племени тада или тиббу в восточном Судане, которые говорят на языке той же группы, что и негры бассейнов Сенегала и Нигера.

Темноволосые и темноглазые брахикефалы европеоидного типа фигурируют в роли кандидатов на настоящих «арийцев», на основании сопоставлений с физическим типом таджиков, живущих на Памире, т. е. в области, близкой к одной из предполагаемых «прародин» индо-европейцев. С этой теорией трудно увязать преобладание данного типа среди французских басков и у некоторых кавказских племен, говорящих на языках, предшествовавших распространению индо-европейцев. Поэтому и данная теория имеет в настоящее время мало защитников.

¹ См., напр., C. S. Coon. Tribes of the Rif Harvard African Studies, vol. 9, 1931.

² C. M. Fürst. Zur Anthropologie der prähistorischen Griechen in Argolis. Lunds Universitets Arsskrift. N. F. Avd. 2, Bd. 26, № 8, 1930.

³ V. Lebzelter. Rasse u. Volk in Südosteuropa. Mitt. d. Anthr. Ges. in Wien, Bd. 59, 1929.

Наиболее широко распространен взгляд на физический тип «праиндо-европейцев», лежащий в основе теоретических домыслов Г. Гюнтера и других идеологов германского расизма, признающих, как известно, право именоваться подлинно арийской только за северной расой. По этой теории Эллада и Рим, Иран и Индия обязаны своим языком и своей культурой вторжениям северной расы. Для доказательства этого положения в иконографии, в легендах, в литературных памятниках древних культур южной Европы и передней Азии тщательно отыскиваются упоминания о светлых глазах, высоком росте и даже о красоте тех или иных исторических личностей или мифических героев народного эпоса. Красота в сочетании со светлоглазостью является, по Гюнтеру, несомненным показателем «северной крови», так как Балтийская раса, хотя и светлоглаза, но имеет отвратительную (*hässliche*) внешность (!).¹ В современном населении тех стран, где расисты хотят видеть действие северной расы, отмечаются все случаи светлоглазости, высокого роста, прямого выступающего носа и других физических признаков, приписываемых «настоящим арийцам». Нельзя не отметить, что, будучи взятыми порознь, эти признаки встречаются в том или ином проценте почти по всей Евразии, притом как среди народов индо-европейских, так и среди не индо-европейцев. Если бы индо-европейские языки распространялись только северной расой, то вполне естественно было бы ожидать, что там, где северная раса сохранила свой язык, она должна была бы лучше сохранить и свой расовый тип и наоборот. Однако мы совершенно не наблюдаем подобного явления. Так, например, на Кавказе у индо-европейцев — курдов, по наблюдениям А. И. Ярхо (на 193 случае), светлых глаз не отмечено вовсе, а темных (без малейшей примеси зеленого или серого) — 55%. У грузинских евреев, исследованных автором данной статьи, по той же методике было на 80 наблюдений 7.5% светлых и только 44% темных глаз. У армян, которые по языку хотя и индо-европейцы, но сохранили гораздо больше яфетических элементов, чем курды, на 595 наблюдений обнаружено только 32% темных глаз и 2.5% светлых (Ярхо). У брахикефалов, таким образом, гораздо меньше темных глаз, чем у долихокефалов-курдов. Кстати, эти наблюдения ставят под большое сомнение и отнесение к северному типу долихокефалов из погребений железного века в Армении, на которых Гюнтер также обосновывал свои заключения о вторжениях в Закавказье северян. На Северном Кавказе у ингушей (не индо-европейцев) на 701 наблюдение оказалось 37.9% темных глаз и 11.4% светлых, у индо-европейцев — осетин первых имелось 33.4%, вторых — 8.8% (Бунак). Индо-европейцы — осетины имеют головной указатель 84 (Бунак), не индо-европейские же черкесские группы населения Кубани и Причерноморья — от 79 до 81.² Таким образом, на Кавказе долихокефалия и склонность к светлоглазости, во-первых, не связаны между собой, во-вторых, встречаются у народов самых различных языковых систем без особой их концентрации у индо-европейцев. В некоторых случаях склонность к долихокефалии и светлоглазости, правда, совпадают, но это отмечено как у индо-европейцев — талышей³ (горные по сравнению

¹ Die nordische Rasse bei den Indogermanen Asiens. München, 1934.

² В. И. Левин. Этно-географическое распределение некоторых расовых признаков у населения Северного Кавказа. Антр. журн., № 2, 1932.

³ Н. И. Ансеров. Талыши. Баку, 1932. Кстати, склонность к светлоглазости и длинноголовости отмечается у талышей там, где они больше всего подвержены турецкому влиянию.

с равнинными), так и у не индо-европейских грузин¹ (западные по сравнению с восточными).

Так же обстоит дело и в Средней Азии. Индо-европейцы — таджики имеют, по Ярхо,² 65% темных глаз и 2% светлых. Узбеки Ангрена — 59% темных и 2% светлых. Долихоцефалия в Средней Азии сосредоточена у туркмен, но они и не индо-европейцы и отнюдь не наиболее светлоглазы. В северной Африке разными исследователями отмечены группы «белокурых кабил» — берберского племени, говорящего на хамитическом языке, т. е. не имеющих с индо-европейцами ничего общего. В этой группе некоторые расовики хотели видеть потомков германского племени вандалов, торгнувших в северную Африку в V в. нашей эры. Но еще Брока, как известно, указал на известия греческого путешественника Скилакса, который за тысячу лет до сомнительного вторжения вандалов отметил светлый цвет волос и глаз у населения этих областей. Но, допустим, что наличие в Африке «белокурых кабил» является следствием древнего вторжения в эту страну северной расы. Тогда почему представители этой расы утеряли в этих местах полностью свой язык и сохранили в какой-то мере некоторые физические признаки северян, в то время, как, например, в современном населении Греции или Ирана, говорящем на индо-европейских языках, следы северного типа стерлись почти полностью? В северной Шотландии, как отмечает Понятовский,³ не меньше долихоцефальных высокорослых блондинов, чем во многих областях Скандинавии. Но эта область индо-европеизирована сравнительно недавно, и еще на памяти истории ее обитатели говорили не на кельтском (т. е. индо-европейском), а на пиктском языке, близком к языку басков, в котором все лингвисты видят остаток древнего доиндо-европейского языка. Северные шотландцы, как сравнительно недавно индо-европеизированная группа, должны бы быть «арийцами лишь по языку, а не по типу», но тип этот как раз выражен у них в отношении чистой форме. Никто не сомневается в большом проценте северной расы у финнов. Этот факт не может не признать и Гюнтер, но именно в этом он видит причину некоторого сходства финских языков с индо-европейскими.⁴ Но почему весьма высокий процент северного типа у финнов вызвал в их языке только некоторое сходство с индо-европейским, а гораздо меньший, по существу неуловимый и скорее предполагаемый процент северного типа у иранцев и индусов сделал их настоящими «арийцами» по языку? Неопубликованные пока данные Института антропологии о мордвях-эрзе и русских б. Лукояновского уезда Нижегородской губернии показывают, что тип северной расы представлен у мордвы в более резко выраженной форме, чем у русских (табл. 1), в то время как никто не станет сомневаться в том, что язык русских гораздо более индо-европейский, чем мордовский, в котором может быть можно отметить некоторые индо-европейские черты, но в общем он все же к числу индо-европейских языков безусловно не относится. Указанный тип эрзи фигурирует у Эйкштедта⁵ под именем финн-ордического. В его тесных родственных связях с собственно северным типом Эйкштедт

¹ И. И. Пантюхов. Антропологические наблюдения на Кавказе. Тифлис, 1893.

² А. И. Ярхо. Антропологический состав турецких народностей Средней Азии. Антр. журн., № 3, 1933.

³ Op. cit.

⁴ Rassenkunde des deutschen Volkes. S. 324. München, 1926.

⁵ E. von Eickstedt. Rassenkunde und Rassengeschichte der Menschheit. Stuttgart, 1934.

не сомневается. Таким образом, оказываясь, что в ряде областей северная раса не проявила своего «расового духа», не создала индо-европейского языка, даже не сохранила его, в то время как сохранились физические черты северной расы почти в чистом виде.

Таблица 1

Признаки	Эрза с. Пичиангуци	Русские соседних сел
Число наблюдений	108	224
Рост	167.2	166.5
Головной указатель	78.8	82.3
Лицевой	91.6	89.5
Процент светлых глаз	59.5	47.0
" темных глаз	4.5	6.0

Совершенно так же, как и с индо-европейцами обстоит дело с представителями других языковых систем. Работами акад. Н. Я. Марра установлено, что большинство кавказских языков (грузинский, абхазский, черкесский, чеченский, лезгинский), язык басков, живущих в западных Пиренеях на южном (испанском) и северном (французском) их склонах, язык этрусков (древнего населения Италии), пелаггов (древнего населения Греции) и вершиков на Памире могут быть объединены в одну группу, названную Марром яфетической.¹ Открытие Марра было принято и западно-европейскими лингвистами, но в то время как сам Марр вскоре стал объяснять смену яфетических языков индо-европейскими факторами социального порядка, вызвавшими коренное изменение строя речи, — западно-европейские лингвисты продолжают видеть в яфетиках особую расу, покоренную откуда-то пришедшими индо-европейцами и воспринявшую их язык. Так же как по вопросу об индо-европейцах, «настоящий» яфетический (или алародийский) тип видели то в той, то в другой расе. Некоторые² хотели видеть расовых представителей алародийцев (яфетидов) в арменоидной или переднеазиатской расе (короткоголовый, темноглазый и темноволосяный тип, распространенный на Кавказе, в Сирии и в Малой Азии). Оценивая эту точку зрения, нельзя не отметить, что в настоящее время этот тип в наиболее чистой форме встречается, во-первых, у армян, т. е. народности, говорящей на языке, переходном от яфетического к индо-европейскому, во-вторых, у талышей³ — по языку вполне иранцев, в-третьих, повидимому, у айсоров, т. е. семитов. А, например, грузины, которые в лингвистическом смысле являются настоящими яфетидами и не несут в языке никаких существенных следов воздействия индо-европейцев, антропологически представляют собой арменоидный тип в менее резко выраженной форме, а в западных областях своего расселения даже включают в свой состав, как указано выше, длинноголовый элемент.⁴ На Северном Кавказе, у западных черкесов, тоже яфетидов по языку, длинноголовый тип, замечающийся у западных грузин, проявляется уже в гораздо более ясном

¹ Н. Я. Марр. Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в создании средиземноморской культуры. Лейпциг, 1920.

² В частности J. Szekano wski. Wstep do historii slowian. Lwów, 1934.

³ Н. И. Ансеров. Талыши. Баку, 1932.

⁴ А. Н. Джавахов. Антропология Грузии. II. Грузины Имерети, Гурии и Рачи. Тр. антроп. отд. т. 29, 1914.

виде.¹ Наконец, по неопубликованным данным Н. И. Ансорова, длинноголовость проявляется у лезгинского племени будугдзев, в то время как соседящие с ними таты хотя и иранцы по языку, но в этих районах характеризуются брахикефалией. Точно так же и иранцы Северного Кавказа — осетины более брахикефальны, чем яфетиды-черкесы. Таким образом среди восточных (кавказских) яфетидов встречаются представители как средиземноморского, так и арменоидного типов, притом в таком соотношении, что, не впадая в совершенно неразрешимые противоречия, распределить эти типы по языковым системам (хотя бы и в прошлом) совершенно немыслимо. По отношению к яфетидам, в частности этрускам, большинство исследователей считает «настоящим» их типом средиземноморский.² Но тогда приходится, во-первых, считать их иного расового происхождения, чем многих кавказских яфетидов (а языковая их близость все же неоспорима), во-вторых, и на западе имеется брахикефальная группа яфетидов в лице французских басков. Считать их «баскизированными» французами невозможно, так как и сейчас и в прошлом баскский язык неизменно отступал перед французским. Сделавший же обратное предположение (о том, что брахикефальные французские баски являются «настоящими») немедленно попадает в аналогичное затруднение с басками испанскими, которые значительно более длинноголовы, также как и соседние с ними испанцы. Между тем в Испании границы баскского языка сужаются как и во Франции, и о «баскизированных» испанцах также говорить не приходится. Следовательно, какую бы расу мы ни избрали в качестве творца яфетических языков, всегда оказывается, что этот тип в не менее, а то и в более чистой форме встречается также у соседних индо-европейских племен. Кроме того, признав «настоящими» яфетидами средиземноморцев, неизвестно, что делать с яфетическими по языку арменоидами и наоборот, так как для них не остается в таком случае «свободного» языка.

На северо-востоке Европы и северо-западе Азии ряд групп лингвистически объединяется в уральскую семью, которая делится на две ветви — самоедскую и финно-угорскую. Последняя, в свою очередь, делится на финнов и угров. Финскими языками являются: собственно финский (близко к нему примыкают карельский, вепский, ижорский и др.), эстонский, мордовские, марийский, удмуртский, коми (зырян и пермяков) и, наконец, лопарский. К уграм относятся, во-первых, остяки и вогулы, во-вторых, мадьяры (венгры). В расовом отношении народности уральской системы еще более разнородны, чем индо-европейцы. Самоеды относятся к числу брахикефальных монголоидных рас. У остяков и вогулов преобладает долихокефальный тип с некоторыми чертами, приближающими его к европеоидам. У мари европеоидные черты уже преобладают, а у мордвы и у западных финнов (кроме лопарей) вообще нет никаких монголоидных признаков. Они характеризуются светлым цветом волос и глаз. По головному указателю преобладают брахикефалы (балтийская раса), но, как уже указано, имеются и долихокефальные группы, приближающиеся к северному типу. Лопари образуют особую своеобразную брахикефальную расу, характеризующуюся смешением монголоидных и европеоидных черт и некоторыми специфическими признаками (короткое лицо, вогнутый нос). Сторонники изначального

¹ В. И. Левин. Этно-географическое распределение некоторых расовых признаков у народов Северного Кавказа. *Литр. журн.* № 2, 1936.

² S. Lebzelter. Rasse u. Volk in Südosteuropa. *Mitt. d. Anthr. Ges. in Wien.* Bd. 59, 1936.

единства расы и языка неоднократно высказывались по вопросу о физическом типе носителей финно-угорского «праязыка». Раньше финно-угров вместе с самоедами сближали по языку с турками, монголами и тунгусами. Все эти группы объединялись в урало-алтайское языковое семейство. В виду того, что большая часть этих народов живет в Азии, характерным урало-алтайским типом считали монгольский. До последнего времени на школьных этнографических картах Европы финнов, венгров и эстонцев объединяют в группу «монгольского племени» вместе с калмыками. В специальных научных трудах эта точка зрения на монголоидное происхождение финнов выглядит менее примитивно. Так, например, Пик¹ не может не признать, что подавляющее большинство финнов Финляндии относится к числу европеоидов, но тем не менее устанавливая известную корреляцию между долихокефалией, наибольшей светловолосостью и светлоглазостью, с одной стороны, и распространением шведского языка, с другой, он, привлекая тип лопарей, устанавливает, что короткоголовый, темный монголоидный тип был первоначальной основой «протофиннов». Но уже в ближайшем соседстве с Финляндией нам удалось собрать материал, противоречащий этой точке зрения.² На табл. 2 дано распределение темных и светлых волос среди велсов и русских двух соседних районов Ленинградской области.

Таблица 2

Признаки	Вепсы	Русские
Число наблюдений	235	217
Процент светлых (13—25)	21.2	10.6
„ темных (4—8)	38.8	54.9

По данным Ауля,³ эсты в округе Лаане также более светловолосы и светлоглазы, чем живущие в Эстонии шведы (табл. 3).

Таблица 3

Признаки	Эсты	Шведы	
Число наблюдений	1 159	98	
Цвет волос {	Процент белокурых и светлорусых	50.4	34.7
	„ темнорусых и черных	26.8	48.0
Цвет глаз {	Процент светлых	80.6	81.6
	„ темных	6.1	10.2

¹ H. Peake. The Finnic question a. some baltic problem. Journ. of the Royal Anthr. Inst. t. 49, 1919.

² Р. Ф. Дебец. Вепсы (рукопись).

³ Juhon Aul. Läänemaa antropoloogiline ülevaade. Acta Instituti et Musei Zoologici Universitatis Tartuensis № 21, Tartu 1937.

Здесь русские и шведы, правда, немного более длинноголовы, чем венгры и эсты (разница 0.7 для русских и 0.9 для шведов), но выше мы указывали (стр. 112), что в других районах Финны (мордва-эрзя) и светлее и длинноголовее и высокорослее русских.

Теория многолоидной основы протофиннов настолько не согласуется с фактами, что она находит себе мало защитников, тем более, что для некоторых кругов финской буржуазии, ориентирующихся на германский фашизм, удобнее приписывать финнам европейское или даже северо-европейское происхождение. Большинство, в том числе Гюнтер, считают, однако, что протофинны были хотя и светлого типа, но не долихо-, а брахикефальны, т. е. относились к балтийской расе. Доказательства в пользу этой точки зрения были особенно подробно развиты Паудлером.¹ Он считает, что финские языки занимают промежуточное место между урало-алтайскими и индо-европейскими. Поэтому в антропологическом отношении финский пранарод должен представлять собой смешение признаков, характерных для тех рас, которые соответствуют данным языковым группам, т. е. северной европеоидной и центральноазиатской монголоидной. Таким типом Паудлер считает балтийскую расу. Само собой разумеется, что этот сторонник взгляда на северную расу как на «настоящую» индо-европейскую считает ее в этом процессе смешения элементом активным и внедряющимся, а урало-алтайский тип — пассивным и воспринимающим. Паудлер сам понимает, что его гибридационная теория противоречит фактам, так как по пигментации балтийская раса не темнее северной. Между тем на основании данных генетики о наследовании светлой окраски следовало бы ожидать обратного, т. е. приближения метисов к темному типу, так как и светлые глаза и светлые волосы являются рецессивными по отношению к темным. Паудлер обходит это скользкое место замечанием, что наследование окраски в помесях между северной и центральноазиатской расой не изучено. Однако те материалы, которые со времени появления статьи Паудлера были собраны и частью опубликованы, показывают, что и в этом случае характер наследования окраски не является исключением из общего правила. Шведы и норвежцы на севере Скандинавии в областях метизации их с лопарями заметно темнее, о чем убедительно говорят массовые исследования скандинавских антропологов.² То же отмечено и для русских Кольского полуострова³ и, наконец, для русско-алтайских метисов, изученных А. И. Ярхо,⁴ которые даже при 75% русской крови имеют вдвое больше темных глаз, чем русские. В отношении цвета волос преобладание темной окраски еще резче: у русских светлых волос (светлее № 12) — 21%, а у метисов с $\frac{1}{4}$ туземной крови — всего 3%. Наконец, балтийская раса, даже в наиболее характерном ее варианте (т. е. ниже среднего роста с коротким лицом и вогнутым носом), встречается и в таких областях, где финнов никогда не было (напр., на Волыни)⁵. Если же принять во внимание только цветность и головной указатель, то область распространения этой расы расширится до Атлантического океана.

¹ F. Paudler. Die hellfarbigen Rassen u. ihre Sprachstämme, Kulturen u. Urheimaten. Heidelberg 1924.

² Lundberg u. Linders. Antropologia succica. Uppsala 1926. Bryn H. u. Schreiner K. Die Somatologie der Norweger. Oslo 1929.

³ Д. А. Золотарев. Кольские лопари. Л. 1928.

⁴ А. И. Ярхо. Пигментация волос, глаз и кожи у народностей Алтае-Саян-нагорья. Руск. антр. журн., т. 17. в. 34, 1929.

⁵ Bösch. Beiträge zur Anthropologie der ukrainischen Wolhynier. Mitt. d. anthr. Ges. in Wien, Bd. 55-56, 1925—26.

Таким образом и «финская», или «финно-угорская» раса является философским камнем для буржуазной антропологии.

Данные антропологии, бегло просмотренные нами по отношению к трем системам, показывают, что каждая из них формировалась на разнородной в расовом отношении среде, что не только в настоящее время, но и в самом процессе образования языковой системы она не была связана с одной определенной расой и тем более никакие расовые особенности на формирование этих языков влияния не оказывали. Данные антропологии оказались в полном соответствии с новым учением о языке Н. Я. Марра, рассматривающим так называемое родство языков как социальное схождение. Праязыковая теория не только не содействует осмыслению проблем связи между расой и языком, но, наоборот, затуманивает их и заставляет прибегать либо к замалчиванию отдельных фактов, либо, в лучшем случае, к совершенно беспочвенным гипотезам и построениям.

Конечно, формирование каждой языковой системы происходило на определенной, хотя бы и очень обширной территории. Поэтому ясно, что процентное соотношение различных рас было различным на территории образования, например, индо-европейских и финно-угорских языков. Многие расы в области формирования той или иной языковой системы и вовсе не были представлены. Такая коррелятивная, т. е. случайная связь языковой системы с определенными расовыми типами, как частный случай даже с одним типом, не подлежит сомнению. Связь эта могла сохраниться, разумеется в той или иной степени, и при последующих переселениях того или иного народа. Поэтому бурята от русского в Забайкалье или англичанина от кафра в Южной Африке можно без труда отличить по их расовым особенностям, хотя и русские и буряты и англичане и кафры — группы не расовые, а этнические.

Чем меньше область формирования языка, тем, естественно, меньше, в общем было разнообразие расовых типов, живших в этой области. Поэтому, если взять не языковую систему в целом, а отдельный язык, то вероятность известной однородности расового состава его первоначальных носителей становится большей. Так, армянский язык формировался в области, занятой, если не исключительно, то преимущественно переднеазиатской расой. Но ни с праязыковой теорией, ни, тем более, с концепцией о языке, как форме проявления «расового духа», эти факты ничего общего не имеют, так как они, во-первых, не являются правилом, во-вторых, остается факт полного несоответствия родства языков, хотя бы и взятых в древнейшей области их формирования, с родством рас.

Европейский расизм во всех его модификациях выдвигает в качестве одного из социальных факторов «еврейскую расу». Здесь об общности языка евреев говорить не приходится. В одном СССР евреи считают своим родным языком идиш (немецкий — в основе), русский, татарский, иранский и грузинский. Древнееврейский язык сохранился в качестве непонятого народным массам языка культа, но общий церковный язык совсем не говорит за общность происхождения (ср. латинский у католиков). В лингвистическом и этнографическом смысле евреи, таким образом, не образуют никакого единства.

Что касается расы, то и в этом отношении евреи не только не представляют собой чего-то единого, но даже не имеют в своем составе общей для всех групп расы, несмотря на то, что таковую тщательно пытаются установить как фашисты, так и сионисты — идеологи еврей-

ской буржуазии.¹ Твердо установлено, что у евреев Северной Африки преобладает средиземноморский элемент и в расовом отношении они ближе к испанцам, чем к евреям Кавказа или Польши. Кавказские евреи ближе по своему расовому типу к брахикефальным кавказским народам афетических, индо-европейских и турецких языков, чем к евреям Западной Европы. Последние, правда, имеют в своем составе гораздо большее количество представителей переднеазиатского типа, чем те народности, среди которых они обитают. Но здесь мы имеем пример выше отмеченной коррелятивной связи, не больше. В конечном счете евреи в такой же степени «раса», как например, последователи конфуцианства, католицизма или магометанства и т. д.

Параллелизация расовых делений с социальными проводится не только по линии языка. «Дух расы» отыскивается во всех областях человеческой деятельности, в социальном строе, в материальной культуре, в искусстве и даже в экономике. «Культурные круги», на которые господствующее в буржуазной этнографии направление делит человечество,² также отождествляются с расами, если не в настоящем, то, как и по отношению к языкам, по крайней мере в прошлом. Но если в классификации языков буржуазные лингвисты и основываются на каких-то с виду объективных данных, то культурные круги представляют собой совершенно спекулятивные построения, которым тем не менее приписываются особые расовые черты. Вожди этой школы, называющей себя «культурно-исторической», патеры Шмидт и Копперс³ выделяют, например, арктические народы в особый культурный круг, притом весьма древний, характеризующийся монотеизмом (который, согласно Шмидту, является древнейшей формой религии).

Антропологические данные подтверждают связь народностей арктического круга: лопари, айну и эскимосы низкорослы! Трудно представить себе большее жонглирование с основами антропологической систематики. Расы, различающиеся по пигментации, по форме волос, по развитию волосяного покрова, одним словом, по всем основным антропологическим данным, сближаются между собой на основании только одного роста, признака, безусловно трехстепенного. Почему только малые величины роста служат для выделения особой расы? Идя таким путем, мы логически должны выделить и высокорослую расу, в которую должны войти шотландцы, негры динка и патагонцы!

В целую систему привел соотношение рас с культурными кругами польский антрополог Понятовский.⁴ Характерными представителями экзогамно-моногамной монотеистической культуры он считает не столько пигмеев, как Шмидт, сколько бушменов и... лопарей. Понятовский даже приводит список признаков этой бушменско-лопарской «расы». Характеристика, данная им, относится скорее к бушменам, хотя «сильно волнистые, но не курчавые волосы» вообще не встречаются ни у бушменов, ни у лопарей, которые резко между собой различаются по этому признаку первостепенной таксономической важности. Культуре бумеранга по Понятовскому соответствует «австралийско-неандертальский» тип. Его не смущают отрицательные, в общем, результаты сравнения между обоими этими типами. Современные австралийцы представляют собой,

¹ См., напр., И. Цольпан. Расовая проблема, М., 1914.

² См. Статью С. П. Толстова в этом же сборнике.

³ W. Schmidt u. W. Koppers. Völker u. Kulturen. Wien, 1925.

⁴ Poniaowski. La classification des races humaines par la methode historique en ethnologie. Inst. Int. d'Anthropologie II ses. à Prague. Paris, 1926.

по его мнению, смесь четырех типов, а поэтому гипотетический исходный компонент оказывается возможным наделять любыми свойствами. Патриархально-тотемистической культуре соответствует тип, который вообще теперь почти не существует, вследствие характерной для данной культуры экзогамии и охотничьего образа жизни. В ископаемом состоянии он тоже неизвестен, так как этой культуре свойственны погребения на помостах. Выше мы указывали (стр. 109), что совершенно таким же «методом» в другой работе Понятовский сконструировал праиндо-европейский тип. В средние века подобным путем создавали расы с лицом на груди, расы однопогих, одноглазых и т. п. Но это было по крайней мере занятию, а у Понятовского не более убедительно, но гораздо более скучно. Такими же способами Понятовский конструирует еще несколько расово-этнографических параллелей, но мы не будем на них останавливаться.

В руководящем органе германских расистов некий Керн¹ на основании подобных параллелей предлагает даже особый ретроспективно-этнологический метод расового анализа. Так как чистые культуры в исходном виде соответствовали, по Керну, чистым расам, то выделив вошедшие в состав данной группы культуры, мы тем самым получаем указание и на составившие ее расы.

Аналогичные построения делаются и по отношению к ископаемым культурам. Культуры ладьевидного топора, ленточной керамики, мегалитов, «кухонных куч», свайных построек — все они создавались особыми расами, поиски которых составляют основную задачу буржуазной палеоантропологии. Идеологу германского фашизма — Гюнтеру, целиком воспринявшему эти построения, достаточно указания на крашеную керамику в неолите и бронзовом периоде Китая, чтобы установить там присутствие индо-европейцев и, следовательно, северной расы.² О черепаках, найденных вместе с этой керамикой, Гюнтер умалчивает. Между тем Д. Блэк, исследовавший их в довольно большом количестве, ясно установил их тесное сходство с китайцами.³ Такого же типа крашеная керамика из Туркмении (Анау) найдена вместе с черепами, которые Серджи,⁴ опираясь на ряд доказательств, диагностировал как средиземноморские.

Вообще по отношению к древним культурам, для которых антропологические материалы исчисляются в лучшем случае десятками, а чаще единицами фрагментарных черепов, всевозможные «связи» устанавливать гораздо легче, а показать их несостоятельность, принимая во внимание отсутствие доказательств, естественно, труднее. Все же и в этой области сторонникам влияния расового фактора на историю приходится прибегать к построениям, по меньшей мере, натянутым и надуманным, а часто и заведомо ложным. Так, например, Фюрсту потребовалось найти в древней Греции представителей принесшей туда культуру северной расы. Дело идет о доэллинской Греции. Но и крито-микенской культуре поклонники северной расы отказывают в средиземноморском или ином ее происхождении. В серии позднеэллиадского времени (конец бронзового

¹ F. Kern. Die Rassen in der Vorgeschichte. Arch. für Rassen- u. Gesellschaftsbiologie. Bd 22, H. 2, 1929.

² Die nordische Rasse bei den Indogermanen Asiens.

³ D. Black. A Kansu a. aeneolithic Skulls. Palaeontologia Sinica. Ser. D., vol. 6, f. 1, 1928.

⁴ G. Sergi. Description of some skulls from the North Kurgan Anan In. Pumpelly Explorations in Turkestan. Washington, 1908.

периода) из Арголиты¹ два черепа найдены в «царских» гробницах. Женский череп никак нельзя считать северным, но это ничего не значит — жены могли происходить из местного населения. Но у мужского черепа нос оказался несколько уже, чем у остальных черепов этого времени. Этого достаточно, чтобы объявить его северным, хотя никакими другими особенностями данный череп не выделяется. Лоб у него явно прямой, надбровье развито не сильнее, чем у других черепов, хотя сам же Фюрст считает покатым лоб и сильно развитое надбровье характерными краниологическими особенностями северного типа. Рост по дневнику раскопок отмечен «очень малый». Неважно! В те времена северная раса могла не быть высокорослой. Важны не факты, а «дух», который хоть чем-нибудь надо обосновать!

Другой мужской череп (Асина № 4) не из «царского» погребения Фюрст также считает северным. Он очень широколицый и широконосый, но на этот раз для фюрстовской диагностики служит форма лба и надбровья. Даже самый факт единичности случаев обнаружения «северных черепов» расценивается Фюрстом как доказательство правоты его теории. Все сводится к тому, что речь идет о пришлых завоевателях. Но среди преобладающего средиземноморского типа встречаются также единичные арменоидные черепа. Они, однако, не являются завоевателями. Это торговцы. Почему? Да потому, что этот тип, по мнению расистов, всегда отличался склонностью к торговле. Отсюда Фюрст делает заключение, что психические черты расы так же стойки, как и физические. Восстанавливая ход рассуждений, получаем следующий силлогизм:

1) Арменоидные черепа принадлежат торговцам, потому что арменоиды в большинстве торговцы и теперь.

2) Так как арменоиды были торговцами и в микенское время и теперь, то, следовательно, психика рас устойчивый признак.²

Повидимому, таким же путем устанавливается и принадлежность черепов «северной» расы завоевателям.

Не менее показателен пример с той же северной расой в Закавказье. Ученик Я. Чекановского³ Р. Ендик устанавливает в населении железного периода Армении 50,9% северного типа, 38,5% средиземноморского, 7,6% лапоноидного, 3,6% арменоидного. Не будем останавливаться на методах, какими получено подобное распределение. Наличие северной расы является, по автору, доказательством переселения индо-европейцев.⁴ Почему? Потому что иначе нельзя объяснить такой высокий процент представителей этого типа в Закавказье. Но так как северный тип составляет все же только 50%, то, следовательно, к нему примешались по дороге другие типы. А раз так, то, следовательно, на прародине индо-европейцев процент северной расы был еще выше. На этом базируется связанность индо-европейских языков с северным типом. Северяне, по

¹ C. M. Fürst. Zur Anthropologie der prähistorischen Griechen in Argolis. Lunds Universitets Årsskrift, N. F. Avd. 2. Bd 26, № 8, 1930.

² Фюрст, конечно, ничего не упоминает о происшедших резких сдвигах в Советском Союзе. Как известно, здесь армяне превратились из «расы торговцев» (как и евреи и другие народности) в трудящихся, строителей социализма. Сомнительно, чтобы сам Фюрст или его единомышленники вздумали заняться проверкой возможных изменений в головном указателе армян, не рискуя очутиться в крайне смешном положении. — *Прим. ред.*

³ Об идеологии и методах Чекановского см. статью мою и М. В. Игнатьева в этом же сборнике.

⁴ Выше мы указывали, что на этих же черепках базируется Гюнтер.

Ендикю, мигрируют по заранее обдуманному плану. А вот 8% лапоноидов затесались сюда случайно, без всякого плана. Поэтому они никак не помещаются в систему и — нишет он — «никаких закономерностей в отношении лапоноидного типа мы отметить не можем». Лапоноиды болтались по Европе, что называется, без всякого толка, их переселили «не доводящих до последовательного конца, не имели никаких высших целей». Повидимому, индо-европейцы, по мнению автора, за полторы тысячи лет до нашей эры твердо наметили себе путь из Прибалтики в Закавказье! Поэтому их связи с расой так закономерны (!), а анархические лапоноиды все свои связи растеряли без остатка.¹

Нельзя, впрочем, не отметить, что точка зрения на единство расы и культуры в настоящем или прошлом не является безраздельно господствующей среди всех ученых капиталистических стран. Многие ограничиваются по этому поводу осторожным молчанием. Иногда раздаются и протесты. В 1900 г. С. Рейнак опубликовал в «*l'Anthropologie*» полученное им письмо некоего Аве, который решительно заявлял: «раса и язык совершенно различные понятия, между которыми ни на один момент нельзя допустить ни тени сближения; обсуждение вопросов антропологии ни под каким видом не должно содержать ни одного слова, касающегося лингвистики и наоборот». Это — явный крик отчаяния, пытающийся прекратить всякие попытки связи между двумя областями знания. Все же подобная связь может быть в некоторых случаях полезной для познания известных фактов, как полезна бывает вообще связь между различными областями знания. Но, конечно, должна быть заранее отброшена предвзятая мысль о «расовом духе» и его отражении — теории праязыков. Аве не увидел путей для установления возможной плодотворной координации двух наук — лингвистики и антропологии и, естественно, впал в крайность.

Аве, конечно, не одинок. Часто приходится встречать подобные же высказывания либералов, которые не идут, однако, дальше вполне правильных указаний на неидентичность расы и нации. Но значит ли, что этим они полностью опровергают расистов? Далеко не всегда это так. Характерно, что на суперобложке одного из последних изданий книги Гюнтера «*Rassenkunde des deutschen Volkes*» мы видим изображение шести рас, входящих в состав германской нации. Все же многие, например, Реньо,² считают, что корень расизма лежит в смешении понятий расы и нации, и призывает понять, что овернцы в расовом отношении отстоят дальше от провансальцев, чем от швабов. Все неприятные явления, связанные с расизмом, прекратились бы, если бы термин раса употреблялся только по отношению к группам, объединенным общностью анатомического строения. В общем расизм, по Реньо, представляет собой досадное заблуждение.

Приход германских фашистов к власти, широкая пропаганда теории и, главным образом, гнусная практика расизма вызвали справедливое возмущение среди многих ученых капиталистических стран, еще сохранивших стремление к объективности и не превратившихся в наемников крупного капитала. По интересующему нас вопросу о расе и языке мы имеем прекрасную статью Коппельмана,³ затрагивающую проблему в

¹ Р. Ендик. Черепи залізної доби. Збірн. мат. прир.-лік. секції Наук. тов. ім. Шевченка, т. 28, 29, Львів, 1930.

² F. Regnaud. La question des races devant l'anatomie et la linguistique. Inst. d'Anthropologie, III ses. Amsterdam, Paris, 1928.

³ H. L. Koppelman. Rasse u. Sprache. Internationaler Archiv für Ethnographie. Bd. 32, № 3—4, 1934.

несколько другой плоскости, чем в данной статье. Неоднократно упоминаемый нами Г. Гюнтер в вопросе о связи расы и языка указывает, между прочим, на расовое смешение как на причину образования фонетических и грамматических различий в пределах одного языкового семейства. Также уже цитированный Паудлер рассматривает, например, лопарский язык как язык финнов-суоми в произношении центральноазиатской расы. Коппельман показывает, что одинаковые грамматические формы не стоят ни в какой связи с расой. По Шмидту, грамматический род связан с областью распространения европеоидов. Однако он существует и у енисейцев (кетов) и у чиндуков в северо-западной Америке. Финны, венгры, баски, будучи вполне европеоидами, не знают грамматического рода. В отношении фонетики аналогичный пример с применением тональностей, встречающихся у китайцев (и отсутствующих у других монголоидов), у негров эве, отчасти также у шведов. «Расовый дух» не проявляется, таким образом, и в этих сторонах языка. Наконец, Коппельман обращает внимание и на то, что по языку нет никаких оснований считать первобытные племена духовно менее ценными, чем европейцев. Статья Коппельмана является еще одним ударом по расизму. Конечно не следует обольщаться себя надеждой на то, что критика и приводимые ею научные факты способны образумить теоретиков расизма. Расовые «теории» будут и впредь существовать (и фабриковаться новые) до тех пор, пока не будет уничтожен общественный эксплуататорский строй, предъявляющий спрос на подобные «теории».

А. М. ЗОЛОТАРЕВ

РАСОВАЯ «ТЕОРИЯ» И ЭТНОГРАФИЯ

При оценке исторических и теоретических корней расовой «теории» небезинтересно выяснить, на какие фактические материалы она опирается и от каких общественно-философских и научных течений ведет свое происхождение. В частности, важно установить, как относится к расовой «теории», точнее говоря, к теории «высших» и «низших» рас этнология второй половины XIX века, т. е. этнология эпохи наибольшего прогресса буржуазной мысли. Воззрения представителей этой науки на расовый вопрос представляют особый интерес, поскольку этнологи и этнографы постоянно соприкасаются с расовыми проблемами и располагают большим фактическим материалом из области культурной жизни так называемых *Naturvölker*, из числа которых сторонники расизма черпают примеры «низших» рас. Сталкиваясь ежедневно с этими проблемами, представители этнографической науки должны были четко определить свое отношение к «дикарям», служившим объектом их исследований и, следовательно, высказаться прямо или косвенно по интересующему нас вопросу.

Не имея возможности в сжатой статье дать исчерпывающий этнографический обзор вопроса, мы ограничимся рассмотрением взглядов Тайлора и Моргана как родоначальников английской и американской этнографических школ. Тайлор в этом отношении интересен как ученый, оказавший огромное влияние на буржуазную мысль XIX века, Морган — как мыслитель, учение которого тесно связано с марксизмом и советской наукой. Мы рассмотрим также взгляды Бастиана и Ратцеля как основоположников германской этнографической школы.

Пятидесятые—шестидесятые годы прошлого столетия составляют период расцвета капитализма, гигантскими шагами двигавшегося вперед не только в Англии, Франции, Германии, Америке, но и в таких отсталых странах, как Россия и Япония. На эти годы приходится колоссальный успех естествознания, величайшим достижением которого была теория Дарвина, оказавшая глубокое влияние на все сферы общественной мысли. Развитая и обоснованная Дарвином на естественно-научном материале идея эволюции в скором времени перебросилась и на буржуазное обществоведение, породив так называемый эволюционизм. Его наиболее ярким представителем в области философии и социологии был Герберт Спенсер, пользовавшийся вульгарно-аналогическим методом. С его точки зрения общество является организмом, а «общественный рост... оказывается аналогичным с ростом у живых существ». ¹ Развитие общественных организмов подчиняется тому же закону, что и развитие

¹ Г. Спенсер. Основание социологии, СПб., 1876.

биологических организмов. Таковым законом является закон органической эволюции от недифференцированного к дифференцированному, от простого к сложному.

Глубокое влияние идеи эволюции на умы второй половины XIX века, с одной стороны, накопление богатого фактического материала из самых различных областей естествознания и общественного знания, с другой — подготовили почву для возникновения целого ряда новых дисциплин: археологии, антропологии, этнографии, которые на континенте существовали в раздельном виде, в Англии же объединились под общим названием Anthropology — науки о человеке. Вновь возникшая дисциплина ставила перед собой задачу показать происхождение и развитие всех основных институтов буржуазного общества из состояния дикости и варварства. «Отделы науки о человеке, — писал Тайлор, — отличаются крайним разнообразием, распространяясь на тело и душу, на язык и на музыку, на добывание огня и на нравственность». ¹ Будучи в некоторой степени энциклопедической наукой, антропология была прежде всего наукой эволюционной. Подобно Дарвину, открывшему закон развития органического мира, антропология стремилась открыть закон развития и эволюции человечества, начиная от его возникновения до образования цивилизации. Наиболее крупный представитель английской антропологической школы — Тайлор, — как бы подхватывая нить, брошенную Дарвином, и тянул ее дальше, в область человековедения, не учитывая в достаточной мере специфических различий естественного и общественного развития. Последнее обстоятельство определило и несомненные достоинства и не менее несомненные недостатки тайлоровских работ.

Подобно крупнейшим представителям современной ему физической антропологии, Тайлор был последовательным сторонником моногенизма. Резко отрицательно относясь к полигенизму, он отлично понимал, хотя весьма осторожно формулировал, связь расового вопроса с политикой. «По своей связи с политическими вопросами о соотечественнике и чужеземце, о завоевателе и покоренном, о свободном человеке и рабе — различия рас привлекали к себе внимание с самых ранних времен, и поэтому отличительные черты их всегда представляли предмет ревностных наблюдений», ² — писал Тайлор, отлично учитывая, таким образом, что с проблемой моно- или полигенизма связаны судьбы многомиллионных чернокожих и желтокожих рас. В зоологических аргументах он видел доказательство того, что «все человеческие племена, от самого черного до самого белого, от наиболее дикого до наиболее культурного, имеют столько общего в строении своего тела и деятельности своего ума, что проще и лучше всего предположить, что они происходят от общего предка, как бы отдален он ни был», «все человеческие расы, вне зависимости от формы и цвета, способны к смешению и образованию скрещенных рас всевозможных сочетаний, вроде миллионов мулатов и метисов... Это опять указывает на общих предков всех человеческих рас. Мы можем принять теорию единства человеческого рода как наилучше согласующуюся с повседневным опытом и научными исследованиями». ³ Тайлор предполагает, что в отдаленные доисторические времена предки австралийцев, монголов, негров, европейцев составляли одну неразде-

¹ E. Tylor, Anthropology. London 1881; рус. пер. Антропология, СПб., 1882.

² E. Tylor, loc. cit., 7.

³ Там же, 5—6.

лившуюся ветвь, развитие которой двигалось по разным путям, но неизменно в направлении прогресса.¹ Время это очень отдаленно, причины, обусловившие разделение первоначально единого человеческого рода на различные ветви, действовали длительный период времени и обладали огромной мощью, но они не могли остановить поступательное движение человечества по пути прогресса. Очень осторожно высказываясь по поводу этих причин, Тайлор придавал большое значение действию географических факторов, связывая расу с климатическими условиями: «особенный тип расы, повидимому, более или менее связан с климатом, в котором она живет».²

Учитывая недостаточность научных данных по вопросу о причинах расообразования, Тайлор воздерживался от категорических суждений в этой области. Его внимание было направлено в другую сторону. С большой настойчивостью, методично, шаг за шагом доказывает Тайлор прогрессивность культурного развития, опровергая и разрушая реакционную теорию деградации и регресса примитивных народов. Рассматривая взаимоотношения так называемых «дикарей» и цивилизованных народов, он энергично восстает против широко распространенной в его время полурелигиозной догмы, будто остальные народы — выродившиеся потомки культурных народов, растерявшие, в силу каких-то неизвестных причин, блага цивилизации. Не отрицая в отдельных случаях возможности вырождения, Тайлор полагает, что, «судя по тем фактам, какие известны в настоящее время... если некоторые ветви какой-либо расы своей культурой значительно превосходят остальные, то это различие чаще происходит путем возвышения, нежели упадка».³ Можно сказать, не рискуя впасть в крайность, что основной труд Тайлора — «Первобытная культура» имеет своей целью аргументировать именно эту — для своего времени весьма прогрессивную мысль. Целый ряд глав названного труда посвящен переживаниям древнего состояния в современной культуре. В детских играх, поговорках, пословицах, загадках, различных народных обычаях, в хиромантии, снотолковании, колдовстве, спиритизме, языке, системах счета и в десятках других культурных явлений Тайлор вскрывает окаменелые пережитки древних эпох, «дикого» состояния человечества и таким путем обосновывает идею происхождения цивилизации из состояния дикости.

В этом отношении взгляды Тайлора близки взглядам Моргана, хотя, конечно, исчерпывающее разрешение вопроса принадлежит последнему, сумевшему во всей полноте, на развитии основных общественных отношений, показать процесс возникновения цивилизации. Материалы, на которые опирается Тайлор, имеют с общен исторической точки зрения второстепенное значение. Большая мысль сплошь и рядом разменивается на мелочи, тонет в нагромождении случайных фактов и второстепенных деталей. Но все же этой общей верной мысли отнять у Тайлора нельзя, так же как нельзя недооценивать ее прогрессивного значения. Утверждая, что «вырождение в культуре было вовсе не первоначальной причиной существования на свете варварства и дикости, но второстепенным действием»,⁴ Тайлор доказывает, что с эволюционной точки зрения по

¹ E. Tylor, loc. cit., 7.

² Там же, 5.

³ Э. Тайлор. Первобытная культура, т. I—II, СПб, 1872, 2-е изд. СПб, 1897. Цитируем первый том по 1-му, второй по 2-му изданию. Библиография работ Тайлора см. Anthropological Essays, presented, E. V. Tylor. Oxford 1906.

⁴ Первобытная культура, I, 44.

сравнению с жизнью животных «жизнь дикарей может уже считаться большим шагом вперед. Если рассматривать движение культуры как движение по одной общей линии, тогда ныне существующее состояние дикарей занимает промежуточное положение между жизнью животных и цивилизованной жизнью». ¹ Это положение не имело своей целью тритировать дикарей, как полуживотных. Мысль Тайлора иная. Подчеркивая идею единства культурной эволюции и генетической связи человека с животным миром, он неоднократно указывал, что пропасть, существующая между «дикарем» и животным, несравнима с различиями между человеческими расами. Первое различие представляется ему различием в качестве, второе лишь в количестве. «Великие различия в цивилизации, — говорит он, — и в духовном состоянии человеческих рас зависят скорее от различий в развитии, чем в происхождении, представляют скорее разницу по степени, чем по качеству». Таким образом, монотенизм в сочетании с теорией прогресса внушали Тайлору идею единства человеческого рода, единства генетического и физического. Эти взгляды дополнились идеей единства культурного развития, обоснованию которого посвящена его работа «Anthropology». Стремясь показать в этой книге, что «мир не стоял неподвижно, что новые мысли, новые институты, новые правила жизни вырастали или развивались из старого состояния». Тайлор привлекает весьма обширный, почерпнутый из разных областей, материал. Прежде всего он рассматривает отношение человека к животным (гл. II), человеческие расы (гл. III), язык (гл. IV—V), отношение языка к расе (гл. VI), письмо (гл. VII), орудие труда и технику (гл. VIII—IX), жилище и одежду (гл. X), некоторые отрасли производства (гл. XI), развлечения (гл. XII), науку (гл. XIII), религию (гл. XIV), мифологию (гл. XV) и только XVI главу посвящает обществу.

Это, с нашей точки зрения, весьма хаотическое и бессистемное построение, пестрое по материалу, лишенное руководящего принципа, отражало состояние буржуазной науки того времени. Антропология еще не отделилась от этнологии, и обе они были еще тесно переплетены с археологией. Доминировавшие в методологической сфере позитивизм и эволюционизм позволяли оперировать с отдельными «элементами» культуры, как с равноценными началами, причем наименьшее внимание уделялось обществу. С этой точки зрения приходится сказать, что идея эволюции и прогресса, получившая в трудах Моргана стихийно-материалистическое обоснование, трактовалась Тайлором в позитивистическом и эклектическом духе. Но все же позитивизм не мешал Тайлору придерживаться идеи единообразия культурного прогресса. Защищая этот взгляд, Тайлор стремился показать не только эволюцию отдельных элементов материальной культуры, но и конвергентность этих процессов.

В этом отношении он следовал Лэн Фоксу, более известному под банкетской фамилией — Питт-Риверса. Лэн Фокс, будучи офицером британской армии, занимался изучением эволюции огнестрельного оружия. Обратив внимание на правильность прогресса и эволюции частей огнестрельного оружия, Лэн Фокс расширил поле своих наблюдений, обратившись от оружия к орудиям и утвари малокультурных народов. Обладая значительным состоянием, он собрал огромную коллекцию положившую начало известному музею Питт-Риверса, переданному впоследствии в дар Оксфордскому университету. В 1880 г. Тайлор был при-

¹ Первобытная культура, I, 33.

глашеп заведывать этим музеем и читать лекции в связи с собранным в нем материалом.¹ В музее Питт-Риверса коллекции были подобраны по определенному принципу: они группировались не по культурным или этническим группам, а типологическими сериями по элементам культуры. Луки, стрелы, аппараты для добывания огня, палицы, жилища, украшения были собраны со всех концов света и составляли длинные серии, иллюстрировавшие не только эволюцию, но и повторяемость культурных феноменов. По этому поводу Тайлор писал: «С более широкой точки зрения характер и нравы человечества обнаруживают то однообразие и постоянство явлений, которое заставило итальянцев сказать: «весь мир есть одна страна». Это однообразие и постоянство, без сомнения, можно проследить как в общем сходстве природы человека, с одной стороны, так и в общем сходстве обстоятельств его жизни, с другой стороны, и с особенным удобством можно изучить их, сравнивая между собой расы, стоящие приблизительно на той же ступени цивилизации. При таких сравнениях не следует придавать большого значения исторической эпохе или географическому положению... Для примера обратите внимание на режущие и копающие орудия в какой-либо из подобных коллекций; указатель содержит в себе топоры, молоты, ножи, пилы, лопатки, шила, иглы, копыя и наконечники стрел; большая часть их принадлежит самым различным расам, а между тем представляет различия лишь в некоторых деталях. То же мы видим и в занятиях дикарей: плотничьи изделия, рыболовные сети или удочки, охотничьи стрелы или копыя, способы добывания огня, приготовление пищи на огне, ссучивание веревок и плетение корзин — повторяются с удивительным однообразием в образцах всех коллекций для иллюстрации жизни низших рас от Камчатки до Огненной Земли и от Дагомеи до Гаваи. Даже при сравнении диких племен с образованными народами для нас само собой становится ясно, как шаг за шагом жизнь диких рас переходит в подобные же процессы у высших рас, являясь в легко распознаваемых, а иногда почти вовсе неизменных формах».²

Твердо придерживаясь позиций прогрессизма, Тайлор аргументирует свои воззрения, во-первых, конвергентностью развития, во-вторых, постепенностью перехода от первобытного, дикого состояния в состояние цивилизации. Эти идеи Тайлора, приобретя прочное признание в Англии, получили также широкий отклик на континенте, где они перекликались с воззрениями Бастиана. В России под влиянием Тайлора находился Д. Н. Анучин, начавший строить Антропологический музей Московского университета по образцу Оксфордского музея Питт-Риверса. Единообразие культурного развития иллюстрировалось Тайлором и его последователями на столь значительном по объему — хотя часто случайно выбранном — материале, что составленные ими ряды параллельного развития культурных элементов могут рассматриваться как несомненный вклад в науку. Не имея возможности всесторонне рассмотреть этот материал, сошлемся хотя бы на работу Д. Н. Анучина «Лук и стрелы»,³ посвященную формам распространения лука. Выводы автора весьма показательны. Установив существование двух основных типов лука, — простого и сложного, — Анучин выяснил, что сложный лук нельзя рассматривать, как усовершенствование простого, ибо по силе

¹ Д. Н. Анучин. Э. Б. Тайлор. Русский Австр. журн., № 3—4, 1916.

² Тайлор. Первобытная культура, I, 6.

³ Д. Н. Анучин. Лук и стрелы. Археолого-этнографический этюд. Тр. V Тифлисского археологического съезда. Москва, 1887.

бой он скорее уступает, чем превосходит простой лук. Возникновение этих двух типов приходится рассматривать как параллельный процесс, приуроченный к различным географическим ареалам. Простой лук, для которого требуются соответствующие породы дерева, характерен для лесных областей, сложный, кленный лук — для областей степных. Несмотря на то, что лук в любой своей форме является весьма совершенным орудием, изобретение которого на низших ступенях культуры требовало большой интеллектуальной одаренности, невозможно установить единый центр происхождения лука. Лук возник независимо и самостоятельно в различных местах, отделенных друг от друга часто десятками тысяч километров. Но лук не составляет исключения. Происхождение десятков и сотен элементов культуры таково же. Они возникали повсеместно, независимо друг от друга, и развивались сходными путями. Таким образом Тайлор и его последователи только подтверждали высказанную Марксом значительно раньше их мысль: «В первоначальной истории каждое изобретение должно было делаться ежедневно заново и в каждой местности независимо от другой».¹

Обычное здесь возражение, что все сказанное относится только к простейшим элементам культуры и теряет свою силу тогда, когда речь идет о высокоразвитой культуре, о «цивилизации», опровергалось Тайлором при помощи введенного им в науку метода пережитков. «В силу силы этих переживаний становится возможным утверждать, что цивилизация народа, среди которого они наблюдаются, есть продукт некоторого, древнейшего состояния, в котором и должно искать настоящий источник и значение этих понятий».²

Вскрывая происхождение многочисленных пережитков, встречающихся на каждом шагу среди «цивилизованных народов», Тайлор, тем самым, наглядно иллюстрировал тесную связь, существующую между «цивилизацией» и диким состоянием человечества. В этой части его исследования идея единства культурного развития получила еще одно подтверждение.

Наставляя на единообразие прогрессивного развития в области матеральной культуры, Тайлор в то же время был сторонником единства человеческой психики. Обоснование этой идеи принесло ему всемирную славу и сделало его общепризнанным главой английской антропологической школы. Мы не будем здесь излагать широко известного учения об анимизме. Не будем останавливаться также на той, подчас вполне обоснованной критике, которой эта теория впоследствии подверглась. Для нас важно в данном случае то, что по мнению Тайлора анимистические представления, характеризующие психику первобытного человечества, качественно не отличаются от идей, основных цивилизованному человеку.³ «Учение о душе составляет главную часть системы религиозной философии, которая связывает непрерывной умственной нитью дикого поклонника фетишей с образованным христианином».⁴ На большом фактическом материале Тайлор показал развитие анимистических идей и их тесную связь как с идеалистической философией, так и с христианством. Не проводя качественной грани между психикой дикаря и цивилизованного человека, Тайлор видел во многих проявлениях современной ему религиозной и философской идеологии лишь развитые

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. IV, стр. 45.

² Первобытная культура, I, 66.

³ Первобытная культура, II, 72—74.

⁴ Первобытная культура, II, 74.

формы, зачатки которых он находил у дикарей. Он подчеркивал чрезвычайную живучесть и устойчивость древних представлений, уцелевших в капиталистическом обществе, вопреки прогрессу науки и техники. «Язык — один из тех умственных отделов, в котором мы мало поднялись над уровнем дикарей и как будто продолжаем до сих пор рубить каменными топорами и с трудом добывать огонь посредством трения. Далее, метафизическое умозрение было одним из могущественнейших факторов в образе действий человечества, и хотя развитие и падение совершалось в сравнительно цивилизованных веках, тем не менее связь его с низшими стадиями умственной истории может быть легко открыта».¹

Таким образом, Тайлор твердо стоял на позиции единства культурного, материального и психического развития человечества, не проводя в этом отношении грани между дикостью и цивилизацией. Эта точка зрения, вытекавшая из общего направления развития буржуазной науки второй половины XIX века, не была для Тайлора абстрактным допущением. Она была выведена из огромного фактического материала.

Тайлору приходилось и непосредственно высказываться по вопросам расоведения и расогенеза. При оценке этих высказываний необходимо помнить, что в середине и во второй половине XIX века так называемая расовая «теория» отнюдь не стояла в центре политических событий (исключения составляли лишь США), и «расовая проблема» не играла большой роли в умственной жизни европейских стран. В то же время надо помнить, что увлечение крайним эволюционизмом приводило даже крупнейших естествоиспытателей и антропологов к делению рас на «низшие» и «высшие» в эволюционной схеме и, следовательно, с точки зрения европейской культуры, неполноценные и полноценные.

Подобных взглядов придерживались такие авторитеты, как Геккель и Брокэ. Тайлор, не бывший специалистом ни в области естествознания, ни в области физической антропологии, до известной степени был также не свободен от влияния этих общепризнанных авторитетов, хотя, как мы видели, в области своей прямой специальности он был последовательным сторонником единства духовного и культурного развития человечества.

В главе, посвященной взаимоотношению расы и языка, Тайлор, следуя главным образом М. Мюллеру, дает популярное изложение истории распространения различных лингвистических семейств, излагая вопрос в обычном для того времени духе. В заключении этой главы он подчеркивает, что хотя язык и является весьма важным источником для изучения истории народа, но все же он не способен «вполне разъяснить возникновение какой-нибудь расы или возвести нас к самому началу ее. Негры не говорят все на языках одного семейства; не говорят и желтые и темнокожие и белые люди».² В этих словах, очень расплывчато и осторожно, Тайлор формулирует отсутствие прямой связи между расой и языком.

Следовательно, единственное, в чем Тайлора можно упрекнуть, это в признании теории праязыка. Но этот упрек должен быть обращен ко всей науке того времени.³

Более серьезный упрек приходится сделать Тайлору в отношении его суждений об интеллектуальных способностях рас. Хотя он и утверж-

¹ Первобытная культура, II, 466.

² Tylor. Anthropology, 54

дает, следуя результатам своих этнографических исследований, что «дикарь владеет человеческим умом и речью, и хотя его интеллектуальные силы не подняли его до цивилизации, они делают его способным в большей или меньшей степени воспринять воспитание, превращающее его в цивилизованного человека»,¹ тем не менее, некритически заимствуя результаты ряда антропологических и анатомических исследований, ныне давно устаревших и забытых наукой, Тайлор указывает на различие, якобы существующее между объемом и структурой мозга австралийцев, бушменов, готтентотов, с одной стороны, и европейцев — с другой. Хотя Тайлор повторяет тут чужие мнения, к тому же расходящиеся с результатами его собственных исследований, этот случай все же весьма характерен, ибо он подводит нас к пониманию непоследовательности, свойственной всему эволюционизму. Прямолинейно проводя идею эволюции, выходя во всем и всюду постоянный и непрерывный прогресс и восхождение от простого к сложному, игнорируя качественные грани и скачки в этом развитии, мыслители типа Спенсера или Геккеля, естественно, должны были усмотреть в некоторых из живущих рас «высшие», в других — «низшие» с точки зрения эволюционного процесса формы. Ими не учитывалось то, что факт появления в верхнем палеолите Homo sapiens в любом его расовом варианте означал снятие биологических закономерностей и замену их закономерностями социальными. «Низшая», в эволюционном смысле этого слова, неандертальская форма человека исчезла, превратившись в вид Homo sapiens, к которому принадлежат все ныне живущие расы. В силу этого «скачка» новый человек, во всех его расовых разновидностях, оказался в равной степени способным к культурному и интеллектуальному творчеству. Отставание одних рас и культурный прогресс других с этого времени целиком обусловлены историческими и социальными причинами. Но тех же исторических причин, которых оказалось достаточно для того, чтобы задерживать австралийцев на низшей степени культурного, но отнюдь не расово-биологического, развития, достаточно для приобщения австралийцев к высшим формам культуры. Это доказывается на примере многочисленных малых народов Сибири, также относимых многими антропологами к «низшей» расе и тем не менее успешно приобщающихся к наивысшей из всех существующих до сих пор культур — к культуре социалистической.

Обильный этнографический материал, собранный Тайлором, красноречиво иллюстрировал однообразие культурно-творческих процессов всего современного человечества и, следовательно, опровергал теорию «высших» и «низших», «полноценных» и «неполноценных» рас. Но вульгарный эволюционизм, непонимание специфики общественно-культурного развития приводили к уступкам опровергнутой теории. Возникло противоречие между результатами этнографических исследований и вульгарным эволюционизмом, не сумевшим понять качественного своеобразия социального развития. Названное противоречие, разрешимое только на почве чуждого Тайлору диалектического мировоззрения, нашло некоторое отражение в его работах, но оно не было органически присуще им. Результаты этнографических исследований, сами по себе говоря о единообразии и конвергентности культурного развития вне зависимости от рас и расовых особенностей, опровергали теорию «высших» и «низших» рас.

¹ Указ. соч., 54.

II

Морган, самостоятельно открывший материалистическое понимание истории, с предельной четкостью формулировал идею единства человеческого рода. Взгляды Моргана настолько широко известны, что мы ограничимся рассмотрением немногих из его суждений.¹ Уже в самом начале своего классического труда «Древнее общество» Морган с полной определенностью сформулировал свой взгляд на расовую проблему. «История человеческой расы имеет единое начало, едина в своем опыте и своем прогрессе», — говорит он. По мнению Моргана, человечество возникло на азиатском материке, откуда распространилось по всем частям света. Его развитие шло одинаковыми путями во всем мире. «Изобретения и открытия образуют непрерывный ряд по пути человеческого прогресса и отмечают его последовательные стадии; эти учреждения воплотили в себе и сохранили для нас основные факты, иллюстрирующие пройденный путь. Их сопоставление и сравнение указывают на единство происхождения человечества, на сходство человеческих потребностей на одной и той же ступени развития и на единообразие деятельности человеческого ума при одинаковом общественном строе».

«Поскольку человечество имело единое происхождение, его развитие было по существу одинаково, протекая во всех частях света различными но единообразными путями, и крайне сходным образом у всех племен и наций человечества, достигших одной и той же стадии развития». «Развитие человечества шло повсюду почти одинаковыми путями, человеческие потребности при аналогичных условиях, были по существу одинаковы и проявления умственной деятельности, в силу видовой тождественности мозга всех человеческих рас, были однородны».²

С несравненно большей четкостью и последовательностью, чем Тайлор, Морган сформулировал идею единства происхождения и развития человеческого рода и с несравненно большей глубиной и силой он ее обосновал. Тайлор шел от мелочей; он искал доказательства своей правоты в детских играх, суевериях, малозначительных обрядах. Морган — «вновь» открывший «материалистическое понимание истории»³ — показывает единство культурного развития человечества. Тайлор, в конце концов, только констатировал конвергентность человеческого развития, Морган объяснил его, показав, что сходные формы возникают на сходных ступенях развития производства. В его делении истории на дикость — варварство — цивилизацию, делении, универсальном для всего человечества, конкретизировалась идея единства развития материального производства. В «Древнем обществе», на огромном фактическом материале, показано единообразие развития общественных форм человечества от его самых первых шагов до образования классов. Семья, системы родства, родовое устройство развивались одинаково у всех народов земного шара, миновавших одни и те же стадии развития. «В результате арийские нации найдут у австралийцев и полинезийцев прообраз состояния своих отдаленных предков в периоде дикости, у полуседлых индейцев Америки — их состояние на низшей ступени варварства и у

¹ Л. Г. Морган. Древнее общество. Ленинград, 1934. — Его же. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Ленинград, 1934. — Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Москва, 1934. — М. Косвен Л. Г. Морган. Жизнь и учение (изд. 2-е). Ленинград, 1935.

² Древнее общество, 8.

³ Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Из предисловия к первому изд. 1884 г. М., Партиздат, 1934.

оседлых индейцев — на средней ступени, к которой непосредственно примыкает их собственная история на высшей ступени варварства. Производство, учреждения и образ жизни на одинаковых ступенях столь тождественны по существу на всех континентах, что архаическую форму главнейших домашних учреждений греков и римлян можно даже сейчас найти в соответствующих учреждениях американских туземцев». ¹ В сущности развитию этой темы посвящено «Древнее общество», которое было бы ошибочно рассматривать как простое исследование по истории семьи. «Древнее общество» — это крупнейшее историческое сочинение, с почти исчерпывающей полнотой показавшее процесс образования цивилизации из состояния варварства, процесс единообразного развития материального производства и общественных форм всего человечества.

Исследованиями Моргана было установлено, что человечество во всем мире двигалось по одному и тому же пути, переходя из состояния дикости в состояние варварства, а затем в состояние цивилизации. Оно всюду прошло стадии группового брака, материнского рода, ² затем отцовского рода. Идея единства исторического процесса получила незыблемое основание. Тем самым в науке не оставалось места для расовой «теории».

Германская этнографическая наука, идя несколько иными путями, чем американская и английская антропология, не достигла таких крупных результатов, как эти последние. Будучи более реакционной с самого своего основания, она, тем не менее, дала истории науки два крупных имени — Бастиана и Ратцеля, на учениях которых мы остановимся; при этом заслуживает быть отмеченным тот факт, что оба названных автора, при всем различии своих этнологических взглядов, были далеки от расовой «теории».

Бастиан, врач по образованию, изъездил полмира; вероятно, ни один этнограф впоследствии не видел своими глазами столько племен и народов, сколько видел и изучил Бастиан. В промежутках между поездками он писал свои бесчисленные, весьма бессистемно и отвлеченно изложенные, труды, ³ в которых психология, этнография и философия переплетались в запутанном клубке.

Бастиан может считаться основоположником идеалистического течения в этнографии, стремившегося объяснить исторические явления, язык, религию, обычаи и право, общественное, домашнее и государственное устройство из «внутренней сущности духа» и возвести их «к последним психологическим основаниям». Во время своих нескончаемых экспедиций Бастиан убедился воочию, что так называемая «сущность человеческого духа» одинакова при одинаковых условиях. В 1865 г. он выпустил «Beiträge zur vergleichenden Psychologie», где впервые была сфор-

¹ Древнее общество, 13.

² В послеморгановское время некоторые авторы пытались доказать, что матриархат не свойствен «арийцам», однако, они были полностью разбиты Ковалевским. См. М. Ковалевский. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. СПб., 1895; его же. Родовой быт. Москва, 1911.

³ Важнейшие работы Бастиана в связи с интересующим нас вопросом: А. Bastian. Das Beständige in den Menschenrassen und die Spielwelt ihrer Veränderlichkeit. Berlin, 1868; Allgemeine Grundzüge der Ethnologie. Berlin, 1884; Ethnische Elementargedanken in der Lehre vom Menschen. Berlin, 1895; Zur naturwissenschaftlichen Behandlungsweise der Psychologie durch und für die Völkerkunde. Berlin 1883;

См. о Бастиане: Ankermann. Die Entwicklung der Ethnologie seit A. Bastian. Ztschr. f. Ethnol. 1926. T. Preuss. Bastian u. die heutigen Wissenschaften. Baessler-Archiv 10, 1926; Kohler I. A. Bastian. Ztschr. f. vergleichende Rechtswissenschaft. Ахельс Т. Современное народоведение. СПб. 1900.

мулирована идея «Völkergedanken», полное развитие которой было дано в следующей работе: «Die Völkergedanken im Aufbau einer Wissenschaft vom Menschen». Пораженный необыкновенным совпадением в материальной и духовной культуре географически удаленных один от другого и расово различных народов, Бастиан пришел к мысли, что все эти совпадения объясняются сходством психической природы человека. «Со всех стран, со всех континентов выступают нам навстречу при сходных условиях сходные человеческие мысли, образующиеся с железной необходимостью, подобно тому, как у растений в различные фазы их жизни являются клетки, сосуды, листья, стебли и цветки. Конечно, одно дело северная сосна, другое дело южная пальма, растущие при разных климатах, но обе они подчинены одинаковым законам роста». Точно так же и греки отличаются от скандинавов, полинезийцы от индейцев, но если проникнуть под внешнюю оболочку, углубиться в суть вещей, то повсюду откроются одинаковые основные идеи, первоначальные элементарные мысли, определяющие развитие и религиозных, и эстетических, и правовых идей. Если у различных, пространственно удаленных и расово разнородных племен встречаются одинаковые проявления культурной деятельности, то первой и основной причиной сходства является единообразие человеческой психики. Если к этому прибавляется еще сходство во внешних условиях, в среде, то совпадения в нравах, мышлении, социальных учреждениях принимают характер идентичности.

Таким образом, Бастиан, обладавший огромной эрудицией и знаниями, видел единообразие культурного развития. Он понимал, что не раса определяет культуру, которая часто оказывается совершенно одинаковой, почти идентичной, у разных рас. Будучи идеалистом, он искал объяснение этому явлению в единстве человеческого духа, в «элементарной мысли», якобы свойственной всему человечеству, но это уже другая сторона дела. Самый факт культурного и психического единства человечества был подмечен им верно.

Его взгляды оказали широкое влияние на науку, и спор о конвергентности развития, о диффузиях и заимствовании не прекратился и ныне. Из последователей Бастиана можно назвать Рихарда Андре,¹ выступавшего со специальным исследованием об «Этнографических параллелях и сравнениях». Книжка представляет собой пестрое собрание статей на самые различные темы: «Одержимость и болезни духа», «Симпатическая магия», «Изображение крадет душу», «Человек на дереве», «Знаки собственности», «Игры», «Маски» и т. д. Автор не производит углубленных изысканий, не вдается в детали и тонкости, он попросту собирает аналогичные явления и факты из разных частей света и, расположив их рядом, предоставляет на суд читателям. Вывод из всей работы напрашивается сам: совершенно сходные идеи, свойственные различным народам, возникли независимо друг от друга.

Бастиану и его ученикам пришлось полемизировать с школой Ратцеля, объяснявшей все этнографические параллели и сходства не конвергенцией, а заимствованием. В полемике ученики Бастиана дали ряд интересных исследований. Так, Хегер² показал, что сторонники заимствования часто вынуждены вводить в этнографическую сферу понятие

¹ R. Andre. Ethnographische Parallelen u. Vergleiche. Stuttgart, 1878; Idem. Neue Folge. Leipzig, 1879.

² F. Heger. Aderlassgeräte bei Indianern u. Papuas, Mitt. der Anthropolog. Gesellsch. in Wien, XXIII.

«расовой души», не имеющей научного основания. Им, вслед за Бастианом, было предложено деление всех культурных благ на два класса: первичных, самостоятельно возникших у всего человечества (к этой категории он отнесил лук, стрелы, гончарство, рыболовные сети, обработка камня, культ предков и т. д.), и вторичных — более сложных культурных изобретений, которые могли возникать самостоятельно, но могли быть и заимствованы. Для решения вопроса в ту или иную сторону каждый раз требовалось специальное исследование.

В дальнейшем ряд авторов пошел по пути примирения этих двух теорий, признавая, однако, единообразие общей направленности культурной эволюции. Сюда надо отнести Фиркандта¹ и Эренрейха.² Последний выдвинул против огульного применения теории заимствования весьма существенное возражение, указав, что сходные идеи часто приводят к различным результатам, а сходные результаты оказываются следствием различных идей. Таким образом, допущение заимствования, базирующееся на простом факте сходства, сплошь и рядом скользит по поверхности вещей. В другой работе³ он рассмотрел вопрос применительно к мифологии и попытался установить критерии, опираясь на которые можно было бы точно различать случаи заимствования мифа от случаев конвергентного возникновения сходных сюжетов. Эренрейх выставил целый ряд условий, только при наличии которых может быть признан факт заимствования. В частности он указал, что для признания заимствования мотивы мифа должны быть не только похожи, но и абсолютно идентичны. Должны совпадать и второстепенные детали. Пользуясь названными критериями, его последователь Эйзенштедтер⁴ пересмотрел значительную серию мифов, как-то: миф о рождении солнца, миф о змее и солнце, миф о девушке-лебеди, встречающиеся в сходных формах и в Океании, и в Америке, и в Африке, затем — распространенные по всему свету и по всему свету одинаковые формы числения и закличил, что все эти сходные явления суть продукты конвергентного развития, а не заимствований.

Таким образом, Бастиан и его школа шли по пути признания конвергентности культурного развития, обусловленного якобы единообразием человеческой психики. В их воззрениях нужно различать, с одной стороны, правильно констатируемый и убедительно доказываемый факт конвергентности и единообразия культурного развития, с другой стороны, его идеалистическое истолкование, не мешавшее, однако, Бастиану и его последователям быть противниками «расизма».

Сложнее обстоит дело со взглядами антипода Бастиана — Ратцеля. По своей роли в истории науки Ратцель может считаться основоположником расовой теории в этнографии, но по своим личным взглядам он не был последовательным расистом. Напротив, он неоднократно высказывался против применимости расовых критериев к истории. Подробно обсуждая вопрос о различиях между культурными и дикими народами, Ратцель значительно отклоняется от эволюционной идеи. Он не склонен искать среди диких народов представителей детства человеческого рода. Он

¹ Vierkandt. Naturvölker u. Kulturvölker. Leipzig, 1896.

² P. Ehrenreich. Zur Frage der Beurteilung ethnographischer Analogien. Korrespondenzblatt für Anthropologie, 1903.

³ P. Ehrenreich. Die allgemeine Mythologie u. ihre ethnologischen Grundlagen. Leipzig, 1910.

⁴ E. Eisenstädter. Elementargedanke u. Uebertragungstheorie n der Völkerkunde, Stuttgart, 1912.

сравнивает их с «недостаточной зрелостью недвигающегося вперед взрослого».¹

По его словам, различные условия помешали им достигнуть прочих успехов в области культуры, но едва ли можно приписать это их меньшей даровитости. Остальные народы обитают обыкновенно в местах наименее благоприятных для жизни, откуда и происходит их незначительная численность, редкость выдающихся людей, отсутствие благотворного влияния соседних культур. Взвесив эти обстоятельства, Ратцель заключает, что «в культурном отношении эти народы составляют слой, низший в сравнении с нами, между тем, как по естественному образованию и зачаткам они равны нам».²

Огромный этнографический материал, которым располагал Ратцель, убеждал его в том, что различия между культурами не зависят от различий в одаренности рас. Монголы и китайцы принадлежат к одной и той же расе — но насколько различна их культура! Эти различия покажутся еще разительнее, если сопоставить китайцев с лоло, миао или каким-либо другим южно-китайским племенем. «Раса сама по себе не имеет никакого отношения к культурному состоянию. Было бы, конечно, нелепо отрицать, что в настоящее время носительницей высшей культуры является так называемая кавказская или белая раса... Если же мы взглянем за пределы узких событий, которые называются мировой историей, то должны будем признать представителей всех рас носителями лежащей за ее пределами первичной и доисторической культуры».³ Распространение и формы культуры зависят не от расы, а от географических условий, вследствие влияния которых на человека образуются культурные зоны. Исторический опыт показывает, что наиболее благоприятной для культурного развития зоной является зона умеренного пояса, где уже в течение нескольких тысячелетий происходит развитие культуры, давшее, в конечном итоге, европейскую цивилизацию. Таким образом, Ратцель в своих прямых высказываниях по расовому вопросу не может быть признан «расистом». И тем не менее, он открыл ту дверь, через которую расовая «теория» проникла в этнографию.

Прежде всего Ратцель выдвинул на первый план географические задачи в ущерб историческим. Вводя новое понятие «антропогеографии», он считал ее прямой задачей изучение «географического распространения народных особенностей» на основе «антропогеографической оценки географического материала». Антропогеография должна заниматься «изучением распространения человеческих групп, отличающихся друг от друга физическими особенностями, степенью культуры или этнографическими чертами». Распространение культурных элементов по земному шару находит исчерпывающее объяснение не в сходстве «элементарной мысли», а в заимствованиях, прослеживание которых и составляет одну из важнейших задач антропогеографии. Теория заимствований, как отмечалось уже в литературе, имеет своей предпосылкой теорию духовной нищеты человечества, теорию слабости его творческих сил и ограниченности творческих возможностей. По мнению Ратцеля, человек (человек в «антропогеографическом» (!), а не в историческом смысле) более склонен к заимствованию уже готовых идей, чем к

¹ F. Ratzel, *Völkerkunde* B. III, Leipzig 1885 — 1888; zweite Auflage, 1894 — 95. Его же. *Anthropogeographie*. B. I—II, 1891; Ратцель. Народоведение. СПб. т. I, стр. 23 (год не указан).

² Народоведение, I, 24.

³ Народоведение, I, 19.

созиданию новых. «Что создали нового полинезийцы и микронезийцы во время их распространения? Ничего нового по существу... Вообще замечательно, что когда мы у низших народов находим некоторые своеобразные явления, то они всегда оказываются не новозобретенными, но давно заимствованными благами. Еще и еще раз можно удивляться немногочисленности самостоятельных открытий, сделанных народами низшей ступени развития».¹

Здесь Ратцель прямо приходит к теории расовых различий, как основе культурных различий. Низшие расы способны только к заимствованию, высшие — к творчеству. А так как задачи народоведения, этнографии, антропогеографии, в отличие от истории, заключаются в изучении «низших» народов, то проблема заимствования и становится основной проблемой этого круга наук. Последователи Ратцеля подхватили не доведенную до конца нить рассуждений; проблема заимствования становится основной проблемой в работах Фробенюса, утверждающего, что нет пространственных границ для миграций или заимствований культурных объектов или целых культурных комплексов.² Затем Гребнер систематизирует эти идеи и кладет начало культурно-исторической школе в этнологии, основанной на своеобразном варианте расовой теории.³

Такова история проникновения расовой теории в этнографию. Из этой истории следует, что крупнейшие представители буржуазной этнографии XIX века отрицательно относились к расовой теории. Все они были сторонниками идеи единства человеческого рода и все они объяснили исторический процесс, не апеллируя к понятию расы. Тайлор исходил при этом из заимствований у Дарвина эволюционной идеи, Морган опирался на стихийно материалистическое понимание истории, Бастиан — на учение об «Elementargedanke». Все эти ученые, будучи идеологами эпохи прогрессивного капитализма, рассматривали свой предмет исторически. И только Ратцель, пожертвовав историзмом ради географизма, открыл, быть может вопреки своим субъективным взглядам, дверь расовой теории. Но и он, подобно Тайлору, Бастиану, Моргану, отрицал влияние расы на исторический процесс. Это не случайно. Огромный этнографический материал, собранный к концу XIX века, мог толковаться различными учеными по-разному. Но все они — и стихийные материалисты, и позитивисты, и откровенные идеалисты — сходились в одном: фактический материал, как бы он ни толковался, не оставлял места для расовой теории. Нужно было влияние новой эпохи и новых классовых требований буржуазии, считавшейся уже не столько с фактами, сколько с потребностью империализма и классовой борьбы, для того, чтобы в приоткрытую Ратцелем отдушину ворвалась широкая струя расизма.

¹ Anthropogeographie, II, 710, f.

² L. Frobenius. Die Weltanschauung der Naturvölker. Weimar, 1898.

³ См. нашу статью в „Советской этнографии“, № 1, 1936.

С. П. ТОЛСТОВ

РАСИЗМ И ТЕОРИЯ КУЛЬТУРНЫХ КРУГОВ

I

Эпоха империализма характеризуется началом общего кризиса и загнивания буржуазной теоретической мысли, охватившего все отрасли науки. В одинаковой мере это касается философских, общественных и естественных дисциплин. Наука периода империализма, отрекаясь от «грехов молодости», стала предавать анафеме величайшие достижения теоретической мысли. Вместо них стали спешно выволакиваться из пыльных архивов обветшалые реакционные концепции, отброшенные в сторону на предшествующем этапе истории науки и, в слегка подновленном и подкрашенном виде, под старым — с приставкой «нео» — или под новым ярлыком, были пущены в оборот. И в какой бы отрасли науки ни складывались эти «нео-теории», конечной точкой приложения они имели сферу общественных отношений. Исказить, фальсифицировать действительную картину развития общества, доказать надисторичность институтов буржуазной общественности — частной собственности и базирующегося на ней общественного неравенства, моногамной семьи, религии, государства, национальных противоречий, хозяйственного, общественного и культурного неравенства народов — вот генеральная задача, поставленная перед учеными апологетами капитализма.

Расовая «теория», теория биологической предопределенности неравенства народов и общественных классов — теория, хорошо знакомая рабовладельческой эпохе и в новой модификации феодально-дворянскому строю с его культом «крови» и «происхождения», — была подхвачена буржуазными публицистами. Обработанная «под дарвинизм», эта «теория» была преподнесена широким читательским массам в качестве нового открытия, чтобы, несколько десятилетий спустя, занять центральное место в теоретическом арсенале гитлеровской диктатуры.

Расовая «теория», нашедшая почетное место и радужный прием в буржуазной около-научной печати, встретила, однако, более чем скептическое отношение со стороны действительно крупных деятелей науки. Попытки связать в единый узел расу, культуру и язык с определяющей и руководящей ролью первой встретили с их стороны насмешливо-пренебрежительное отношение. М. Мюллер, например, издевается над приверженцами «арийской теории»: «Этнолог, говорящий об арийской расе, арийской крови, арийских глазах и волосах, по моему мнению, является таким же большим грешником, как и филолог, распространяющийся о долинкефальном словаре и брахицефальной грамматике. Это хуже, чем вавилонское столпотворение, это почти обман».¹

¹ Цит. по И. Цольшан. Расовая проблема, стр. 39, М. 1914.

Особенно резкая и развернутая критика расовой «теории» дана крупнейшим американским антропологом, этнографом и лингвистом Фрэнсисом Боасом, главой американской антропологической школы, на высказываниях которого мы остановимся ниже.

Однако в самой буржуазной науке периода подъема мы находим ту питательную среду, на которой выросли фантастические цветы расистских спекуляций. Ограниченность буржуазной теоретической мысли даже в эпоху ее расцвета, неспособность подняться до последовательно-материалистического, т. е. диалектико-материалистического объяснения общественных явлений, естественно, не могли не создать лазейки для всякого рода антинаучных концепций. Уже в построениях сравнительного языкознания начала XIX века мы находим зародыш позднейшего расизма. Так, открытие связи между индо-иранскими и европейскими языками породило гипотезу родства языков, их генеалогического восхождения к общему предку, гипотезу праязыка и его прародины и неразрывно с ней связанную гипотезу расхождения языков по мере миграции их носителей из этой прародины. Гипотеза кровного родства языков и говорящих на них народов во свою очередь явилась предпосылкой для возникновения построений Гобино, Чемберлена, Аммона, Ляпужа и др., а прослеживание миграций народов в конце XIX века выросло в универсальную теорию миграций, как основного фактора истории.

Если, таким образом, сравнительное языкознание XIX века с самого начала оказалось связанным с реакционно-шовинистическими тенденциями, а крупнейшие его представители, осуждая расистские фантазии, сами на каждом шагу давали материал для расовиков, то иное положение мы имеем в этнографии XIX века, в отношении которой мы вряд ли ошибемся, если оценим ее как носительницу наиболее прогрессивных тенденций в буржуазном общественном знании этого столетия.

Величайшим открытием эволюционной школы этнографов XIX века, этого классического периода буржуазной этнографии, явилось установление подлинного единства исторического процесса. Глубокое совпадение (часто до мельчайших деталей) путей исторического развития народов, живущих в разных частях света, принадлежащих к разным расам, говорящих на различных языках, дало неопровержимое доказательство единства человечества. Если кажущаяся изоляция отдельных языков, поддающихся непосредственному сопоставлению лишь в пределах сравнительно узких групп, получивших название «семейств», явилась базой для всякого рода националистических концепций задолго до империалистической эпохи, то этнографический материал своей наглядностью, вопреки далеко не совершенным теоретическим установкам этнографов-эволюционистов, со всей убедительностью опроверживал искусственные перегородки между народами и расами.

Эволюционная этнография, представленная в эпоху ее расцвета гениальными трудами Моргана, сумела показать историческую ограниченность социальных институтов классового общества — моногамной семьи, частной собственности, государства, религии и, вместе с тем, убедительно и наглядно продемонстрировать единство человеческого рода и полную несостоятельность антинаучных представлений о «высших» и «низших» расах. Вот почему «научная» реакция конца XIX века не могла не мобилизовать своих сил для разгрома эволюционизма в общественном знании и не направить в первую очередь главный свой удар против Моргана и его материалистического понимания общественного развития.

Атака с позиций откровенного расизма оказалась несостоятельной — слишком убедительно говорил сам материал, разрывающий все и всякие расовые и языковые границы. Но раз этого требуют «хозяева», у ученых их слуг всегда найдется подходящая «теория». Такой теорией, с позиций которой развернулся обстрел воздвигнутого Морганом здания, явилась «теория культурных кругов», нашедшая впоследствии свое место рядом с расовой теорией в арсенале фашистской идеологии.

«Расовая теория» и «школа культурных кругов», противопоставившая себя эволюционной школе XIX века, родились как сестры-близнецы, отвечая на одни и те же потребности хозяев капиталистического общества. «Школа культурных кругов» и «расовая теория» объединились и превратились в знамя идеологической реакции конца XIX и начала XX века.

Господствующая в трудах Л. Г. Моргана идея исторического единства человеческого рода подверглась ожесточенной атаке со стороны мобилизованных капиталистической реакцией духовных и светских апологетов.

По прямому заданию Ватикана в атаку против Моргана выступила целая плеяда «ученых» патеров, пытающихся обосновать не только над-историчность религии вообще, но извечность монотеизма. Рука об руку с ними шли светские ученые холопы капитализма, обуреваемые не менее энергичным стремлением доказать извечность национальной, племенной и культурной раздробленности человечества, мистическую предопределенность культурного неравенства различных народов, участников пира человеческой истории, на котором «много званых, но мало избранных», и, что самое главное, — подменить классовую борьбу, исторически разрешающуюся сменой одной общественно-экономической формации другой — борьбу рас.

Выступление Ратцеля, явившегося по существу основоположником нового этапа в развитии буржуазной этнографии, падает еще на 80-е годы XIX века. Именно его «Антропогеография» знаменует начало появления ряда работ, настойчиво стремящихся дать новое, соответствующее новому этапу развития буржуазного сознания толкование факта совпадения культурных явлений у народов различных частей земного шара — от островов Океании до устьев Конго и от мыса Доброй Надежды до побережий Гудзонова залива.

Это «новое освещение» сводилось к выдвиганию априорной гипотезы об ограниченности человеческого сознания, якобы не допускающей спонтанного возникновения в бесчисленных точках земного шара одних и тех же изобретений и открытий, двигающих вперед культуру. Из этого постулата вытекало положение о застойности и неподвижности этих культур, фатально определяемых географической средой и остающихся неизменными на протяжении тысячелетий. Все параллели в культуре отдельных народов объяснялись заимствованиями и переселениями; вся история сводилась к пространственным отношениям отдельных культурных областей. Этим чисто априорным положением отрицалась возможность самостоятельного возникновения параллелизмов в культуре различных народов, а следовательно, отрицалась правомерность выводов Моргана и делался решающий шаг к уничтожению грани между реакционно-националистическими построениями сравнительной лингвистики и идущими в разрез с ними объективными данными этнографии.

В сущности, уже в теории Ратцеля содержалась в зародыше вся гамма направлений позднейшей культурно-исторической школы или школы

культурных кругов, почему Ратцеля в одинаковой мере могут считать своим духовным отцом и Фробениус с его «культурной морфологией» и австро-немецкая школа «культурных кругов» Ф. Гребнера и патеров В. Шмидта и В. Коппера, и школа Риверса в Англии, и английские «гипердиффузионисты» — Перри и Эллиот Смит, и американские «историко-прагматики», и, наконец, новейшая разновидность культурно-исторической школы — так называемая «теория культурного ологеза» Ж. Монтандона.

90-е годы XIX века явились периодом энергичной подготовки «наступления по всему фронту», объединения и мобилизации сил воинствующего антиэволюционизма. На эти годы падает выход ряда работ последователя Ратцеля — Лео Фробениуса, пытающегося по-новому методологически обосновать взгляды своего учителя.

И, наконец, 14 ноября 1904 г. два ассистента королевского Берлинского музея народоведения, Фр. Гребнер и Б. Анкерманн, выступают с докладами «Культурные круги и культурные наслоения в Океании» и «Культурные круги и культурные наслоения в Африке».¹ Эта дата рассматривается адептами культурно-исторической школы как день, открывший новую эпоху в развитии этнологии. «Эти два доклада, — пишет признанный глава католической этнологии патер В. Шмидт, — в своем соединении некоторым образом выступили, как пронунциаменто некоей планомерно подготовленной революции».² Нечего, конечно, и говорить, что эта, столь милая сердцу ученого кардинала «революция» на обычном человеческом языке должна была быть обозначена несколько иным термином. В 1911 г. в цитируемой статье патер В. Шмидт уже мог подвести итоги плодам этого «пронунциаменто», в первую очередь использованного миссионерскими кругами, крепко взявшими руководство «новой школой» в свои руки, отодвинув на второй план вождей «пронунциаменто», в том числе наиболее крупного исследователя и теоретика этой школы Фр. Гребнера. Лучи славы его померкли перед восходящим солнцем патера Вильгельма Шмидта, к услугам которого оказался мощный издательский аппарат и дисциплинированная армия ученых попов, опирающаяся на раскинутую по всему миру миссионерскую сеть.

Мы бы, однако, ошиблись, если бы попытались рассматривать этнографию XX века целиком как новое явление, в полном отрыве от предшествующего развития как этой, так и смежных с ней дисциплин. В действительности уже в эволюционистской этнографии XIX века, в археологии, филологии и лингвистике доимпериалистического периода мы можем нащупать те исходные звенья, которые послужили отправной точкой для позднейших антинаучных построений школы «культурных кругов».

Мы не можем пройти здесь мимо тенденций биологизации и одновременно, как это ни кажется на первый взгляд противоречивым, и с и х о л о г и з а ц и и исторического процесса, доминирующих как над эволюционистской этнологией, так и над сравнительным языковедением XIX века. Механистический материализм и позитивизм, являвшиеся методологической базой, на которой развивались английская и американская эволюционные школы, не исключали, а, напротив, предполагали идеалистическое объяснение общественных явлений, корни которых искали в психике индивида — той молекулы, механическая сумма

¹ См. Ztschr. für Ethnologie, S. 28 fig. u. 54 u. fig., 1905.

² P. W. Schmidt. Die kulturhistorische Methode in der Ethnologie. „Anthropos“, S. 1010, 1911.

которых якобы образовывала общество. Германский эволюционизм этого типа в лице своего основоположника и признанного вождя — Бастиана, недаром получил такую суровую оценку со стороны Маркса:

«А. Бастиан, — пишет Маркс Энгельсу 19 декабря 1860 года, — *Der Mensch in der Geschichte*» (три томистых тома, автор — молодой бременский врач, совершивший многолетнее кругосветное путешествие), с его попыткой «естественно-научного» объяснения психологии и психологического объяснения истории, — плохо, сиютатно, бесформенно. Единственно, что хорошо, это сообщаемые местами этнографические oddities. К тому же написано с большими претензиями и уланским языком».¹

Если Морган, который, по словам Энгельса, пришел при сравнении варварства и цивилизации в главных пунктах к тем же самым результатам, что и Маркс,² сумел подняться над ограниченностью эволюционной школы и этим по существу поставил себя вне эволюционной школы и над нею, — то недостатки, отмеченные Марксом в концепции Бастиана, являлись в той или иной мере свойственными всем остальным представителям эволюционизма XIX века.

Установившаяся с первых шагов развития буржуазной этнографии (и археологии) связь между биологическим изучением человеческого вида и изучением явлений общественной жизни человечества создала «комплексную науку — антропологию». Возникновение этого термина, которым до сих пор в Англии и США объединяется ряд социальных и биологических дисциплин, а также наличие целой плеяды ученых, объединивших в своем лице этнографа, антрополога, географа, «доисторического археолога» и лингвиста — специалиста по «экзотическим» языкам (Анучин в России, фон-Душан в Германии, Ж. Монтандон в Швейцарии, Боас в Америке и др.), существование целого ряда научных организаций, подобных русскому «Обществу любителей естествознания, антропологии и этнографии», — все это определялось не только случайным фактом стремления при изучении отдаленных «экзотических» стран одновременно собрать возможно больше разнообразного материала, но и более глубокими причинами, коренившимися в общественном сознании эпохи.

«Естественно-научный метод», являвшийся в период подъема буржуазной этнографии орудием доказательства единства человечества и человеческой культуры, оказался в руках ученых нового типа орудием борьбы против этой идеи, орудием борьбы с материалистической концепцией исторического процесса, орудием борьбы за утверждение идеализма, географизма и биологизма в объяснении исторических явлений.

II

Лео Фробениус, автор «культурно-морфологического» учения, отправляясь, как и последующие основоположники школы «культурных кругов», от работ Ратцеля, в противоположность им не только не отказался от биологизма эволюционистов XIX века, но, напротив, попытался дать законченную методологию народоведения как «естественно-научной дисциплины»³ и гораздо дальше, чем эволюционисты, ушел в эту направленность.

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. XXII, стр. 552.

² Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Партиздат, стр. 5, 1932.

³ Frobénius. Ursprung der Kultur, B. I. Ursprung der afrikanischen Kulturen, особенно — Programm, стр. XI—XV и гл. I Einführung in die Kulturlehre, стр. 3—22, Berlin 1898.

Одним из существенных недочетов эволюционизма (над которым сумел подняться опять-таки один только Морган), под прикрытием борьбы с которым «школа культурных кругов» повела наступление на положительныи выводы эволюционистской этнографии, являлись характерный для нее отрыв отдельных явлений культуры одно от другого, рассмотрение их как независимо возникающие продукты свободного творчества человеческой психики. Эволюция форм хозяйства изучалась изолированно от эволюции форм семьи, общественной организации, материальной обстановки быта, религии, искусства, причем развитие этих элементов культуры рассматривалось как самостоятельно развивающиеся процессы. Так создавались самостоятельные ряды развития форм оружия, жилища, одежды, утвари, религиозных верований, орнамента и т. д. Обоснование для подобного выделения самостоятельных линий развития строилось на взятых из различных обществ примерах, вне всякого учета относительно уровня развития этих обществ, взятых в целом, вне всякого учета взаимосвязанности развития отдельных культурных явлений, определяемого единым процессом исторического развития данного исторически-конкретного общества.

Эволюции отдельных культурных явлений Фробениус противопоставляет «Entwicklungsgeschichte» «культуры», рассматриваемую как естественный биологический процесс. Как и в позднейшей концепции школы культурных кругов, здесь в центре стоит понятие «культуры», причем последняя рассматривается не как накопленный труд человеческого общества, а как самостоятельная метафизическая сущность, стоящая над обществом и человеком, живущая, как некий организм, самостоятельной жизнью, лишь одним из проявлений которой является и общественная организация и материальное производство.

«Существо предмета народоведения, — пишет Фробениус, — лежит в самой органической природе. Культуры живут, рождаются и умирают, они живые существа... Культура — большое тело, и все явления культуры — духовной (семейная и государственная организация, мировоззрение и т. д.) или материальной (орудия труда, оружие, дома, музыкальные инструменты и т. д. и т. д.) суть части этого тела. Как германка, соединившись с германцем, не может родить непритенка, как нос отца повторяется в носе ребенка... так наследуются одни и те же оружие, орудия труда, хижины и т. д.» (там же, стр. XI).

«Каждая культура развивается как живой организм, переживая также рождение, детство, зрелый возраст, старость и, наконец, смерть» (стр. X).

Биологическая аналогия идет дальше. Фробениус разделяет изучение «морфологии культуры» на «морфологическое», «сравнительно-анатомическое» и «физиологическое». «Культурная морфология — учение о внешнем образе культуры (описание формы, этнография), сравнительная анатомия культуры или, проще, анатомия — учение о внутреннем строении или отношении отдельных форм, культурная физиология — учение о формах жизни культуры» (стр. 8).

Соответственным образом классифицируются и отдельные культурные явления: «Как всякое развитое животное имеет органы питания, передвижения, размножения, кроме того — органы защиты и нападения и т. д., так же и каждой человеческой культуре присущ подобный организм. Охота, рыбная ловля, скотоводство, земледелие, индустрия с паразитирующей торговлей образуют органы питания» (стр. 8).

Свое внимание Фробениус сосредоточивает на проблемах отношений

между отдельными культурами, на вопросе смены одной культуры другой, уничтожающей или оттесняющей прежнюю. Это и составляет основное конкретное содержание его трудов как цитируемого, так и позднейшего периода.

Дальнейшая эволюция взглядов Фробениуса привела его к переходу от псевдоматериалистической «биологии культуры» к совершенно фантастическим мистическим, спиритуалистическим представлениям о развитии «культурных форм», к законченно фашистской системе взглядов.

Характерно, что Фробениус явился предшественником и, по существу, учителем широко известного автора «Заката Европы» и «Пруссачества и социализма» Освальда Шпенглера, оказавшего огромное влияние на развитие идеологии германского «национал-социализма». Да и сам Фробениус оказался поднятым на щит в «Третьей империи»,¹ несмотря на то, что его построения, как и построения Шпенглера, несколько отклоняются от официальной догмы гитлеризма, выдвигая примат духа над расой.

С наибольшей полнотой теоретическая платформа Фробениуса освещена в его работе «Paideuma»,² в которой сам автор прослеживает свой путь от «естественно-научного» народоведения своих работ 90-х годов до мистического философствования 20-х годов XX века, суммируя одновременно разбросанные в его предыдущих работах методологические идеи.

В этой книге, как впрочем и в других, перед нами во весь рост встает откровенный и воинствующий реакционер, монархист, с гордостью подчеркивающий, что в числе лиц, раньше всего появивших его идеи и содействовавших его делу, был Вильгельм II, «немецкий император и король Пруссии», одержимый зоологическим немецким шовинизмом и звериной ненавистью ко всему, что стоит на дороге утверждения домогательств этого шовинизма, прямой идеологический предшественник и передовой боец немецкого фашизма.

Впрочем, теоретические взгляды Фробениуса идут по несколько иному руслу, чем официальная фашистская расовая доктрина. И здесь, как и везде, этнографический материал оказывается слишком уж явно гомосующим против нордоманских претензий.

Лео Фробениус вынужден признать, что раса отнюдь не определяет культуру, что нередко высокая и богатая культура наблюдается у рас, рассматриваемых как «низшие», в то время как представители «вышей» расы оказываются носителями несравненно более примитивных форм культуры.³

Фробениус, как и его единомышленник Шпенглер, принадлежит к другому течению фашистской идеологии, заменяющей грубые и прямолинейные схемы вульгарного расизма более сложными и запутанными мистико-спиритуалистическими спекуляциями. Это течение, доминирующее в идеологии итальянского и австрийского фашизма, как известно, начинает заметно завоевывать себе место и в системе гитлеровской идеологии по мере того, как грубо-вульгарный расизм все больше и больше демонстрирует свою нелепость, по мере того, как оказывается

¹ Leo Frobenius. Ein Lebenswerk aus der Zeit der Kulturwende. Dargestellt von seinen Freunden u. Schülern. Leipzig, 1933.

² Leo Frobenius. Erlebte Erdteile. Bd. IV. Vom Völkerstudium zur Philosophie. Der neue Blick. Das Paideuma. 2 erweiterte Auflage. Frankfurt am Main, 1925.

³ Там же, стр. 51.

все труднее вдолбить в головы расово-разнородной массе Третьей Империи «белокурые» идеалы.

На место примата крови в этом течении ставится примат души. Спиритуалистическая субстанция расы оказывается выше ее бранных антропологических признаков. «Духовные» признаки — выпяченная грудь и свирепый взгляд — начинают занимать в творчестве признанных теоретиков расизма более почетное место, чем белокурость и длиннорядность, которые в силу их конкретности и объективности возможно насильствовать только до известного предела.

«Северная душа» новейших расистов, с которой можно делать что угодно, наделяя ею и лишая ее отдельных людей, целые классы и народы по усмотрению начальства, стоит значительно ближе к фробениусовской пайдеуме и фаустовской душе Шпенглера.

Новейшая концепция Фробениуса является прямым развитием его взглядов 90-х годов. Биологическая аналогия, доминирующая в «Ursprung der afrikanischen Kulturen», по существу сохраняется, но сама «биология» изменяет свой характер. Вторжение идеализма в естественные науки, определяемое общим загниванием буржуазной теоретической мысли в «тринадцатый час» капитализма, в империалистическую эпоху, определило путь Фробениуса от «механицизма» к «интуиции», от «материализма» к «метафизике» (там же, 22, 45 и сл.).

Созданное биологами-виталистами (Дриш и др.) понятие «энтелехи»,¹ «жизненной силы», отделяющей мир живых существ непреодолимой стеной от неорганической природы и определяющей невыводимость второй из первой, явилось прототипом понятия пайдеумы (Pai-deuma)² спиритуалистической «формообразующей силы», поднимающей культуру над живыми существами (в том числе и над самими людьми, пассивными «носителями» культуры, (там же, 52) и образующей «третье царство» (drittes Reich, стр. 41), стоящее над органической и неорганической природой.

Пайдеума — это «душа культуры», душа народа, носителя культуры:

«Ибо, как человек должен быть наделен душой, так ею должен быть наделен народ, и поэтому мы можем говорить о пайдеуме народа» (там же, стр. 19).

Спиритуалистический биологизм Фробениуса вырастает в целую фантастическую картину развития культур, растущих, «как живые организмы», из питающей их почвы ландшафта. Пайдеумы делятся на две основные большие категории — это «хтоническая», корневая пайдеума, стремящаяся, как корень растения, вглубь, во внутрь. Ее признаками являются: «Höhenvorstellung» [трудно переводимый термин, который, пожалуй, лучше всего передать словами «представление о мире, как о пещере»,³ фаталистическая вера в предопределение, судьбу (кисмет), волшебство, господство слепой случайности].

¹ Ганс Дриш. Витализм. Его история и система. (См. особенно стр. 254 и сл.) Авторизов. пер. А. Г. Гуревича. Москва, 1915.

² Ср. употребление термина энтелехия для определения пайдеумы у Фробениуса, цит. соч., стр. 19 и др.

³ Подразумевается представление о мире как о замкнутой пещере (ср. цит. соч., стр. 104), которое, по мнению Фробениуса, свойственно не кому иному, как кочевникам Востока, не имеющим жилища, а закрывающимся от внешнего мира лишь шатром, являющимся «семейной одеждой» (Familienkleid, стр. 207). «Человек Востока живет в мировой пещере (Welthöhle). Он не знает внешнего мира. Его шатер — не внутреннее, а лишь нейтральная промежуточная перегородка, в которую он на время

Это «восточная» пайдеума. Ей противостоит «западная», «стеблевая» пайдеума, стремящаяся, как стебель растения, вверх, к солнцу. Западной пайдеуме присуще «Weitenvorstellung» (антитеза Hohnvorstellung), термин, который можно передать словами «представление о мире как о дальях», свободная воля и индивидуальность. На ряду с этим делением, в соответствии с виталическим биологизмом Фробениуса, выступает деление пайдеум на «мужские» и «женские».

История человечества это истории взаимодействия этих пайдеум, вступающих между собой, как и подобает мужским и женским особям, в половую связь. Из оплодотворения мужской «Inlandkultur» («культурой внутренних частей страны») и женской «Küstenkultur» («береговой культуры») рождаются «высшие культуры» («Hochkultur», там же, стр. 266 и сл.).

Так, германская, северная мужская культура оплодотворила женскую культуру береговых областей Западной Европы и вызвала к жизни «западную пайдеуму», ярче всего выступающую, как и следует ожидать, в Германии (Фробениус отождествляет свою «западную пайдеуму» с «фаустовской душой» Шпенглера).

Для нас важно выяснить взгляд Фробениуса на взаимоотношение пайдеумы и расы. Эти понятия отнюдь не оказываются изолированными в его концепции, как казалось бы из приведенной выше цитаты. Наоборот, они теснейшим образом оказываются связанными между собой, причем пайдеума оказывается и расообразующей силой. «Das Paideuma bildet Rassen... Das Paideuma bedingt die Rasse». «Пайдеума формирует расу... Пайдеума обуславливает расу» (там же, стр. 213).

Таким образом, «дух» и «кровь» оказываются неразрывно связанными, с приматом «духа».

И совершенно ясно, что узловая линия противоречия «восточной» и «западной» пайдеум проходит там же, где воинствующий германский фашизм видит линию своих противоречий со своими соседями. Франция и СССР — вот носители ненавистной «восточной» пайдеумы (география в данном случае, конечно, игнорируется). «Восток» с его «лещерным сознанием» и прочими «ужасами» со всех сторон окружает носителей «западной пайдеумы», с ее «стремлением в даль» (столь явно выступающим в империалистических претензиях фашистской Германии).¹

Стремление теоретически обосновать закономерность, фатальную, спиритуалистически-биологическую предопределенность расширения «жизненного пространства» (Lebensraum) Германии, т. е. империалистическую агрессию, в сущности говоря, составляет основное содержание путаного, фантастического, но весьма последовательного в конечных политических выводах трактата Фробениуса. Перед нами законченное фашистское произведение, знаменующее один из конечных этапов загнивания и фашизации буржуазной науки.

III

Работы Фробениуса 90-х годов явились истоками нового течения расоведения — «культурно-исторической школы» или «школы культур-

облакается как в свою одежду. Человек Запада, напротив, живет в доме. Ему соответствует чувство внутреннего (Innengefühle), и отсюда может развиваться чувство внешнего. Это внешнее есть пространство бесконечности. Так «образуется мировая даль» (Weltweit) (цит. соч., стр. 203—209).

¹ О «восточной» душе французов см. там же, стр. 211, 214 сл. и др.

ных кругов», основателем и крупнейшим методологом которой справедливо считается недавно умерший Ф. Гребнер.¹

Гребнер должен быть отмечен нами особенно потому, что в его теории скрестились наметившийся после Ратцеля путь развития этнологии с путем развития буржуазной исторической науки конца XIX и начала XX века. Если, с одной стороны, учение Гребнера не может быть в своем историческом развитии оторвано от географизма Ратцеля и культурной морфологии Фробениуса, то с другой — оно является переносом в область этнографии методологии одного из новейших ответвлений идеалистической философии — неокантианства риккертского толка.

Если Фробениус, не порывая с биологизмом эволюционистов XIX века, дает биологической аналогии новое направление, и развитие его взглядов отражает реакцию в области естествознания, переносимую им, а за ним и Шпенглером, в сферу общественных наук, — гребнеровская теория отражает ту же реакцию в области истории, перенесенную в сферу этнографических изысканий.

Школа Риккерта, с ее противопоставлением естествознания (которому одному будто бы присущ метод генерализации, обобщения, ставящий своей целью вскрытие общих закономерностей) истории, оперирующей методом индивидуализации, описательной фиксации исторических явлений, всегда индивидуальных, неповторимых, не подлежащих обобщению, — определила развитие взглядов Гребнера.

«Действительность становится природой, когда мы рассматриваем ее в отношении к общему, она становится историей, когда рассматриваем ее в отношении к индивидуальному».²

Отказ от генерализации (сам по себе являющийся «генерализацией» особого порядка) составляет основное зерно гребнеровской теории. В противоположность Фробениусу и его «естественно-научному народоведению» он выступает с резко отрицательной оценкой «естественно-научного» направления в этнологии, защищая понимание этнологии как исторической дисциплины.

Этот — формально правильный — тезис в устах риккертянца Гребнера на деле означал фактический отказ от истории, отказ от идеи развития вообще, перенос центра тяжести исследования на анализ пространственного распределения культурных явлений. Вместе с тем этот тезис подводил теоретическую базу под априорный постулат Ратцеля, на котором строилась антиэволюционистская, гегр. антиморгановская аргументация. В самом деле, если история не знает общих закономерностей, если все в ней индивидуально и неповторимо, то чем, как не признанием распространения из единого центра индивидуально, однократно возникшего культурного факта, можно объяснить бесконечное множество параллельных, часто до деталей сходных явлений в культуре самых различных народов?

Так, «отказ от генерализации» превращается на деле в универсальную генерализацию; кажущийся академический агностицизм оказывается прикрывающим историческую концепцию, содержащую отрицание внутреннего развития человеческих обществ и «культуры» и сводящую историю человечества к пространственному перемещению «культурных комплексов», их взаимодействию и механическому смещению, па

¹ См. некрологи А. М. Золотарева в Советской этнографии № 1, 1936 и I. Lipp's, в „Americ. Anthropologist“, № 2, 1935.

² Риккерт. Естествознание и культуроведение, стр. 25. СПб., 1903. О границах естественно-научного образования понятий, там же, стр. 220.

базе которого в дальнейшем возникают «высокие культуры» («Hochkulturen») Востока и Запада.

В основу метода исследования взаимодействия культур Гребнером был положен «критерий формы»,¹ являющийся наглядным выражением идеалистически-формалистической основы его методологии, характеризующей отрывом формы культурных явлений от их общественного содержания и сосредоточением всего внимания на исследовании формы. «Критерий формы» дополняется «критерием количества»,² т. е. установлением наличия на определенной территории ряда различных явлений, формально тождественных с рядом явлений другой территории, что позволяет объединить оба указанные комплекса предметов в один «культурный круг».

Как у Ратцеля и Фробениуса, так и у Гребнера все построение базируется на картографировании культурных явлений. Гребнера совершенно не интересует реальная связь отдельных явлений в культуре конкретных человеческих обществ. Для него оказывается вполне достаточной констатация географической корреляции ряда выдержавших «критерий формы» явлений, чтобы сконструировать соответственный «культурный круг».

Однако как историк, Гребнер не может обойтись без хронологии. И здесь, вопреки опять-таки своему «отказу от генерализации», он базируется на генерализации особого рода, — на гипотезе распространения различных культурных кругов из одной общей зоны, помещаемой им где-то в Южной Азии. Отсюда, расположенные наиболее периферически от этого центра культуры оказываются наиболее древними.

В результате, сперва на материале Океании,³ а затем распространив свои выводы на всю эйкумену, Гребнер дает следующую схему хронологического распределения культурных кругов.

Древнейший слой образуют наиболее периферически расположенные культуры: 1) тасманийская культура, являющаяся самой древней, 2) культура «бумеранга», или древнеавстралийская и ее аналоги в Южной Азии, Африке и Южной Америке и 3) культуры охотников Арктической и Субарктической полосы.

Вслед за ними следуют, с одной стороны, патриархальные охотничьи и скотоводческие культуры (к которым он относит в Океании — «тотемическую» культуру и более позднюю — полинезийскую, культуры скотоводов Южной, Восточной и Северной Африки и Центральной Азии и, наконец, древнейшие слои «индо-германской культуры»), с другой стороны — «древние» и «новые матриархальные культуры», характеризующиеся мотыжным земледелием и в Океании представленные матриархальной «двухклассовой» культурой и «меланезийской культурой лука».

Продуктом смешения этих обонх ветвей «культурной генеалогии» оказываются «высокие культуры» Старого и Нового Света.

Каждая из культур характеризуется совершенно механически сконструированным набором признаков, по преимуществу из области материальной культуры. Так, для «тотемической культуры» оказывается характерным, помимо тотемизма, футляр для penis'a, круглые островерхне хижини, деление на экзогамные патриархальные локальные груп-

¹ F. Graebner, Die Methode der Ethnologie, стр. 78, Heidelberg, 1911.

² Цит. соч., стр. 94.

³ См. Ztschr. für Ethnologie, стр. 28 и сл., 1905.

ны и т. д.¹ Для двухклассовой культуры характерны жилища с двускатной крышей, особые формы плетения корзин, земледелие, двухклассовая организация общества, матриархат, маски и т. д. (там же, стр. 453). Для «культуры лука» — лук, свайные постройки, земледелие, матриархальная большая семья и т. д. (там же, стр. 455 и сл.).

Отказ от внутреннего анализа развития каждого конкретного общества, перенос центра тяжести на изучение формальных признаков «культур» в их географическом распространении, формально-механическое конструирование «культурных кругов» без попытки вскрыть внутреннюю социальную связь составляющих каждый «культурный комплекс» элементов, — все это создает широкий простор для всякого рода фальсификаций исторического процесса, для совершенно произвольных априорных исторических (вернее, антиисторических) конструкций, которым могла быть весьма легко придана наукообразная внешность при помощи метода Гребнера.

Неокантианство Гребнера широко открыло двери откровенной поповщины. Метод Гребнера оказался истинным кладом для католических этнологов, во главе с патером Вильгельмом Шмидтом. Достаточно весьма незначительной операции над схемой Гребнера, чтобы она заговорила ортодоксально католическим языком, языком фидеистической апологетики капитализма.

Весьма ловко на место «тасманийской культуры» Гребнера была поставлена «пигмейская культура» Шмидта.² В культуре африканских негриллей и негритосов Азии, являющейся продуктом очень долгой истории, в течение которой эти относительно примитивные по своему хозяйственному укладу племена подверглись сильному воздействию окружающих их высокоразвитых земледельческих обществ, даже вошли в состав языковых групп, к которым принадлежат окружающие их народы, — в культуре этих пигмеев, у которых примитивность хозяйственного уклада сочетается с наличием таких, весьма поздних по своему происхождению явлений, как употребление лука (что объективным исследователем не может быть расценено иначе как весьма своеобразное, сложное, сочетание различнейших стадияльных напластований), В. Шмидт нашел столь удобное его поповскому католическому мировоззрению «детство человечества», которое в соответствии с библейским мифом характеризуется господством моногамной семьи и верой в единого бога.

В итоге вся схема исторического развития, вся история человечества превратилась, в полном соответствии с библейской традицией, в историю борьбы этих, богом данных идеальных особенностей древнейшего человека со всякого рода позднейшими, идущими, очевидно, от «лукавого», явлениями в области семейного и общественного быта и идеологии.

У истоков человеческой истории³ были поставлены «пракультуры» («Urkulturen»), т. е. культуры примитивных собирателей (Pygmäische Sammelstufe), характеризуемые моногамно-эзогамной организацией брака, господством индивидуальной семьи как основной общественной единицы и «первобытным монотеизмом», наиболее чистым представи-

¹ F. Graebner. Ethnologie. Die Kultur der Gegenwart III Teil V Abt. S. 451 Lpz. — Berlin 1923.

² P. W. Schmidt. Die Stellung der Pygmäenvölker in der Entwicklungsgeschichte des Menschen, Stuttgart 1910.

³ P. W. Schmidt u. P. W. Koppers. Völker u. Kulturen. Regensburg 1924.

телем которых являются «центральные пракультуры» — культуры упомянутых пигмеев.

За ними следуют «Primärkulturen» (первичные культуры), с делением на три основных направления развития: 1) тотемическая патриархально-охотничья культура Океании, Африки и Америки, 2) экзогамно-матриархальная, мотыжно-земледельческая культура Меланезии, Центральной Африки и Америки и 3) скотоводческо-кочевая (nomadisch-viehzüchterische) патриархальная культура кочевых народов Старого Света. Позднейшие «вторичные» и «третичные» культуры рассматриваются как результат смешения рассмотренных выше.

Хотя Гребнер и выступил против подобного искажения своего метода,¹ в частности — против теории «прамонотеизма», однако, по существу, Шмидт лишь продлил намеченную Гребнером линию и сделал то, чего не доделал создатель теории «культурных кругов».

Отказ от концепции единства исторического развития человечества, свойственной эволюционизму XIX века, дал широкую возможность рассматривать любое, в зависимости от вкусов автора, явление как первичное, свойственное человеческой пракультуре или как ограниченное определенным культурным кругом чисто локальное явление, распространение которого за пределы этого культурного круга всегда могло быть представлено как результат позднейшей диффузии или миграции.

И если В. Шмидт предпочел в соответствии с интересами представляемой им общественной группы «культ верховного существа», моногамию и пр. представить как элементы «пракультуры», матриархат и прочие неприятные явления — как элементы локального порядка, элементы определенного культурного круга, — то в этом помог ему не кто иной, как сам Гребнер.

Интересующий нас вопрос, вопрос отношения расы и культуры, нашел мало отражения в работах Гребнера. Мало его касается и Шмидт. Неокантианская концепция первого и католическая — второго определили скептическое отношение к рьяющимся в тогу «дарвинизма» теоретикам расовой теории.

В своей сводной работе *Ethnologie*² Гребнер ограничивается весьма краткой экспозицией своего взгляда на этот вопрос:

«Для решения проблемы, связано ли распространение какой-либо культуры с переносом ее благодаря более или менее значительному переселению народов, или оно нашло себе путь благодаря передаче от одного народа к другому, помимо лингвистической связи и сильнее или слабее заметной внутренней связи самой культуры, имеют значение также и соматические отношения».

Это весьма сдержанное заявление не позволяет, конечно, отнести Гребнера к приверженцам расизма. Разумеется, нельзя отрицать, что в известных случаях антропологические данные, конечно, при весьма критическом отношении к ним, могут быть использованы для установления факта миграции.

Для уяснения позиции Гребнера в интересующем нас вопросе весьма существенна его работа «Thor und Maui»,³ в которой он полемизирует с теорией северного происхождения индо-европейцев (см. стр. 116, в частности — прим. 2) и объяснения черт сходства между древне-германской и полинезийской мифологией миграцией из Северной Европы в По-

¹ Ср., напр., его *Das Weltbild der Primitiven*. S. 144, München, 1924.

² *Kultur der Gegenwart*, III, V, S. 563.

³ *Anthropos*, XIV—XV, H. 4, 5, 6, S. 1115, Jg. 1919, 1920.

линеию. Гребнер объясняет происхождение этих параллелей не единством общественной основы, на которой возникли эти мифы, как это сделали бы мы, а их общим центрально-азиатским происхождением. Если, таким образом, Гребнера нельзя обвинить в примысливаемой «пордизме» и в сознательном «расизме», то по своему существу, методологически его концепция демонстрирует нам линию с в. з. и между «школой культурных кругов» и расовой теорией в ее обнаженных формах.

Это сходжение не только и не столько в непосредственных высказываниях по вопросу о расе и культуре, сколько в основном тезисе культурно-исторической школы об индивидуальности, неповторимости каждого культурного факта и комплекса, в объяснении каждого их проявления на различных территориях, как результата миграции — будь то «миграция», «диффузия культуры» или переселение народа, носителя культуры.

Отсюда только один шаг до утверждения об индивидуальной расовой или духовной субстанции каждой культуры, и этот шаг делает школа культурных кругов на новейшем этапе ее развития, отражая общий процесс фашизации буржуазной науки.

Таким образом, путь от Ратцеля лежит не только через Фробениуса к Освальду Шпенглеру, но он также проходит от того же Ратцеля, через Гребнера и патера Шмидта к Освальду Менгину, на воззрениях которого нам предстоит остановиться.

IV

Фашизация школы культурных кругов с особенной отчетливостью выступает в трудах Менгина, обосновывающего теорию культурных кругов археологическим материалом и пытающегося дать общий исторический синтез, нарисовать методом В. Шмидта «всемирную историю каменного века».¹

О. Менгин намечает три основные линии развития человеческой культуры, у истоков которых, соответственно схеме В. Шмидта, стоит «пигмейская деревянная культура» (*pygmäische Holzkultur*), предшествующая употреблению камня в человеческой технике (указ. соч., стр. 481 и сл., 490).

Тремя руслами, на которые дифференцируется «пигмейская культура», являются «культура отщепы» (*Klingenkultur*), куда он относит в нижнем палеолите (по его терминологии — «протолит») дошелльскую культуру, культуру мустьерскую («поздний протолит») и ряд культур в Северной Африке, Азии, Австралии и Тасмании и даже Америке (без указаний, однако, в последнем случае на конкретные находки). В верхнем палеолите («миолит» по терминологии Менгина) он проследживает «культуру отщепы» в ориньякской, солютрейской и мадленской культурах, в так называемой «свидерской культуре» Польши и Румынии, культуре азийской, гримальдийской и в целом ряде северо- и восточноевропейских культур (Костенки, Гонцы), в капсийской культуре Европы и Африки, в ряде районов Центральной и Южной Африки, в Сирии, в Центральной Азии, в Индии и в Сибири (красноярская и верхоленская культуры). Она зародается в Центральной Азии, но уже в «протолите» оказывается наиболее сильно представленной в Центральной и Западной Европе.

¹ Oswald Menghin. Weltgeschichte der Steinzeit. Wien, 1931.

Вторую линию развития дают культуры «ручного рубила» («Faustkeilkulturen»), к которым в «протолите» Менгин относит шалосскую (Challossien), шелльскую и ашельскую культуру в Европе, ряд находок в Сомали, в Кении, на Нигере, в Южной Африке и в Передней Индии (мадрасская культура), в «миолите» — ряд венгерских «протосолотрийских» культур (Ondratite, Szeleta, Hamot и др.), преждемостскую культуру, в СССР — культуру Мезинской стоянки, раннее Кампаньи, раннегубанскую культуру в Сомалиленде и раннетумбскую (Frühumbien) в Конго и целый ряд культур Европы, Африки и Азии, примикающих к трем последним культурам.

Центром возникновения этой культуры Менгин считает Индию.

Третью линию образуют «культуры кости» (Knochenkulturen). Сюда в «протолите» он относит в Центральной Европе вильдкирхскую и вельденскую культуры, в Южной Азии — пещеру Villa surgam и находки из Гува Лава на Восточной Яве. Кроме того, сюда же он относит ряд находок в штате Небраска в США.

В «миолите» «культура кости» оказывается не на много богаче находками. Сюда к чистой костяной культуре Менгин относит шигирскую культуру (близ Свердловска на Урале) и культуру Кунда в Эстонии (на берегу Финского залива). К смешанным относятся культуры типа Маглемозе. В «эпимиолите» и «опсимиолите», т. е. в пережиточных «миолитических» культурах («доживающих в северной России до времени металлов, а в Сибири — до наших дней»), он видит «культуру кости» в «раннеарктической» культуре в Скандинавии, Финляндии, Эстонии и «Северной России», в «позднеарктических» «Kammkeramische Kulturen» (обычно называемых культурой «ямочно-гребенчатой керамики») и в ряде сибирских культур (Angarakultur). Возрождается эта культура, согласно Менгину, где-то в субарктической полосе Сибири.

Эти три основные русла развития соответствуют трем основным направлениям схемы Гребнера и кардинала Шмидта, которые Менгин обозначает как: 1) тасманоидная (экзогамия с половым тотемизмом В. Шмидта), тасманийская культура Гребнера, 2) австралоидная (экзогамно-равноправная культура В. Шмидта, культура бумеранга Гребнера) и 3) эскимоидная культура.

Если «деревянная культура» соответствует культуре пигмеев, то «культура клинка» — культуре тасманийцев, юго-западных австралийцев и огнеземельцев Ямала, «Faustkeilkultur» — культуре австралийцев, ряда племен Индии, Верхнего Нила, Центральной Африки, алгонкинов, калифорнийских индейцев и ряда южно-американских племен. Наконец, костяная культура якобы находит себе прямое соответствие в культуре охотничьих племен крайнего севера Америки и Азии, в «эскимоидной культуре».

Если, как мы видели, в концепции Гребнера и В. Шмидта последующие «Primärkulturen», вторичные и третичные культуры, а тем более «высокие культуры» являются продуктом смешения «пракультур», то Менгин делает шаг дальше: три наметившихся в «прото-» и «миолите» направления развития прослеживаются им как самостоятельные бы е, хотя и взаимодействующие культурные стволы на всех последующих стадиях истории человечества.

В «протонеолите» Менгин находит также три культуры: 1) «культуру свиноводов», или примитивных мотыжных земледельцев, сменяющуюся затем jungpflanzlerische Walzenbeilkultur, являющуюся прямым продолжением «австралоидной культуры рубила», 2) культуру «пастухов рога-

того скота», куда он относит энеолитические культуры типа Анау I — развитие «тотемической культуры отщепен», в свою очередь восходящую к «тасманоидной культуре отщепен» и 3) «культуру ездовых животных», восходящую к «костиной культуре».

Эти культуры, которые у В. Шмидта фигурируют под названием «Primärkulturen», у Менгина выступают под именем ранних и средних «племенных культур» («Stammkulturen»). Они, как и в схеме Гребнера и Шмидта, являются результатом взаимодействия первичных культур («Urkultur» Шмидта, «Grundkultur» Менгина) и сами взаимодействуют между собой, сохраняя, однако, преемственность основных направлений. Наибольший интерес представляют дальнейшие этапы истории в концепции Менгина, где он уже почти вполне самостоятелен и где, вместе с тем, политический смысл теории выступает особенно отчетливо.

Культура мотыжных земледельцев и свиноводов с шлифованным топором дает в «миксоэнеолите», т. е. собственно в энеолите и в эпоху металлов, «крестьянскую деревенскую культуру». «Культура пастухов рогатого скота» — «городскую культуру господ» и, наконец, культура пастухов ездовых животных, культура коневодов дает «степную культуру пастухов-воинов».

Таким образом, общественная дифференциация оказывается по Менгину отнюдь не результатом внутреннего расчленения дошедшего до определенного этапа развития общества. Она является результатом смешения на общей территории «городской культуры господ» и «деревенской культуры крестьян» или «городской культуры господ» и «степной культуры воинов-пастухов» или, наконец, всех трех культур вместе.

Это наглядно иллюстрируется заимствуемой нами у Менгина схемой.

Ранняя основная культура	Пракультура		
Средняя основная культура	Пигмейская деревянная культура		
Поздняя основная культура	Эскимондная культура кости	Тасманоидная культура отщепен	Австралоидная культура рубила
Ранняя племенная культура	Древнескотоводческая культура	Тотемическая культура отщепен	Древнеземледельческая культура рубила
Средняя племенная культура	Коневодческая культура наездников	Культура пастухов рогатого скота	Новоземледельческая культура шлифованного топора
Поздняя племенная культура	Степная культура воинов-пастухов	Городская культура господ	Деревенская культура крестьян
	Культура кости или эскимондно-скотоводческое направление	Культура отщепен или тасманоидно-тотемическое направление	Культура рубила или австралоидно-земледельческое направление

Я позволю себе сразу же привести для сопоставления другую схему Менгина.

Эоморфные	Прачеловек		
	Пигмеев		
Протоморфные	Ариетонды ¹	Иманонды ²	Юйнонды ³
Архиморфные	Сибириды ⁴	Европеонды ⁵	Меланиды ⁶
Метаморфные	Алтайды ⁷	Индиды ⁸	Палаунгиды ⁹
Миксоморфные	Тураниды ¹⁰	Пордиды ¹¹	Тауриды ¹²
	Амеразийское направление	Евразийское направление	Тропазийское направление

Схема почти не требует комментариев. В ней каждому направлению развития культуры соответствует определенное направление развития антропологического типа; больше того, каждая культура имеет соответствующую расу.¹³ Схема совпадает настолько «точно», что автору поистине можно позавидовать. Хотя автор и сопровождает свою схему необходимыми для сохранения академического декораума оговорками о «лакунах в наших знаниях» и т. п., хотя и отмечает, что на поздних ступенях развития, в результате общего смешения, трудно установить непосредственную связь между культурой и расой, однако, он четко подчеркивает последовательность «иманондов» культуры отщепя и европеоидов и протосемито-хамитов, единство типа носителей «культуры кости» — сибиридов-уралоалтайцев и, наконец, носителей раннеземледельческой культуры рубила — меланидов-протоавстробанту.¹⁴

Центральная линия развития — иманондно-нордоидная в отношении расы, тасманондно-«господская» в отношении культуры. Северный тип, сложившийся в верхнем палеолите, оказывается прочно связанным

¹ Разумеется эскимондный тип.

² Разумеется некий тип, устанавливаемый у огузземельцев, австралийцев и тасманийцев и рассматриваемый как «пренеандертальский».

³ Разумеется австралоидный тип как таковой, сопоставляемый с неандертальским.

⁴ Короткоголовые расы верхнего палеолита (тип черепов из Пржедмоста и Грелье).

⁵ Длинноголовые расы верхнего палеолита — кроманьонцы, раса Шонсепад, в палеолите и в историческое время известна как «Северная раса» (подчеркнуто Менгином).

⁶ Негроидные типы Южной Азии, Индонезии, Меланезии, к которым автор относит и некоторые находки из европейского верхнего палеолита (Бриг III и др.).

⁷ Тип тюрко-монгольских и самосских народов Северной и Центральной Азии.

⁸ Расовый тип дравидов, особенно Тола, эфиопский тип в Африке и др. К этому типу автор относит остатки черепа из Алау I. Длинноголовый и слегка прогнатный тип.

⁹ Одни из типов населения Юго-Восточной Азии характеризующийся темной окраской, короткоголовостью, ростом ниже среднего, альвеолярным прогнатизмом и т. д., к которому автор относит тип народов Мон-Хмер, тип «Пукуму» у японцев и т. д. и один череп, найденный в раннеземледельческой культуре в Европе (в Плау, в Мекленбурге).

¹⁰ Китайская раса, полинезийцы, малайцы, нубийцы.

¹¹ Средиземноморцы, восточная раса Деникера, восточная раса Фишера и др.

¹² Арменоиды, динарцы.

¹³ Негроидные особенности, в частности, черная окраска кожи рассматриваются Менгином как архаическая, присущая *Urmensch*, черта. Развитие идет по линии отхода от негроидного типа. См. стр. 593.

¹⁴ Цит. соч., стр. 594. О связи расы с языком и культурой, ср. стр. 613—614.

с «культурой господ». И если в северной Европе посетителями этого типа являются по Менгину также и представители «северной крестьянской культуры», то как это можно понять иначе, как не попытку в том синтезе «северной крестьянской культуры» с «городской культурой господ» и с «культурой воинственных кочевников», с общим антропологическим типом («нордицами-господами»), который Менгин пытается приписать германцам, видеть высшую форму единства культуры, расы и языка (Volkstum), которого достигло человечество в результате всего своего исторического развития?

Этот увенчивающий историю развития человечества синтез противопоставит, с одной стороны, кочевникам-воинам, воинственным разрушителям культуры, потомкам носителей «культуры кости», с другой — отсталым «тропазиатам», примитивным земледельцам колоний.

Политическая тенденция схемы Менгина выступает совершенно отчетливо: 1. Не история классов, а история культур и рас определяет развитие человечества, а возникновение классов есть результат наслонения одной культуры на другую.¹ 2. Есть одна генеральная линия развития, линия развития высшей «европеоидной расы», к которой относится прежде всего «северная раса», носительница «культуры господ», и очень немногие из других европеоидных типов. 3. Высшим продуктом исторического развития является «северная культура», сочетавшая в себе, в гармоническом единстве все лучшее, созданное всеми тремя «миолитическими» культурами² «крестьяне — воины — господа» великолепной «северной расы».

Перед нами законченно фашистская концепция, в которой теория культурных кругов выступает в «гармоническом единстве» с расовой теорией.

Все построение Менгина основано на грубейших натяжках, выступающих еще более резко, чем у Шмидта и тем более Гребнера.

Верный Шмидту археолог Менгин, вопреки всем археологическим фактам, прокламирует «пигмейскую культуру» как культуру «детства человечества». В своей аргументации Менгин уподобляется ловкому хозяину паноптикума из известного анекдота, который заявляет, что зритель ничего не видит потому, что панорама изображает битву негров в новолуние на Черном море. Ибо, как можно спорить с автором, доказывающим существование пигмейской культуры у истоков человеческой истории тем, что от нее ничего не осталось, «так как она была деревян и о й» (в том числе, очевидно, и сами пигмеи), стыдливо обходя вопрос о том, что «каменную» культуру рослых обезьяно-людей мы хорошо знаем с самого начала четвертичного периода.

Автор конструирует линии «культуры кости», «культуры рубила» и «культуры отщеп», вопреки установленному новейшими исследователями факту, что рубила в е з д е составляют лишь незначительную часть инвентаря, представленного главным образом орудиями из отщеп; что они появляются в «культуре отщеп» на определенном этапе ее развития, а на следующем этапе, в эпоху Мустье, исчезают, что в большей части культур верхнего палеолита, кремневые орудия из отщеп служат по преимуществу орудиями для изготовления костяных орудий и

¹ Ср. лит. соч., стр. 473 — 474.

² Die hervorstechendste Eigentümlichkeit der nordischen Kulturen besteht darin, dass sie den lokalen Untergrund, der aus allen drei mioлитischen Hauptkulturen harmonisch zusammengesetzt ist, mit grosser Zähigkeit festhält (лит. соч., стр. 474).

что, если уж говорить о культуре кости, то к таковой, конечно, должны быть отнесены в первую очередь культуры типа Ориньяка и Мадлена, которые тенденциозная схема автора относит к «избранной» *Klingenkultur*.

Натяжки и передержки автора ярко выступают в том, что свои культуры «кости» во всем палеолите и «рубилы» в верхнем палеолите он выводит из изолированных, плохо датированных, случайных и весьма спорных находок или подгоняет под эту категорию стадияльно несопоставимые культуры. Так, Кампиньи, отражающая переход к земледельческому неолиту, ставится в одну группу с мезинской культурой, совершенно произвольно вырываемой, как и ряд центрально-европейских культур, из комплекса культур ориньякско-солотрейского облика.

Эти грубые передержки здесь выступают особенно резко, так как на деле культуры всей палеолитической эпохи, поистине в мировом масштабе, дают нам неопровержимую картину единства типа хозяйственного и культурного развития человечества в эту эпоху, и только при помощи операций с позднейшими культурами, произвольно зачисляемыми Менгином в «пережиточно-миолитические», с плохо датированными изолированными находками, да с произвольным отнесением совершенно однотипных культур к разным линиям развития, Менгину удается справиться со своей малопочтенной задачей фальсификации действительной истории.

Для более позднего периода Менгин применяет «обратный» прием. Огромное многообразие местных разновидностей неолитической и раннеметаллической культуры, вызванное освоением человеком на этом этапе разнообразнейших географических областей, требующих при единстве стадий общественного развития разнообразия форм хозяйственной деятельности, он втискивает в свои антропоцентрированные три русла, упуская или рассматривая как «пережиточно-миолитические» такие богато представленные и своеобразные культурные районы, как районы береговых охотников и рыболовов, как многообразные типы примитивно-земледельческих обществ, как общества высших охотников неолита и т. д. и т. п. Как и для «миолита», Менгин с достойной лучшего применения решимостью превращает явления разных стадий в параллельные ряды развития и раннеметаллическую культуру типа Анау, вырастающую на базе предшествующей длительной истории примитивного мотыжного земледелия, рассматривает как параллельную примитивно-земледельческим культурам раннего неолита.

Впрочем, вскрытие всех подтасовок нашего автора заняло бы слишком много места. Сказанного достаточно, чтобы констатировать полную антинаучность схемы Менгина, основанной на тенденциозной фальсификации исторической действительности. Налицо подтасовка фактов и в антропологических рассуждениях автора. Так, вопреки фактам, на одном (!) мало достоверном черепе он строит единство «деревенской культуры» и «юноиндно-меланидонного» направления развития расового типа, совершенно игнорируя единство расового типа населения городов и деревень эпохи древних цивилизаций. Менгин пытается весь круг переднеазиатских короткоголовых рас, являвшихся в свое время созидающими цветущей городской цивилизации, поставить в стороне от линии развития «городской культуры господ» на основании всего лишь одного (!) черепа из Анау I.

Со всей откровенностью реакционный, фашистский характер концепции Менгина выступает в его недавно вышедшей вторым изданием книге «Дух и кровь».¹ В этой книге автор открыто подчеркивает актуально-политическое значение вопросов первобытной истории. Менгин не на все это процентов согласен с немецкими расовиками. В попытке антропологов-расистов поставить «кровь» на первое место и сделать ее определяющим культурой фактором Менгин видит проявление ненавистного ему материализма, против которого он направляет все свои стрелы.

«В духовной борьбе, которую ведет современное человечество, — пишет он. — важнейшим звеном является борьба против материализма. Это стоит величайших трудов... полем борьбы служит, по крайней мере сегодня, историческая наука» (стр. 14).

Определяющим культурой фактором по Менгину является дух. «Es ist der Geist, der sich den Körper baut», «дух формирует расу»!

Это, впрочем, для нас не ново. Мы выше показали, что такого же взгляда держится и Фробениус. Но, формируя и определяя расу, дух оказывается неразрывно с ней связанным. И в силу этого, вне зависимости от «принципиальных расхождений» с антропофашистами, Менгин приходит к тем же политическим выводам, что и эти последние, выступая поборником борьбы за расовую чистоту, и полностью одобряет соответствующие практические мероприятия немецких фашистов. Как и они, Менгин откровенный и последовательный антисемит, пропагандист выселения евреев из германских стран в Палестину или куда угодно.

«Несогласие» Менгина с фашистскими антропологами — это «спор между друзьями».

Менгин сам подтверждает это, говоря, что «их (теоретиков расизма) ошибкой является переоценка значения в человеческой жизни материалистически трактуемого понятия расы, в силу чего затушевывается верховное господство человеческого духа. Однако, здесь и имеет место скорее недоразумение, чем система ошибочных взглядов» (там же, стр. 53).

Концепция Менгина и концепция Фробениуса, по существу, являются лишь разными оттенками расовой теории. «Расизм духа» и «расизм крови» взаимно дополняют друг друга. Их «разногласия» определяются чисто местными условиями, а не принципиальным расхождением.

V

Чтобы покончить с теорией культурных кругов, мы должны остановиться еще на одном, несколько своеобразном, представителе этой теории, на Монтандоне.

Еще в 1914 г., солидаризовавшись с школой «культурных кругов» и приняв ее метод для исследования африканского оружия² (характерно, что эту же тему избирали проблемным камнем для своего метода и Ф. Ратцель³ и его последователи — Лео Фробениус⁴ и Б. Анкерманн⁵),

¹ O. Menghin. Geist u. Blut. Grundsätzliches um Rasse, Sprache, Kultur u. Volkstum. II Aufl. Wien, 1934. См. рецензию А. М. Золотарева „Антр. журн.“, № 1, 1935.

² См. его статью в „Archives suisses d'Anthropologie générale“. № 1—4, 1914.

³ Die geographische Verbreitung des Bogens u. der Pflle in Afrika, 1887.

⁴ Der Ursprung der afrikanischen Kulturen. Berlin, 1898.

⁵ Kulturkreise u. Kulturschichten in Afrika. Zeitschr. für Ethnologie, 1905.

Монтандон в 1934 г. выступил с обширной обобщающей работой, посвященной проблеме «культурного алогенеза».¹

Ж. Монтандон, как известно, является автором другого обширного труда, выпущенного им в 1928 г.,² в котором он прилагает теорию «ологенеза», впервые выдвинутую в биологии итальянским исследователем Роза³ к антропологическому материалу, пытался на ее основе разрешить проблему происхождения человека и человеческих рас.

Некоторые из основных положений этой теории — в первую очередь положение, опирающееся установившееся в биологии представление о возникновении отдельных видов организмов в определенных ограниченных центрах и последующем их расселении из этих центров по всей площади из позднейших ареалов; положение, утверждающее спонтанное возникновение однотипных организмов на всей территории, где действуют условия, определяющие процесс трансформации их предшественников в определенном направлении, — безусловно заслуживают интереса и могут дать весьма плодотворные результаты, в частности и в работе над проблемой происхождения человека и человеческих рас.

Однако совершенно неприемлемой является гипотеза Роза-Монтандона о «спонтанной дихотомии», дающей раннюю, консервативную и неспособную к дальнейшему развитию ветвь и ветвь позднюю, прогрессивную, в свою очередь на известном этапе своего развития дающую дихотомическое ветвление. Эта концепция, не имеющая иного обоснования, кроме общеизвестного факта переживания архаических видов организмов (начиная с protozoa) рядом с наиболее поздними и дифференцированными видами, давно вполне убедительно объясненного Дарвином, вносящая элемент телеологизма в теорию Роза, — в применении к человеку приобретает откровенно реакционную окраску. Исходя из этой концепции, Монтандон пытается расположить расы на «ранние» и «поздние» ветви эволюционного древа, чем большая часть человечества осуждается на вечное прозябание в качестве представителей бесплодных «ранних ветвей», а европейцы возводятся на вершину древа, в качестве увенчивающей всю конструкцию «поздней», прогрессивной ветви.

Постановка вопроса о «культурном ологенезе» является порочной уже в силу перенесения выводов биологической теории (будь она даже целиком приемлема для нас) на общественные явления.

Однако, в теории «культурного ологенеза» весьма мало от ологенеза — это просто вариант, и весьма мало оригинальный, теории культурных кругов. Монтандон, вопреки своей «ологенетической» позиции, вполне солидаризируется с Ратцелем и его последователями в утверждении ограниченности человеческих способностей, не позволяющей предполагать возможность многократного независимого появления в разных местах однородных изобретений. Каждый элемент культуры возникает однажды, в одном пункте и оттуда распространяется на весь позднейшей ареал своего бытования.⁴

Единственное «новое», что выдвигает Монтандон — это утверждение, что культурный комплекс не формируется из одного центра, а создается

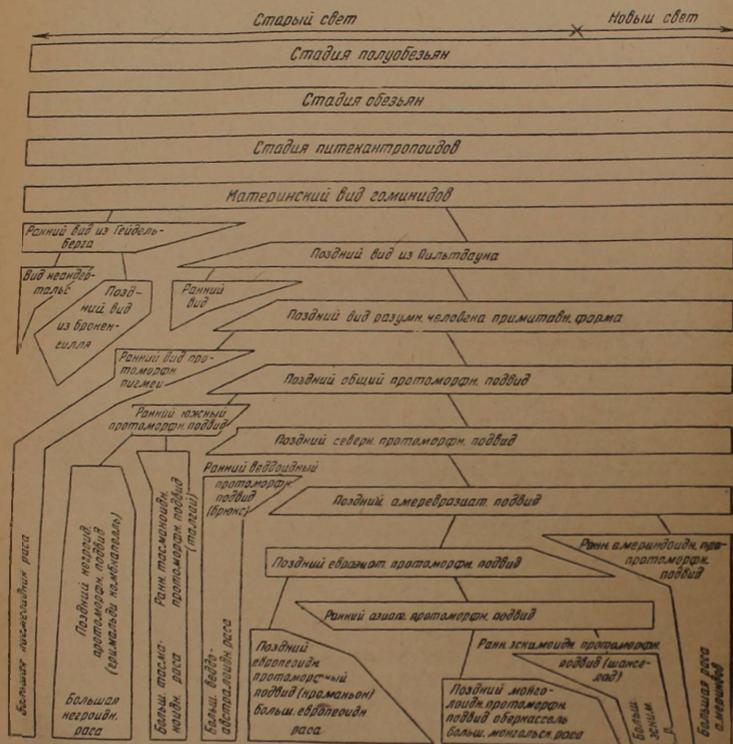
¹ G. Montandon. L'Ologénèse culturelle. Traité d'ethnologie cyclo-culturelle et d'ergologie systématique. Paris, 1934.

² G. Montandon. L'Ologénèse humaine (L'Ologénisme). Paris, 1928.

³ Rosa. L'Ologénèse. Nouvelle théorie de l'évolution et de la distribution géographique des êtres vivants. Paris, 1931 (итальянск. изд. 1918).

⁴ L'Ologénèse culturelle, p. 38.

путем постепенного объединения возникших в различных центрах ареала этого комплекса культурных элементов («Le processus de formation d'un cycle culturel est à concevoir comme se produisant sur une aire et non pas à partir d'un centre»). Впрочем, тут же Монтандон осторожно

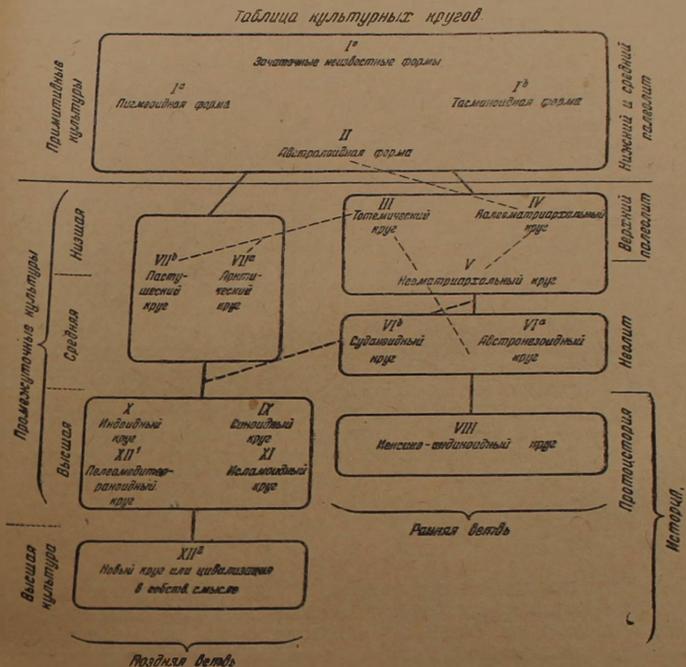
Фиг. 1. Ологенетическая родословная человека (по Монтандону).

оговаривается, что он не придает этому тезису абсолютного значения (цит. соч., стр. 40).

Высшей смелостью теории Монтандона является его тезис, гласящий, что вопрос о пути возникновения однотипных культурных кругов на разных континентах, сводящийся к тому, возникают ли такие круги самостоятельно, или являются результатом диффузии из одного центра, как это решает школа культурных кругов. Монтандон

оставляет открытым. («La question de savoir si complexes régionaux d'un grand cycle culturel sont autonomes, se ressemblant par parallélisme, ou s'ils relèvent d'un foyer unique, reste ouverte», — там же).

Однако, если в этих двух тезисах Монтандон пытается с оговорками и при помощи стыдливого агностицизма несколько смягчить крайности

Фиг. 2. Таблица культурных кругов (по Монтандону)

теории культурных кругов, то следующими своими тезисами он целиком восстанавливает и даже усугубляет наиболее отрицательные стороны этой теории.

«Некоторые культуры, — пишет он, — несут элементы более способные к развитию, чем элементы других культур, и совокупность культур стадии, следующей за стадией (первичной) универсальной культуры, может быть разделена на раннюю культурную ветвь, с ограниченным развитием, и на позднюю культурную ветвь, с неограниченным развитием».¹

¹ Цит. соч., стр. 41.

С такой ясностью не высказывались ни католические этнологи, ни даже Фробенус.

Высшим идеализмом звучит истинная «классическая» фраза, гласящая, что высокие культуры Мексики и Перу представляли «своего рода тушик развития» (стр. 41). Этим Монтандон пытается подкрепить свой домысел о принадлежности народов этих стран к «ранней ветви», совершенно игнорируя, что «тушик», в котором оказались общества Мексики и Перу, был создан пушками и мушкетами энергичных представителей «поздней ветви» — банд Кортеса и Пизарро.

Что касается конкретного содержания схемы Монтандона, то она целиком согласуется, с очень небольшими поправками частого порядка, с классификацией «культурных кругов» и относительной хронологией Шмидта — Кюппера — Менгина. Этого Монтандон и не думает скрывать, поскольку он прямо сопоставляет свою классификацию с классификациями указанных авторов.

Единственно оригинальным является отмеченное деление на «раннюю» и «позднюю» ветви, которым все коренное население Америки, Австралии и Океании и негритянской Африки объявляется способным лишь к «ограниченному развитию». Таким образом, утверждается неизбежность, имманентная предопределенность господства белых культуртрегеров над колониальными народами, которые законами «культурного ологенеза» обуждены на пребывание в своего рода «культурном тушике».

При этом, подобно Менгину, Монтандон строит генеалогию своих «ветвей» в области культуры в неразрывной связи с генеалогией таковых в области соматики. Простого сопоставления даваемых Монтандоном схем той и другой генеалогии, приводимых нами, достаточно, чтобы убедиться в том, что народы «ранней ветви» не только телеологическим законом культурного развития, но и фатальным законом биологии обречены на роль бедных родетвенников на пиру истории, на роль колониальных рабов.

VI

В Англии, на родине классического эволюционизма, успех культурно-исторической школы был далеко не столь головокружительным, как в Германии и Австрии. Очень значительная группа исследователей осталась на позициях эволюционизма (среди них такие крупные фигуры, как Фрезер). В Англии же оформилась оппозиция по отношению к культурно-исторической школе, исходившая из позиции так называемого «функционализма», нового направления в буржуазной этнологии, представленного Малиновским и рядом других исследователей.

Однако идеи Ратцеля и его последователей не прошли мимо английских «антропологов», и под влиянием их в Англии сложилось особое направление культурно-исторической школы, главой и крупнейшим представителем которого является талантливый и неутомимый исследователь культуры народов Индии и Океании — Риверс.

Английская школа, однако, заимствовала из арсенала германо-австрийской культурно-исторической школы лишь наиболее общие положения и методические приемы. Риверс весьма скептически относится к исторической схеме Гребнера и тем более Шмидта, избегая пользоваться их классификацией океанийских культур и предпочитая кропотливо и последовательно проследивать во всех деталях распростра-

нение культурных явлений, их взаимодействие и связь в конкретных областях, с целью выяснения не абстрактной схемы культурных кругов и пластов, а конкретного исторического развития и взаимодействия живых народов, населяющих исследуемые им области. При этом перед этнологом ставится задача исследования конкретной истории изучаемых народов, поскольку она может быть восстановлена на основании этнографических памятников. Риверс, придавая (в этом он сближается с немецкой культурно-исторической школой) исключительное значение заимствованию, «диффузии» культуры и взаимоотношению племен и культур,¹ тем не менее не отказывается полностью и от идей классического эволюционизма.

«Метод этой книги — пишет Риверс в предисловии к своему капитальному труду «История Меланезийского общества»,² — занимает положение между методом эволюционной школы и методом новейшей германской исторической школы».

Противопоставляя свой метод методу Гребнера, Риверс пишет:

«Главная идея этой книги («История меланезийского общества») заключается в показе, как общественные институты и обычаи произошли в результате взаимодействий между народами, в итоге соединения, напоминающего химическое соединение, требующее аналитического процесса, чтобы открыть его составные части. Гребнеру же процесс смешения культур напоминает скорее образование физической смеси, в которой слагающие элементы легко отличающиеся один от другого находятся бок о бок. Вероятно, это определяется тем, что Гребнер начал свои исследования с изучения материальной культуры и полагает, что социальные институты и религиозные обряды могут распространяться по свету и пересаживаться в новые места обитания так же легко и с незначительными модификациями, как оружие или орудия».³

В этой цитате с полной отчетливостью выступают сильные и слабые стороны представляемого Риверсом направления. Перенос внимания на исследование общественных институтов — в соответствии с лучшими традициями этнографии XIX века, подчеркивание тесной взаимосвязанности характеризующих определенное общество культурных явлений, критическое отношение к гребнеровскому представлению о легкости диффузии важнейших явлений человеческой культуры, стремление к использованию этнографических данных в качестве источников конкретной истории конкретного общества — все это черты, ставящие Риверса значительно выше немецкой школы.

Но вытекающее из ратцелевского постулата стремление видеть эту конкретную историю не столько во внутреннем развитии общества и создаваемой им культуры, сколько во взаимодействии различных народов, смешивающихся и передающих друг другу свойственные им особенности, приводит к тому, что именно в силу конкретности исследований Риверса, именно в силу того, что он работает над основными вопросами человеческой истории, над вопросами развития общественной организации, — отрицательные стороны ратцелевской школы выступают у него с гораздо большей силой, чем у Гребнера.

¹ W. H. R. Rivers. „The contact of Peoples“, „Essays a. studies, presented to W. Ridgeway.“ Cambridge. Его же. Is Australian cultur simple or complex? Report Brit. Assoc., 1914 и др.

² W. H. R. Rivers. The History of Melanesian Society, vol. II, p 5, Cambridge, 1914.

³ The History of Melanesian Society. vol. II, p. 585.

И это в первую очередь относится к интересующему нас вопросу — вопросу о взаимоотношениях расы, народа, культуры, языка и т. д.

Если Гребнера, оперирующего абстрактными, выделенными картографическим методом культурными комплексами, связь элементов которых определяется не их действительной взаимосвязанностью в жизни конкретных народов, а лишь большим или меньшим совпадением их ареалов на географической карте, — весьма мало интересует вопрос о конкретных формах распространения и взаимодействия этих культурных комплексов; если Гребнер, идя в своей работе по пути отрыва «культуры» от живых человеческих коллективов, носителей этой культуры, и наделяя, как Фробениус, правда, в иной форме, «культуры» самостоятельным существованием и независимым от людей движением, почти полностью элиминирует вопрос о связи «культуры», языка и расы, — то Риверс не может так легко отделаться от этого вопроса. И, если миграции людей, принимаемые и предполагаемые Гребнером, все же не занимают в его исторической концепции крупного места, заменяясь самостоятельной миграцией культур, то в работах английской школы и, в первую очередь, самого Риверса, «переселения народов» оказываются одним из важных, если не важнейшим творческим фактором истории. Этим построения английских «диффузионистов» сближаются с построениями сравнительного языковедения и миграционистской археологии конца XIX и начала XX века. И в самом деле, справедливое признание несостоятельности гребнеровского представления о легкости переноса социальных учреждений из одной общественной среды в другую, при сохранении в неприкосновенности основного постулата ратцелевской школы о невозможности спонтанного возникновения однородных культурных явлений в разных областях — неизбежно влечет за собой перенос центра тяжести на утверждение миграции народов как орудия распространения этих культурных явлений. Изучение «диффузии» культур неразрывно связывается с изучением «диффузии» языков и, *mutatis mutandis*, рас.

Однако и здесь, как и везде, этнографический и лингвистический материал восстает против отождествления языка, расы и культуры:

«За последние годы изучение языка этнологом страдало из-за его приверженности к весьма упрощенной концепции человеческого общества и из-за того, что язык некогда был возведен на слишком высокий пьедестал как главнейший критерий расы. Немногих фактов достаточно, чтобы низвергнуть этот идол. Народы с физическим типом, столь различным, что их невозможно даже с натяжкой рассматривать как одну расу, оказываются говорящими на весьма близких языках, в то время как почти тождественные по физическому типу оказываются говорящими на языках, в которых весьма трудно обнаружить общие элементы» (назв. соч., 593).

Однако изначальная связь между определенным языком и определенной расой кажется для Риверса столь несомненной, что отмеченный совершенно верный факт он объясняет, исходя из гипотезы этой связи.

«Я предположил, что тесная связь языков полинезийцев и меланезийцев, сопровождаемая их физическим различием, должна объясняться тем, что язык меланезийцев образовался благодаря влиянию народа-иммигранта, столь незначительного количественно по сравнению с туземным населением, что его влияние на физические особенности тех, среди которых он поселился, было относительно малым» (там же, 593 и сл.).

И для того, чтобы объяснить это навязывание небольшой группой иммигрантов своего языка огромному большинству населения, Риверс

выдвигает гипотезу «о специальном социальном механизме», при помощи которого осуществлялся этот процесс. Этим механизмом оказываются меланезийские тайные общества, явившиеся хранителем¹ и распространителем культуры иммигрантов (592 и сл.).

Этим же контактом между малочисленными иммигрантами, посетителями более высокой культуры и строя речи и многочисленными, но более отсталыми аборигенами Риверс объясняет и возникновение такого важного общественного института, как дуальная организация (деление на две экзогамные секции, 557 и сл.).

Теория миграции, как определяющего историю общества фактора, теория возникновения сложных социальных институтов не в результате внутренней дифференциации общества, а в результате механического соединения двух различных народов, рас, — вот что представляет собой концепция меланезийской истории, данная Риверсом. Вместо того, чтобы видеть в меланезийской культуре напластования различных эпох истории самого населения меланезийских островов, он делит ее на резко ограниченные пласты, принадлежащие один — примитивным туземцам, другой — более культурным иммигрантам.

И совершенно закономерным является парадоксальный на первый взгляд факт весьма положительного отношения такого осторожного и внимательного исследователя, как Риверс, к фантастическим построениям английских гипердиффузионистов Перри и Эллиот Смита. В сущности говоря, они только поставили точки над *i* там, где Риверс не рискнул или не успел этого сделать.

VII

Английской этнологии принадлежит пальма первенства в деле доведения миграционной теории и теории заимствований до геркулесовых столбов.

Речь идет о том направлении культурно-исторической школы, которое Монтандон справедливо называет «гипердиффузионизмом»¹ и которое представлено английскими исследователями В. Дж. Перри² и Эллиотом Смитом.³

Л. Я. Штернберг в своем напечатанном в 1926 г. обзоре новейшей этнологической литературы⁴ дает совершенно справедливую резкую характеристику работам «Перри и Эллиота, с большим талантом и энтузиазмом доказывающих, что самые отдаленные культуры, в том числе и американские, возникли под влиянием Египта, который, в период процветания своего мореходства, разослал по всему свету своих купцов и колонистов, — теории, которые под новой оболочкой повторяют старые, давным-давно отброшенные теории Гобно».

Так перекрещиваются пути новейших представителей английского диффузионизма и признанного основоположника нордизма.

Интересующая нас концепция наиболее полно изложена в обобщающей работе Эллиота Смита «Human History», вышедшей вторым из-

¹ Montandon. L'Ogénése culturelle, p. 32—35.

² W. J. Perry. The Children of the Sun. London, 1926.

³ G. Elliot Smith. The Migrations of Early Culture. Manchester, 1915; е го же. The ancient Egyptians and the origin of Civilisation. London, 1923; е го же. The Diffusion of culture. London, 1933; е го же (сводн. раб.), Human History. London, 1934 (II ed).

⁴ Л. Я. Штернберг. Современная этнология. Этнография, № 1—2, стр. 26, 1926.

даннем в 1934 г. Концепция этой книги в значительно большей степени, чем выше рассмотренные, сближается с построениями стоящих на миграционистски-расистских позициях авторов в языковедении, археологии и антропологии.

История человечества по Эллиот Смиту есть прежде всего история передвижений человеческих рас, формирующихся в ледниковый период в различных изолированных друг от друга естественными преградами, морями и ледниками, центрах, заселенных из первоначально единого центра где-то в восточном Средиземноморье.¹

Прародиной (home) негроидной расы является внутренняя Африка, откуда эта раса через Аравию и Индостан достигает Малайского архипелага, Новой Гвинеи и Меланезийских островов. Прародину австралийской расы Эллиот Смит видит в Южной Индии, откуда австралоиды, через материковый мост, связывавший в эту эпоху Азию с Австралией, мигрируют в эту последнюю. Прародину монгольской расы он ищет в Юго-Восточной Азии, откуда многолоиды распространяются на северо-восток, на северо-запад и на юг — в Индокитай. Прародиной альпийской расы является Средняя Азия, между ледниковыми массивами Памира, Тянь-шаня и Алтая на юге и востоке и Черноморско-арало-каспийским водным бассейном на западе и северо-западе, прочно изолированным областью формирования этой расы от прародин других рас. Прародина средиземноморцев на карте Эллиот Смита лежит в Египте, откуда они направляют три потока — вдоль северного берега Африки, через Сирию и Малую Азию и через Месопотамию в Индию. И, наконец, область формирования северной расы лежит, по мнению Эллиота Смита, в Восточной Европе, на свободном от ледников пространстве, где-то на востоке этой страны «между Москвой и Уральскими горами» (стр. 73), у западных рубежей покрывавшего Урал ледника. Отсюда на юго-запад двигалась древнейшая волна древних «северных людей», впоследствии заселивших очистившийся от ледников северо-запад Европы.

На вопрос о первичной связи расы и языка Эллиот Смит отвечает положительно.

«Очевидно, — пишет он, — что разговор на общем языке не подразумевает единства расы (возьмите, например, говорящих по-английски негров в Америке), но столь же очевидно, что отдельные языки употреблялись первоначально членами отдельных рас» (стр. 172).

Соответственно этой точке зрения «в древнейший период члены альпийской расы, вероятно, говорили на языке, который в XIX веке был известен как туранский и который теперь более правильно называется турецким. Это был язык тех альпийцев, которые совершили свой путь в Европу в исторические времена. Средиземноморцы говорили на хамитических языках — на западе или семитических — в Аравии. Итак, никакого языка не остается для первичных членов (original members) северной расы (!), если мы не отнесем к ним индо-европейский язык» (173).

Итак, круг замкнут, и первичным носителем индо-европейской речи оказывается все тот же хорошо нам знакомый белокурый северный человек, «ариец».

Стержнем концепции Эллиот Смита является энергично пропагандируемый им и его единомышленниками (в значительной мере с ним солидаризируется и Риверс),² взгляд о существовании одного центра

¹ Human History, стр. 69 сл., 106 сл., также карты на стр. 69 и 111.

² См. Л. Я. Штернберг. Современная этнология. Этнография, № 1—2, стр. 26, 1926.

цивилизации, лежащего в долине Нила, где ведшие до того образ жизни «собираателей» примитивные люди впервые перваши с «аркадской жизнью» и «золотым веком» первобытности и создали земледельческую культуру, государство, все то, что этнографами XIX и XX веков вкладывается в понятие «цивилизации» (267 и сл.), ту самую «гелиолитическую культуру», которая была разнесена смелыми путешественниками и мореплавателями, этими «детьми солнца», основателями государств, составившими господствующий слой везде, куда доходили их пути, и следы которых Перри и Эллиот Смит находят по побережьям Средиземного моря, Атлантики, Балтики, в бассейне Нигера и Конго, в Центральной Азии и Индии, на Малайском архипелаге, на Тихоокеанском побережье Азии и Америки, в Океании и Северной Австралии, на Мексиканском плоскогорье и в Перу, — словом, везде, где встречаются признаки культуры этих «детей солнца»: мегалитические памятники, мумификация, поклонение солнцу и змее, свастика (sic!), деформация черепа, татуировка, прокалывание ушей, обычай кувады и миф о потопе.¹

Это движение является длительным и постоянным. Если носители «гелиолитической культуры» облагодетельствовали мир элементарными благами цивилизации, то их законными наследниками являются древние греки, волны культурного влияния которых докатились не только до Сибири и Индии, но через эту последнюю до Китая и других дальневосточных стран и дальше до Центральной Америки, где памятником их является не только изображение индийского слона на древней скульптуре в Сарае,² но и целый ряд черт скульптуры Майя, определяемых, по Эллиот Смигу, влиянием греко-индийского искусства. И невольно напрашивается вывод (впрочем, Перри и Эллиот Смит и сами недвусмысленно его делают, нанося на карту древних миграций и мировую экспансию европейцев после 1500 г. н. э.),³ что «получившие через арабов наследство греков» народы запада являются теми новыми «детьми солнца», которые, следуя старым традициям, одаряют благами цивилизации еще уцелевших от деятельности их предшественников «примитивных людей», энергично переселяя их из «аркадской жизни и «золотого века» первобытности — частью при помощи горчичного газа и других усовершенствованных средств — в «лучший мир», а частью — в мир колониального рабства.

Нельзя не отметить, что субъективно Эллиот Смит крайне отрицательно относится к бредням новейших расистов, как и к писаниям их предшественников.

Так, например он пишет: «В 1815 г. английский филолог, д-р Латам выдвинул предположение, что народ, который первоначально говорил на этом (индо-европейском) языке жид в Европе, а не в Азии. Предположение было жестоко раскритиковано — особенно в Германии. Один немецкий ученый охарактеризовал его, как «слова сумасшедшего, которые могут исходить только от обитателя страны слабоумных», под которой он подразумевал Англию! Однако в течение двадцати лет идея была с жаром воспринята немецкими филологами, которые начали эксплуатировать ее с шовинистическим энтузиазмом. Германия предъявила

¹ См. карты у Elliot Smith. The Migrations of Early Culture. II ed., p. 2, 14 Manchester, 1929.

² Elliot Smith. Elephants in Ethnologists, 1924; его же. Human History, p. 486.

³ Human History, карта, стр. 404.

претензию на роль прародины северной расы и индо-европейского или, как он был назван, индо-германского языка и вдохновительницы всего лучшего в европейской цивилизации. Старая претензия Гобино, что белокурый народ Севера представляет собой высший тип человечества, была воскрешена и раздута до еще более экстравагантных размеров, несмотря на тот факт, что великие цивилизации древности были созданы представителями не-северных рас, так как как египтяне, так и шумеры принадлежали к средиземноморской расе, к которой здесь рано могла примешаться альпийская.¹

Не ограничиваясь печатными высказываниями этого рода, Эллиот Смит на Международном антропологическом конгрессе в Лондоне выступил с резким осуждением попыток использовать антропологию для фашистской пропаганды.

Однако несмотря на отрицательное отношение к откровенному расизму немецких вандалов от науки, Эллиот Смит, отражая зигзаги развития буржуазной общественной мысли Англии, приходит к весьма далекому от подлинной науки выводу. Хочет или не хочет Эллиот Смит — его концепция является фальсификацией первобытной истории для идеологического обоснования права европейского империализма на господство над миром.

VIII

Мы видели на приведенных примерах, что зародившиеся вне этнографии (да по существу и вне науки вообще) расистские концепции наложили сильный отпечаток на ряд направлений современной этнографии. Мы видели также, что целый ряд этнографических группировок, отражая более общий процесс фашизации буржуазной науки, пришел к откровенно расистским, а в отдельных случаях и открыто фашистским (Фробениус, Менгин) позициям.

Однако мы были бы несправедливы, если бы, оборвав на этом изложение, создали у читателя впечатление о едином потоке буржуазной этнографии XX века, прямо и последовательнодвигающемся к фашизму.

Предложенное культурно-исторической школой разрешение отмеченного нами в начале статьи кричащего противоречия между этнографическими фактами, демонстрирующими глубокое историческое единство человеческой культуры, и постулатом расизма (все равно, расизма «крови» или расизма «духа») о внеисторической индивидуальности отдельных народов и извечно predeterminedной их неравноценности, — разрешение, заключающееся в априорной и стоящей в противоречии с действительными фактами теории универсальности миграций и заимствований, встретило решительную, непрерывно растущую, оппозицию. Оформившееся за послевоенные годы «функционалистское» направление среди английских этнографов, представленное Малиновским и его единомышленниками, крайне резко полемизирует против диффузионистски-миграционистских построений немецких школ,² выдвигая на первый план вместо «критерия формы» критерий общественной функции каж-

¹ Human History, p. 172.

² См. полемику Малиновского против культурно-исторической школы в дискуссионном сборнике: G. Elliot Smith, Bronislaw Malinowski, Herbert J. Spinden, Alex. Goldenweiser. „Culture. The Diffusion Controversy“, стр. 26 сл., статья „The life of culture“. New York, 1927.

дого культурного явления и сосредоточивая внимание на внутренней стороне процесса развития культуры. Факты заимствований, которым отводится очень ограниченное место, представителями этого течения рассматриваются совершенно справедливо как «разновидность внутренней эволюции»,¹ так как факт заимствования предопределяется, с одной стороны, внутренне обусловленной подготовленностью заимствующего общества к восприятию заимствуемого явления, с другой стороны, процесс заимствования является сложным процессом видоизменения и приспособления заимствуемого явления к условиям заимствующей общественной среды.

Аналогичную позицию во Франции занимает весьма влиятельная школа Дюркгейма и др.

Отнюдь не переоценивая положительных качеств этих направлений также оразивших на себе влияние кризиса буржуазной общественной мысли и сплошь да рядом пропагандирующих ошибочные и реакционные положения, мы не можем, однако, не отметить их отрицательного отношения к расцелланским течениям в этнографии, прокладывающим, как мы видели, путь к последовательно или замаскированно расистским построениям.

В руках этих ученых (при всей неудовлетворительности их методологии) этнографический материал, освобожденный от ложного освещения расцелланским постулатом, снова ясно и недвусмысленно опрокидывает воздвигаемые представителями этнографического шовинизма перегородки между «расами», «народами», «лингвистическими семействами» и «культурами» и демонстрирует единство человеческой истории вне зависимости от цвета кожи, языка и «культурного круга».

Особо должны быть отмечены высказывания по интересующему нас вопросу представительницей американской этнографической школы, одной из наиболее продуктивных в отношении систематической конкретно-исследовательской работы, по своим материальным результатам количественно отнюдь не уступающей обильной продукции миссионерской этнографии, а по научному качеству неизмеримо превосходящей ее.

Американская школа подверглась сильному влиянию культурно-исторической школы европейских стран, а еще раньше, как отмечает Боас,² влиянию аналогичных направлений в области европейской археологии. Однако это «заимствование», в соответствии с цитированным тезисом Малиновского, сопровождалось очень сложным процессом «приспособления» к американской общественной среде, и американская школа является совершенно своеобразным явлением. Она несет на себе свойственный и другим отраслям науки в Америке отпечаток прагматизма, эмпиризма, отказа от сколько-нибудь широко идущих исторических обобщений, стремления ограничиться лишь собиранием конкретных фактов и систематизацией в узких, даваемых самим материалом пределах. Она в своей «индивидуализации» гораздо последовательней Гребнера и не пытается вовсе ставить перед собой задачу — дать единую схему мирового исторического процесса, больше того, признает разрешение этой задачи прямо невозможной.

Резко выступая против концепции Моргана, американская школа отнюдь не делает миграцию и диффузию культуры отмычкой ко всем

¹ См. упом. выше дискус. сб. G. Elliot Smith, Malinowski etc., стр. 31.

² The Methods of Ethnology „American Anthropologist“, t. 22, 1920.

дверям, отнюдь не отказывается от идеи эволюции, но рассматривает эту эволюцию не как единый процесс прогрессивного развития общества, а как совокупность прагматических историй отдельных территориальных групп, характеризующихся большей или меньшей общностью культурных признаков и называемых американскими этнографами «культурными ареалами» (culture areas). Эти ареалы взаимодействуют в пограничных зонах, культура одного ареала более или менее глубоко «диффундирует» в другой, но эта диффузия не превращается, как у европейских диффузионистов, в решающий фактор культурного развития. Параллелизмы в культуре могут возникать и путем «конвергенции» и путем заимствования.

Американская этнография, не отказываясь от внутренней эволюции, нацело отказывается от идей эволюционистов о единстве человеческой истории и о прогрессивности эволюционного процесса, доминировавших у этнографов XIX века.

Такие явления, как матриархат, групповой брак, родовая организация и т. д., в еще большей мере, чем у европейских направлений школы культурных кругов оказываются не отражением определенной, общей всему человечеству ступени развития в культуре различных народов, а локальными, свойственными определенным «культурным ареалам» явлениями, которых никогда не знали обитатели других ареалов. При этом явления эти могут независимо возникать в различных частях света и в различной общественной среде, являясь лишь прагматически констатируемыми фактами, не дающими никакого права умозаключать ни об относительном уровне развития этих обществ, ни об очень скептически воспринимаемых осторожными американцами, грандиозных миграциях.¹

Вряд ли нужно доказывать, что основное острие «воинствующего эмпиризма» американской «исторической школы» направлено против Моргана, а через него — против историко-материалистического учения об обществе.

Подкупающая неискушенного читателя своей ригористической фактографией, своей ультраученой «осторожностью» и скепсисом американская школа не может не являться для нас объектом самой серьезной и решительной критики.

Однако столь же ошибочным, как помещение в одни скобки фашизма и буржуазной демократии, было бы проведение знака равенства между американской этнографической школой и реакционными построениями европейских миграционистов, растущими, как мы видели, непосредственно в направлении к фашистской идеологии.

В этом отношении особенно показательной является энергичная и глубоко научно-фундированная оппозиция со стороны целого ряда американских этнографов против расовой теории в ее различных проявлениях.

Крупнейший из этнографов Америки, высказывания которого тем более авторитетны, что он одновременно является выдающимся специалистом в области антропологии и языковедения, Ф. Боас посвящает целую книгу разоблачению научной несостоятельности расистских концепций.

Ставя решающий в интересующей нас проблеме вопрос о взаимоотношении расы, языка и культуры, Боас отвечает на него вполне четко:

¹ Spinden, Goldenweiser—статья в цитируемом дискуссионном сборнике.

«Историческое развитие человечества представляло бы более простую и более ясную картину, если бы мы были в праве предположить, что в первобытных обществах эти три явления находились в тесной взаимной связи. Однако подобное предположение совершенно недоказуемо. Наоборот, при сравнении нынешнего распределения языков с распределением типов представляется правдоподобным, что даже в самые ранние эпохи биологические единицы могли быть шире, чем лингвистические и, вероятно, шире, чем культурные единицы... Поскольку у нас имеются исторические свидетельства, нет оснований полагать, что когда-либо существовало меньшее число различных языков, чем теперь; наоборот, все наши данные свидетельствуют о том, что в прежние времена число языков, не находящихся в родстве между собой, было гораздо большим, чем теперь. С другой стороны, число вымерших типов представляется скорее небольшим, так что нет оснований предполагать, что в ранний период существовало более точное соответствие между количествами различных лингвистических и анатомических типов... С этой точки зрения, значительное разнообразие языков во многих отдаленных горных местностях не должно быть объяснено как результат постепенного вытеснения остатков племен в недоступные округа, но скорее оно представляется пережитком такого более древнего общего состояния человечества, когда каждый материк был населен сравнительно небольшими группами людей, говорившими на разных языках... Как бы то ни было, наиболее вероятным оказывается положение, согласно которому нет надобности допускать, что первоначально всякий язык и всякая культура были приурочены к одному типу, или что всякий тип и всякая культура были приурочены к одному языку; словом, что когда-либо существовало точное соответствие между этими тремя явлениями».¹

Здесь американский ученый-эмпирик оказывается весьма близок к той позиции, которую занимает передовая советская лингвистика, отправляющаяся от лингвистической теории акад. Н. Я. Марра.

Его формулировка — это та единственная формулировка, на которую дает право вся огромная масса этнографических фактов, наглядно демонстрирующих отсутствие исторической связи между расой, с одной стороны, и культурой — в широком смысле (в том числе и языком) — с другой.

Столь же горячая полемика должна быть отмечена у американских этнографов² против «теории» психического неравенства рас.

Мне хотелось бы закончить свою статью фразой, под которой, без сомнения, подпишутся все сохранившие научную совесть исследователи этнографических и антропологических материалов, прислушивающиеся к тому, что говорят эти материалы, а не к команде хозяев общества, осужденного историей на гибель. Это фраза, произнесенная в свое время весьма далеким от нас политически и методологически человеком, Феликсом фон-Лушаном:

¹ Ф. Боас. Ум первобытного человека, стр. 75—77. Cp. Cl. Wissler. American Indian, p. 366.

² Ф. Боас. Цит соч., A. Goldenweiser. Early Civilization, стр. 3 и сл.

«Нет никаких самих по себе малоценных рас.

Нет никаких «диких народов». Есть только народы с другой культурой, чем наша. Однако существуют отдельные «белые» дикари, грубые, необразованные и заболевшие тропической раздражительностью европейцы, которые не дают себе никакого труда ознакомиться с туземцами, ведут себя среди них, как дикари, и обращаются с ними и их эксплуатировать самым жестоким образом, какой вообще можно себе представить».¹

В правильности этих слов немецкого ученого о существовании «рас» белых дикарей мы особенно убедились в последние годы, когда эти дикари начали полновластно хозяйничать, как во время Лушана они хозяйничали в колониях, в одной из культурнейших стран Европы.

И когда ученые наймиты этой разнузданной банды, как Фробениус, окружают свои, направленные к санкционированию права представителей «высшей» культуры грабить чужие земли, писания дымом метафизической фразеологии, как Менгин, под личной академического педантизма протаскивают вызывающие возмущение у любого серьезного археолога совершенно чуждые науке идеи ради одной цели обосновать право «нордического духа» на господство — в это время ставшие на скользкий путь «культурно-исторического метода», но высоко ценящие научную добросовестность западные ученые не могут не пересмотреть этого метода. Они неизбежно должны подумать о повороте на путь действительного историзма, на путь подлинной исторической школы в этнографии и археологии. Этот путь был намечен еще в XIX веке Морганом и ведет, как это прекрасно понимают ясные антиморганисты, только в одном направлении — к учению Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина.

На этот путь уже начинают поворачивать наиболее передовые представители современной западной этнографии и археологии. Не так давно мы имели симптоматичное выступление молодого американского ученого, Лесли Уайта,² пусть еще не последовательно, но решительно выступившего за возвращение к морганистской традиции. На этот путь стали этнографы Советского Союза, сумевшие преодолеть еще недавно сильные влияния «новейших» буржуазных теорий.

Надо думать, что поистине жуткая картина загнивания буржуазной науки с ее «новейшими» откровениями (вроде стремления к расширению «жизненного пространства культуры» Фробениуса, «культуры господ» Менгина, «ранней», с ограниченным развитием «ветви» генеалогического дерева культуры Монтедона, доисторических культуртрегеров, «детей солнца» Эллиот Смита и пр.), вызывающим у всякого честного ученого только смех и негодование, — все это заставит, — а частью уже и заставило — многих ученых буржуазных стран понять, что действительный расцвет науки возможен только там, где уничтожена эксплуатация человека человеком и, следовательно, уничтожены причины, порождающие тот поход на науку, который возглавляет озверевшая банда гитлеровских «белых дикарей».

¹ Ф. Лушан. Народы, расы, языки, стр. 179.

² См. Советская этнография, № 3, 1932.

Г. Ф. ДЕБЕЦ и М. В. ИГНАТЬЕВ

**О НЕКОТОРЫХ ВАРИАЦИОННО-СТАТИСТИЧЕСКИХ
МЕТОДАХ РАСОВОГО АНАЛИЗА В БУРЖУАЗНОЙ
АНТРОПОЛОГИИ**

(Школа Чекановского)

Факт наличия разнородных расовых типов внутри большинства современных национальностей и племен является установленным. Поэтому одной из необходимых, но вместе с тем и наиболее сложных сторон антропологического исследования является разложение популяции на составляющие ее расовые компоненты, т. е. выяснение вопроса о том, какие расовые типы входят в состав исследуемой географической, этнической или национальной группы и каков примерно удельный вес каждой из них.

В буржуазной антропологии существует ряд школ и школок, создавших свои методы разложения популяции на составляющие ее компоненты. В большинстве случаев это чисто формальные методы, на основе которых все же делаются далеко идущие политические выводы. Обзор и критика всех существующих направлений и методов расового анализа заняли бы слишком много места. Поэтому мы ограничимся рассмотрением только одной из этих «школ», созданной видным польским антропологом Чекановским.

Политическое направление вождя этой «школы» и его учеников рельефно и недвусмысленно выступает в их работах. Раса, с точки зрения Чекановского, представляет собой биологическую константу. «Каждый череп может быть определен в смысле его расовой принадлежности». Раса характеризуется комплексом морфологических, физиологических и психологических свойств. Последние для разных рас Европы следующие.

Северная (α). Хорошее умение ориентироваться, инициатива, честолюбие, дисциплинированность, развитое чувство чести и долга.

Подсеверная (γ). Дисциплинированность, но отсутствие добросовестности, недостаток энергии, но стремление к власти.

Преславянская (β). Слабые умственные способности, слабая предприимчивость, плохое умение ориентироваться, простодушие.

Динарская (δ). Добросовестность, веселый нрав, недостаток инициативы и дисциплины.

Альпийская (ω). Слабые умственные способности, недисциплинированность, плохое умение ориентироваться, мало честолюбия, веселый нрав, довольно много энергии.

Лапоноидная (λ). Хорошие умственные способности, недисциплинированность.

Арменоидная (χ). Неожиданно слабые умственные способности, плохое умение ориентироваться, недостаток энергии.

Литторальная раса (ρ) — помесь арменоидной и иберо-островной несколько лучше.

Иберо-островная (ε). Хорошие умственные способности, но плохое умение ориентироваться. Энергичность, но отсутствие дисциплины и честолюбия.¹

Этими психологическими свойствами рас объясняется их различная роль в истории человечества. Каждая раса создавала свою культуру и свой язык: северная — индо-европейский, лапоноидная — финно-угорский и т. п. В современном обществе северная раса чаще встречается среди дворян, чем среди крестьян, а у последних чаще среди самостоятельных хозяев, чем среди батраков.²

Новая интеллигенция, обучающаяся в высших классах школ, также характеризуется большим процентом северной расы, чем остальное население. Поэтому «демократизация» Польше не страшна: она не является, подобно тому, как то имело место во Франции, смелой расового типа руководящего слоя. Вследствие «расового единства» социальной верхушки в шляхетской и современной «демократической» Польше в ней потерпели неудачу революционные попытки, основным же революционным фактором являются евреи, главным образом потому, что они нашли себе в России могучего союзника в лице родственных им по крови кавказцев. Но те евреи, которые восприняли европейскую культуру (студенты польских университетов) в отношении своего расового состава ближе к полякам, чем евреи в целом.³

Одним словом, перед нами законченная концепция, специфическая отнюдь не только для львовской антропологической школы. Она целиком примыкает к антропосоциологии Лянужа, Аммона, Вольфмана и других «классиков» расизма.

Спецификой школы Чекановского являются не выводы ее, а метод, на котором она эти выводы основывает. В отличие от своих идеологических вдохновителей представители этой «школы» широко применяют математические методы расового анализа, и видят в этом залог «точности» и «объективности» своих выводов. Метод Чекановского пережил несколько этапов развития, которые требуют детального рассмотрения.

Первый этап характеризуется статьей о палеолитических черепах Европы.⁴ Чтобы выяснить, какие комбинации признаков, т. е. какие типы входят в состав исследуемой серии, вычисляется средняя разница между каждой парой входящих в ее состав индивидуумов. Исно, что количество разниц быстро возрастает с увеличением количества черепов. Число вычисляемых разниц (D) и число черепов (n) находится между собой в соотношении:

$$D = \frac{n^2 - n}{2}$$

¹ K. Stojanowski. Nur. no Schwidetzki, I. Die Rassenforschung in Polen. Ztschr. f. Rassenkunde, Bd. I, 1935.

² Zejmo-Zejmis, S. Wies Palucka. Arch. Tow. Nauk. we Lwowie, 1933. (Ист. по ред. в L'Anthropologie).

³ J. Czokanowski. Zarys antropologii Polski. Lwów, 1930.

⁴ J. Czokanowski. Zur Differentialdiagnose der Neanderthalgruppe. Korr.-Blatt. d. deutschen Gesellschaft f. Anthropologie, Ethnologie u. Urgeschichte. Jahrg. 40, № 6/7, 1909.

т. е. будем иметь:

При 3 черепах	3	разницы
" 10 "	45	"
" 20 "	190	"
" 30 "	435	"

Средняя разница получается в результате деления суммы разниц по отдельным признакам на числа признаков. Так, например (пример вымышленный):

Таблица 1

Признак	Индивидуум А	Индивидуум Б	Разница
Продольный диаметр	195 мм	202 мм	7
Брегматический угол	44°	48°	4
Носовой указатель	52.8	56.2	3.4
Сумма	—	—	14.4

Средняя разница $14.4 : 3 = 4.8$

Технически, вследствие громадного количества необходимых вычислений, применение этого метода без колоссальной траты времени возможно только по отношению к численно небольшим сериям. Количество признаков, используемых для анализа, не ограничено. На первом этапе Чекашовский приравнял, при вычислении разниц, миллиметр абсолютного размера к градусу угла и к единице указателя. Вычислив все разницы и расположив их на решетке (табл. 2), для наглядности изображают ее графически (фиг. 1), закрашивая в каждом вертикальном столбце некоторое определенное количество наименьших разниц штриховкой различной интенсивности, ослабляющейся по мере увеличения относительной для каждого данного столбца величины разницы. Таким образом, определенным тоном закрашивается не абсолютная, но относительная величина разницы, и обе половины решетки, разделенные диагональю нулевых разниц (т. е. каждого черепа с самим собой), идентичные в цифровом изображении оказываются несколько различными в графическом. Большие разницы не закрашиваются вовсе. Количество штригуемых клеток определяется произвольно, но оно одинаково в каждом вертикальном столбце. Далее производится перегруппировка черепов в вертикальном и горизонтальном направлении (строго сохраняя одинаковую последовательность в их расположении) с тем расчетом, чтобы наименьшие разницы (т. е. наиболее темно заштрихованные квадраты) были расположены возможно ближе к диагонали нулевых разниц. Эта перегруппировка производится на глаз, и когда она окончена, то наименьшие разницы оказываются сгруппированными в известное количество квадратов, соответствующих тем комбинациям признаков, т. е. типам, которые образуют данную серию.

Принцип получения средней разницы на основе сложения разниц по разноименным величинам (миллиметрам, углам, процентам) был подвергнут резкой критике другим польским антропологом, К. Стольхво.¹

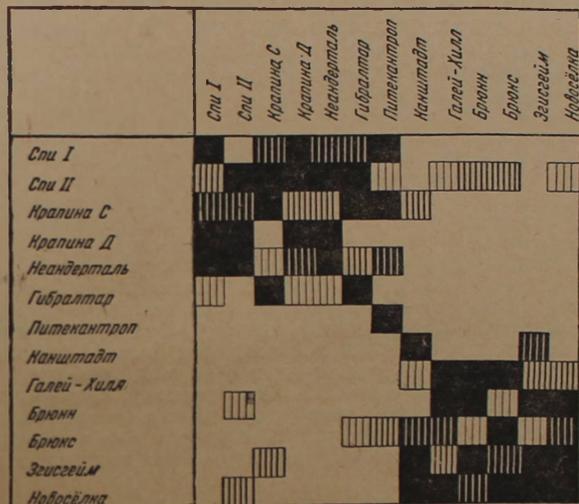
¹ Стольхво возражает и против переноса на польскую почву немецкого учения о северной расе, но предлагает противопоставить ему „балтийское движение“, основанное на расовых свойствах светлого брахцефала. См. *Zagadnienie rasy nordyckiej w państwie i polityce*. Toruń, 1932.

Таблица 2

Средние разницы палеолитических черепов

Череп	Спи I	Спи II	Красина С	Красина D	Неандерталь	Гибралтар	Питекантроп	Канштадт	Галлей-Хилл	Брюни	Брюке	Эгистейм	Новоселка
Спи I	0	5.415	5.402	4.179	5.045	6.563	8.054	16.343	10.310	9.130	9.435	11.389	8.267
Спи II	5.415	0	5.036	2.692	4.248	5.721	10.340	11.717	6.536	5.373	5.877	6.289	5.315
Красина С	5.402	5.036	0	6.604	6.455	5.032	9.307	9.005	9.850	8.333	6.673	6.100	7.023
Красина D	4.179	2.692	6.664	0	4.671	9.141	16.525	15.933	13.360	12.680	10.700	12.933	9.141
Неандерталь	5.045	4.248	6.455	4.671	0	6.819	10.138	13.150	10.540	9.232	7.301	9.144	7.208
Гибралтар	6.583	5.721	5.032	9.141	6.819	0	11.273	11.793	9.982	9.458	7.708	9.000	9.008
Питекантроп	8.054	10.340	9.307	16.525	10.138	11.273	0	15.105	14.582	15.436	10.219	10.486	13.551
Канштадт	16.343	11.717	9.005	15.933	13.150	11.793	15.105	0	10.473	12.478	8.228	4.761	6.795
Галлей-Хилл	10.310	6.536	9.850	13.360	10.540	9.982	14.582	10.473	0	3.557	5.372	5.550	5.183
Брюни	9.130	5.373	8.333	12.680	9.232	9.158	15.436	12.478	3.557	0	6.280	3.250	3.690
Брюке	9.435	5.887	6.673	10.700	7.301	7.708	10.219	8.228	5.372	6.280	0	5.757	4.586
Эгистейм	11.389	6.289	6.100	12.933	9.144	9.000	10.486	4.761	5.550	3.250	5.757	0	4.064
Новоселка	8.267	5.315	7.023	9.141	7.208	9.008	13.551	6.795	5.183	3.690	4.586	4.064	0

который, вместе со своими учениками, является одним из наиболее ожесточенных противников метода Чекановского во всех его модификациях. Стольхво¹ указал, что таким путем можно прийти к совершенно смехотворным результатам, сравнивая богатство трех крестьянских хозяйств на основе средней разницы, при вычислении которой приняты за единицу кочны капусты и головы скота.

Фиг. 1.

Однако Стольхво несколько опоздал со своими критическими замечаниями. Еще в 1925 г. Чекановский опубликовал статью, которая явилась началом второго этапа развития его метода.² Отличия от первого невелики и заключаются, в сущности, в том только, что для анализа используются только указатели, т. е. процентные отношения одних размеров к другим. За единицу приняты, следовательно, одноименные размеры. Несравнимость отдельных разниц, таким образом, значительно ослабилась, но, конечно, не исчезла, так как вариации разных указателей не одинаковы и пять процентов разницы в черепном указателе (ширина черепа, выраженная в процентах длины) не вполне идентичны пяти процентам разницы в лицевом (длина лица, выраженная в процентах ширины). Однако это обстоятельство все же не очень существенно, так как отмеченная разница в вариации не очень велика. Важнее то, что стремясь к унификации единиц измерения, Чекановский вынужден не учитывать при выделении типов ни абсолютных размеров, ни углов,

¹ K. Stolyhwo, La question des méthodes dans l'anthropologie contemporaine. *Revue Anthropologique*, fasc. 1/3, 1927.

² J. Czekanowski, Zum Problem der Systematik der kurzköpfigen schweizerischen Pfahlbauwohner. *Arch. f. Anthr. N. F.*, Bd. 20, 1925.

которые часто являются более важными для расовой диагностики, чем указатели. А поэтому, сравнивая типы, полученные на основании менее важных признаков, последователи Чекановского приходят к выводам по меньшей мере мало обоснованным. Типы, т. е. комбинации признаков, сравниваются между собой тем же способом, что и индивидуально, т. е. на основе средней разницы между арифметическими средними. Таким путем С. Клидек установил, что эскимосский тип встречается не только на севере Америки, но и в восточном Тибете.¹ На этом основании строятся широкие гипотезы о древних миграциях рас и племен в Северо-Восточной Азии.² Однако, пользуясь совершенно тем же методом, Клидек мог бы установить единство типа тибетцев с северной европейской расой. От северного типа, выделенного К. Стояновским³ в серии древних славян (вендов), арктический тип тибетцев, выделенный Клидеком, отличается всего на 1.6 единицы в то время, как от арктического типа эскимосов на 3.2! Даже две группы северной расы у Стояновского (в серии вендов и силезских неолитических черепов) отличаются друг от друга на 2.6 единицы, т. е. больше, чем тибетцы от вендов! Механически сопоставляя средние разницы, Клидек выделяет палеоазиатский тип, встречающийся в 70% у айну и в 50% в серии западно-сибирских (очевидно древнеостяцких) курганов. Его не смущают существеннейшие различия в типе остяков и айну, выражающиеся в важнейших для расовой диагностики признаках — развитии волосяного покрова и особенностях мягких частей лица. Клидек идет дальше и сближает палеоазиатский тип с преславянским, основным для населения Восточной Европы, по почему-то все-таки не объединяет их в один тип, хотя пресловутый метод дает для этого все основания. Так, например, средние разницы между палеоазиатским типом айну (обозначаемым буквой π) и тем же типом западно-сибирских курганов и преславянским (обозначаемым через β) и краковских поляков XVIII века, изученных Стояновским, равны:

Краковцы (тип β) — айну (тип π)	2.9
Айну (тип π) — зап.-сиб. курганы (тип π)	2.5
Зап.-сиб. курганы (тип π) — краковцы (тип β)	2.2

Метод Чекановского во второй его редакции ограничивает указателями, т. е. процентными отношениями количество признаков, используемых для расовой диагностики. Этого, однако, можно избежать, если оценивать разницы не в их абсолютном значении, а в процентах к общечеловеческой индивидуальной вариации данного признака, как это сделано, например, в работе одного из авторов данной статьи о неолитических черепах Прибайкалья.⁴ Если принять, например, пределы вариации продольного диаметра равными 80 мм, а угла профиля лба 25°, то разница в 5° для второго признака математически приблизительно равноценна 16 мм для первого. Однако и этот прием устраняет только математическую, но отнюдь не биологическую неравноценность признаков.

¹ S. Klimck. Studja nad kranjologja Azji północnej, środkowej, wschodniej. Dalsze studja nad kranjologja Azji. Kosmos, t. 52, 1927; t. 55, 1930.

² О связи рас с племенами, языковыми системами и культурами и о политическом значении этого широко распространенного в буржуазной науке представления см. статью Г. Дебеца — Расы, языки, культуры, в этом же сборнике.

³ K. Stojanowski. Turu kranjologiczne Polski. Kosmos, t. 49, 1924.

⁴ Г. Дебен. Антропологический состав населения Прибайкалья в эпоху позднего неолита. Р.А.Ж., т. 19 № 1—2, 1930.

и пользоваться им можно только с максимальной осторожностью, обязательно контролируя биологическим анализом математически полученные комбинации признаков, которые отнюдь не являются, таким образом, базой для основных выводов, а служат лишь для предварительной ориентировки в материале.

Сам Чекановский в 1928 г. предложил другой прием для уравнения математической неоднородности признаков.¹ Прием этот, характерный для третьего этапа развития метода, основан на вычислении ранговой корреляции в степени уклонения от общей средней между каждой парой черепов. В работах школы Чекановского этим приемом пользуются обычно также только по отношению к указателям. Однако он дает возможность использования признаков, измеряемых любым способом. Поясним это на нижеследующем (вымышленном) примере:

Таблица 3

Признаки	Общая средняя для всей группы	Уклонения от средней		Ранг уклонения		Разница в рангах уклонения	Квадрат разности
		Череп А	Череп В	Череп А	Череп В		
Головной указатель	81.2	+4.8	+1.4	2	4	2	4
Угол наклона лба	82.4	+5.6	+0.6	1	5	4	16
Высота лица	72.0	+3.0	+4.0	4	1	3	9
Высота черепа	132.4	-5.4	+1.6	6	3	3	9
Угол профиля лица	81.2	+2.8	-1.2	5	6	1	1
Орбитный указатель	83.7	+3.6	+2.3	3	2	1	1
Сумма квадратов разниц	—	—	—	—	—	—	40

Отсюда коэффициент близости данных двух черепов получается по формуле:

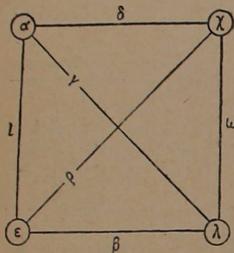
$$\rho = 1 - \frac{6 \sum (x - y)^2}{n(n^2 - 1)}$$

$$1 - \frac{6.40}{6.35} = -0.14$$

Дальнейший ход действий тот же, что и в более ранних редакциях метода. Коэффициенты с положительным знаком закрашиваются тем более темным цветом, чем выше их абсолютная величина, отрицательные оставляются белыми. В этой редакции, так же как и в приведенной выше модификации метода с отнесением разницы к ее вариации, одинаково интенсивно закрашивается не относительная для каждого вертикального столбца величина коэффициента сходства (или взвешенной разницы), а определенная абсолютная величина их. Поэтому график выглядит одинаково по обе стороны от диагонали наивысших положительных коэффициентов (нулевых разниц).

¹ J. Czekanowski. Das Typenfrequenzgesetz. Anthr. Anzeiger, Jahrg. 5, H. 4. 1928

Однако основное положение, выдвинутое в цитированной работе 1928 г., касается не метода выделения комбинаций признаков, а метода дальнейшего анализа этих комбинаций. В 1925 г. Чекановский совершенно отрицал третье правило Менделя о независимости признаков, не считаясь с локализацией обуславливающих их генов в одной или в разных хромосомах. По существу он отрицал и возможность появления метисных форм даже в индивидуальных случаях. Однако это положение находилось в слишком очевидном противоречии с генетикой. Кроме того, методологические установки Чекановского в вопросе о связи расовых типов с языковыми обязывали его к установлению параллелей между теми и другими. Но типов в Европе стало слишком много. Для некоторых из них не находилось соответствующих «прародов». Концепция индо-европейца неизбежно толкала Чекановского на сокращение числа «рас».

Фиг. 2.

Кроме того, несмотря на все ухищрения, Польша оказывалась страной, недостаточно «арийской». Польская шляхта по насыщенности северной расой уступала «хлопам». Метод оказался, таким образом, слишком невыгодным, и требовалось его видоизменить. И в упомянутой уже работе 1928 г. Чекановский вводит совершенно новые принципы расового анализа, которые он называет принципами, основанными на законах Менделя. Анализ серии при помощи ли метода разниц или коэффициентов сходства¹ является только первоначальным этапом работы. Дальнейшая задача вытекает из гипотезы, согласно которой из десяти типов населения Европы четыре являются основными, а шесть остальных — результатом смешения между ними. Четыре основных типа следующие: северный (α), иберо-островной (ε), арменоидный (λ) и лапоидный (λ). Вторичные, метисные типы: подсеверный (γ), преславянский (β), более или менее соответствующий восточно-европейской расе Деникера альпийский (ω), динарский (ρ), литторальный (ρ) и северо-западный (t), соответствующий «дальской расе» других авторов. «Генетические» соотношения между ними выражаются схемой (фиг. 2).

Уже чисто морфологически данная схема возбуждает ряд недоуменных вопросов, что уже было отмечено критиками из школы Столыхво.²

На табл. 4 мы воспроизводим в сокращенном виде характеристику десяти типов Чекановского, составленную Климеком.

Продольный и поперечный диаметры головы у динарского типа совершенно идентичны арменоидному, хотя он и является помесью последнего с северным, у которого эти размеры совсем иные. То же самое с подсеверным типом. Вогнутый нос появляется у преславянского типа от смешения типов с прямым и прямовыпуклым носом. У него же более светлые волосы, чем у обеих исходных форм. Наоборот, динарский тип

¹ По мнению Чекановского, оба метода дают в общем сходные результаты. Однако недавно И. Швидецкая показала, что в некоторых случаях результаты могут оказаться совершенно противоположными. См. J. Schwidetzky. Die Rassenforschung in Polen. Ztschr. f. Rassenkunde, Bd. 1, H. 2, 1935.

² E. Stolyhwo. Ueber den sog. präslawischen Typus. Verh. d. Ges. für phys. Anthr., Bd. 6. 1932.

Характеристика десяти типов населения Европы
(по Климеку и Чокановскому)

Таблица 4

Показатели	Т и п ы									
	Северный	Подсеверный	Северо-Западный	Лапонский	Преславянский	Арменондский	Динарский	Альпийский	Литгоральный	Ибероостровной
Рост	>170	ок. 170	средний	<165	<165	ок. 170	>170	165—170	165—170	ок. 165
Продольный диаметр	ок. 190	>185	>190	ок. 185	ок. 190	" 185	ок. 185	ок. 185	>190	—
Поперечный "	" 150	ок. 160	ок. 150	" 160	" 155	" 160	" 160	" 160	ок. 150	—
Головной указатель	77—80	>83	" 78	>85	" 81	>86	>85	>85	74—78	ок. 74
Высота лица	>120	ок. 120	" 125	ок. 110	" 115	ок. 118	ок. 120	ок. 120	ок. 115	—
Ширина "	ок. 135	" 142	" 138	" 140	>140	<140	" 140	" 135	" 140	—
Лицевой указатель	" 90	" 88	" 90	" 80	<84	>85	" 85	" 87	82—86	86—90
Носовой "	" 60	" 65	" 65	>66	>70	ок. 60	" 60	" 60	64—68	ок. 60
Профиль спинки носа	прямой или выпуклый	прямой или волнистый	прямой	прямой	вогнутый	выпуклый	выпуклый	прямой или выпуклый	прямой или выпуклый	прямой или выпуклый
Форма волос	волнистые	волнистые и прямые	—	прямые	прямые	волнистые или курчавые	волнистые или курчавые	волнистые или прямые	волнистые или курчавые	волнистые или курчавые
Цвет глаз	12—16	8—16	светлокар, зеленоватый	3—7	светлокар, зеленоватый	темнокарный	5—8	серый с темным оттенком	2—6	очень темный
Цвет волос	пепельно-белокурый	от белого до темнорусого	темнорусый с рыжим оттенком	темный	шатенов или темнорусый	черный	очень темный	темный	черный	черный

почти не осветил по сравнению с арменоидным, хотя и является смешанной формой северного. Нос у северо-западного типа шире, чем у обеих исходных форм и т. д. Конечно, законы наследования расовых признаков генетически не освещены, и явления люксурации или, наоборот, лауперизации теоретически возможны, но весь имеющийся фактический материал говорит против такого характера наследования перечисленных признаков. Вообще с генетикой в приводимой схеме дело обстоит еще хуже, чем с морфологией. Согласно Чекановскому, любые формы смешения четырех основных европейских типов могут дать в результате только десять вышеперечисленных. Это утверждение основывается на втором правиле Менделя о расщеплении во втором поколении. В понимании Чекановского это правило позволяет заключить, что при смешении метисов в их потомстве вновь появляются основные типы. Так, например:

Таблица 5

		О т е ц γ (т. е. $\alpha + \lambda$)	
		$\alpha \times \alpha$, т. е. α	$\alpha \times \lambda$, т. е. γ
М а т ь γ (т. е. $\alpha + \lambda$)	$\alpha \times \lambda$, т. е. γ	$\alpha \times \alpha$, т. е. α	$\alpha \times \lambda$, т. е. γ
	$\lambda \times \lambda$, т. е. λ	$\alpha \times \lambda$, т. е. γ	$\lambda \times \lambda$, т. е. λ

или в более сложном случае:

Таблица 6

		О т е ц ω (т. е. $\gamma + \lambda$)	
		$\gamma \times \alpha$, т. е. δ	$\alpha \times \lambda$, т. е. γ
М а т ь γ (т. е. $\alpha + \lambda$)	$\gamma \times \alpha$, т. е. δ	$\gamma \times \alpha$, т. е. δ	$\alpha \times \lambda$, т. е. γ
	$\gamma \times \lambda$, т. е. ω	$\gamma \times \lambda$, т. е. ω	$\lambda \times \lambda$, т. е. λ

Иными словами, все достижения генетики выброшены за борт. То, что Мендель установил для одного признака, Чекановский совершенно произвольно и вопреки третьему правилу того же Менделя (в общем подтвержденному, хотя и в несколько иной формулировке тысячами опытов) перенес на сложнейшие комплексы признаков, каковыми являются расовые типы.

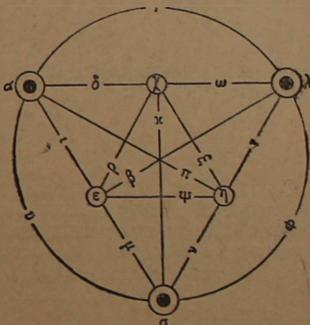
Генетические обоснования закона частоты рас, выдуманного Чекановским, совершенно абсурдны. Чекановский утверждает, что раса определяется одним наследственным фактором, имеющим четыре аллеломорфа, которые при разных смешениях дают 10 рас. По мнению Чекановского, это доказывается и эмпирически. О статистической проверке закона будет сказано ниже, в связи с общей характеристикой математических приемов, применяемых Чекановским, здесь же кратко остановимся на самой возможности возникновения и существования рас по вакууму Чекановского.

По Чекановскому выходит, что первоначально существовало четыре чистых типа. В результате неоднократного смешения получились семь

F_1 , наполовину состоящие из родительских чистых форм, наполовину из гибридных. Чтобы получить гибридную расу, нужно из каждой семьи отобрать гетерозиготные формы и, соединив всех отобранных в одну популяцию, образовать смешанный тип. Такой способ получения расы возможен только в лаборатории. Но, очевидно, и сохранить такую расу можно только лабораторным путем, так как от скрещивания родителей, принадлежащих к смешанной расе, нужно было бы в каждом поколении отбирать половину потомства, т. е. всех гетерозигот и прибавлять к ним потомство от новых скрещиваний чистых форм. Если же не производить такого отбора, то смешанная группа будет генетически неоднородна; она будет состоять наполовину из представителей двух чистых рас и наполовину из смешанных типов. Ничего подобного в природе не наблюдается. Хотя в потомстве гибридов теоретически и возможно появление индивидуума со всеми признаками чистой расы, но это явление крайне редкое, и одно это уже доказывает обусловленность расы большим числом генов.

Прежде чем перейти к изложению и критике математических методов анализа популяции, предложенных Чекановским, отметим, что в 1935 году схема Чекановского была расширена до мировых пределов.³

К четырем основным антропологическим типам Европы прибавлено еще два — негритянский (σ) и арктический, соответствующий эскимосскому других авторов (η). Основные типы названы им «расами», за их помесями сохранено название «типов». Итого шесть «рас» и пятнадцать типов, так как все расы обязательно смешивались между собой. В виде предположения высказывается мнение, что из шести рас три (северная, лапоноидная и негрская) являются первичными, три остальных — помеси между ними. Но эти помеси, в отличие от тех, которые называются типами, не подчинились второму правилу Менделя и не расщепились в F_2 . Чем объясняется такое прихотливое отношение к законам наследственности, Чекановский не говорит. «Генетические» соотношения всех «рас» и «типов» представлены на схеме (фиг. 3).

Фиг. 3.

Буквенные обозначения десяти европейских рас и «типов» расшифрованы выше, остальные значения следующие: σ — австралоидный, включающий неандертальцев, ϕ — австро-африканский (бушмены), ν — негроидный, куда относятся кроманьонцы, ψ — палеоамериканский, ρ — средиземноморский, более или менее соответствующий еврафриканской или берберской расе, κ — ориентальный (семитская или арабская раса других авторов), π — палеоазиатский — главным образом айну, ξ — тихоокеанский, тип, которому трудно найти соответствие в других классификациях (приблизительно соответствует северокитайскому), τ — центральноазиатский. Таким образом, никакой эволюции, по Чека-

³ J. Czekanowski. Les buts de l'école anthropologique polonaise. L'Anthropologie, t. 45, № 5-6, 1935.

повскому, нет. Ее заменяет папэкуменная гибридизация, и даже неандертальцы оказываются помесью северных европейцев с неграми. Трудно представить себе более чудовищный отрыв от истории, от биологии, от генетики, наконец, вообще от здравого смысла.

В применении к Европе и ее десяти типам Чекановский разработал математический метод анализа, позволяющий, по его мнению, установить удельный вес четырех основных компонентов в любой популяции.

При этом Чекановский исходит из принципов, установленных Бернштейном в применении к анализу трех генов, определяющих фенотипическое распределение по четырем группам крови.

Бернштейн исходит из предположения, что четыре группы крови, обычно встречающиеся в каждой популяции, являются результатом различных комбинаций трех серологических генов.

Генетически фенотипы (группы) крови определяются, по Бернштейну, следующей комбинацией генов:

$$\begin{aligned} O &= rr \\ A &= pp, pr \\ B &= qq, qr \\ AB &= pq. \end{aligned}$$

Исходя из этого, генетический состав популяции определяется формулой:

$$(p + q + r)^2 = p^2 + 2pq + q^2 + 2pr + 2qr + r^2 = 1.$$

Отсюда легко, исходя из общей формулы квадратного уравнения

$$ax^2 + bx + c = 0; \quad x = \frac{-b \pm \sqrt{b^2 - 4ac}}{2a}$$

получить числовые значения каждого из трех генов. Наиболее употребительны формулы:

$$\begin{aligned} p &= 1 - \sqrt{0 + B} \\ q &= 1 - \sqrt{0 + A} \\ r &= \sqrt{0}. \end{aligned}$$

Способ Бернштейна, примененный им по отношению к генам, Чекановский перенес на расы. Каждая европейская группа состоит из четырех основных рас и их помесей. Алгебраически состав популяций определяется формулой, в которой греческие буквы заменены латинскими, и численность северной расы обозначается через a , иберостровной — через e , арменонидной — через h и лапоноидной — через l . Следовательно:

$$(a + e + h + l)^2 = a^2 + 2ae + e^2 + 2ah + 2eh + h^2 + 2al + 2el + 2hl + l^2 = 1.$$

Таким образом, имея перед собой типы, полученные при помощи средних разниц или коэффициентов сходства, можно, при помощи простых алгебраических вычислений установить процентное содержание четырех основных компонентов, основываясь на вышеизложенной гипотезе о генетической связи типов.

Но здесь-то и начинаются трудности.

Необходимые для подстановки в формулу типы оказываются далеко не в каждой серии. В особенности это касается работ, написанных до «генетических» открытий Чекановского. И в этих случаях полученные при предварительном анализе типы просто подгоняются под формулу, что было вскрыто Спидбаумом,¹ учеником того же непримиримого

¹ H. Spidbaum. Ueber das sog. Typenfrequenzgesetz. Verh. d. Ges. für phys. Anthr. Bd. 6, 1931—1932.

врага Чекановского — К. Столыво. Альпийский тип ω в одном случае подставляется под формулу $2ha$, в другом l^2+2he , в третьем $2he$; динарский, соответственно, $2hl$ и $2ha$, и т. п.

Приведем несколько примеров. Анализ серии черепов из славянских погребений XII века под Плонском дал первоначально следующие результаты:

$$\begin{array}{ll} \lambda = 1.85\% & \rho = 14.81\% \\ \beta = 50.00 & \gamma = 7.41 \\ \varepsilon = 11.11 & \alpha = 14.81 \end{array}$$

Отсюда Чекановский строит систему уравнений:

$$\begin{array}{lll} e^2 = 0.1111 & \text{откуда } e = 0.3333 & \text{т. е. } 33.33\% \\ l^2 = 0.0185 & l = 0.1360 & 13.60 \\ a^2 + 2al = 0.2222 & a = 0.3546 & 35.46 \\ h^2 + 2eh = 0.4181 & h = 0.1758 & 17.58 \end{array}$$

Итого 99.97%

Тип β , встреченный в 50%, который должен был бы фигурировать как $2el$, просто выброшен из этих уравнений.

В последних работах комбинации признаков, выделенные при помощи коэффициента сходства, определяются сразу сложными формулами, что не оправдывается даже призраком объективности и явно диктуется потребностью подстановки в формулу. В работе Ендыка о салтовских черепах¹ одна из групп, составленная из девяти черепов, определена формулой $\rho + \lambda + \omega + \delta$. Данная работа интересна одной комической подробностью. Первоначально распределение было получено следующее (в %):

$$\begin{array}{l} \varepsilon = 13.16\% \\ \alpha + \iota = 42.11 \\ \rho + \lambda + \gamma = 21.05 \\ \rho + \chi + \omega + \delta = 23.68 \end{array}$$

При составлении уравнений Ендык по небрежности перепутал свободные члены, и система выглядит у него так:

$$\begin{array}{ll} e^2 = 0.1316 & \text{откуда } e = 0.3627 \\ a^2 + 2ae = 0.2368(!) & a = 0.2443 \\ l^2 + 2al + 2el = 0.2105 & l = 0.1539 \\ h^2 + 2ha + 2he + 2hl = 0.4211(!) & h = 0.2391 \end{array}$$

Сумма 1.0000

Несмотря на грубый недосмотр, сумма получилась равной единице с точностью до одной десятичной! В этом факте близости сумм к единице Чекановский и его последователи видят подтверждение правильности вышеприведенной генетической гипотезы. Случай с Ендыком наглядно демонстрирует значение этого доказательства. Ниже, давая общую характеристику математических приемов Чекановского, мы покажем, почему у него и должна часто получаться единица. Здесь же отметим, что количество примеров, аналогичных предыдущим, можно увеличить во много раз, но мы ограничимся еще одним, на котором

¹ R. Jędyk. Czaszki Alanskie z VII—IX wieku. Kosmos. Serje A, tom IV, Z. I—II, Lwów, 1930.

Чекановский пытается показать, что польская шляхта богаче представителями северной расы, чем украинские «хлопы» той же местности. Известно, что Рутковский, Олехнович и Талько-Гринцевич, если и обнаруживали разницу в расовых признаках между «хлопами» и шляхтой, то скорее в пользу большей короткоголовости последней (впрочем, тоже не больше, чем на единицу указателя). Чекановский, исследовав 15 польских шляхтичей и 18 украинских крестьян, нашел, что первые несколько более длинноголовы, но, вместе с тем, гораздо более широколицы и широконосы. Принимая во внимание ничтожное количество наблюдений, о существенной разнице вообще говорить не приходится. Но если она и есть, то она легко объясняется корреляцией с национальными различиями. При этом форма лица совсем не характеризует шляхтичей как более северную группу. Все же Чекановский непременно хочет сделать их таковыми. Первоначальный анализ дал:

Таблица 7

Расовый тип	Польская шляхта	Украинские «хлопы»*	Все
Северный (α)	13.33	16.67	15.15
Северо-западный (ε + ι)	20.00	5.56	12.12
Подсеверный (γ)	40.00	22.22	30.30
Лапоноидно-преславянский (λ + β)	20.00	27.78	24.24
Арменоидный (Ζ + ϑ + ω + ρ)	6.67	27.78	18.18
Число наблюдений	15	18	33

Для всей серии в целом система уравнений выглядит так:

$$\begin{array}{ll}
 a^2 = 0.1515 & \text{откуда } a = 0.389 \\
 e^2 + 2ea = 0.1212 & \text{'' } e = 0.133 \\
 l^2 + 2el = 0.2424 & \text{'' } l = 0.377 \\
 h^2 + 2ha + 2he + hl = 0.1818 & \text{'' } h = 0.096.
 \end{array}$$

Подсеверный компонент исключен из подсчета.

Для шляхетской группы система уравнений выглядит иначе:

$$\begin{array}{ll}
 a^2 + 2ac + e^2 = 0.3333 & \text{откуда } a = 0.514 \\
 l^2 + 2la + lc = 0.6000 & \text{'' } e = 0.063 \\
 2al = 0.4000 & \text{'' } l = 0.389 \\
 h^2 + 2ha + 2hl = 0.0667 & \text{'' } h = 0.034
 \end{array}$$

Здесь подсеверный компонент фигурирует два раза (во втором и в третьем уравнении). Для «хлопов» система уравнений вообще не приведена, и дается только результат, согласно которому распределение основных типов у них показывает значительно меньший процент северного типа.

$$\begin{array}{l}
 a = 29.3 \\
 e = 17.8 \\
 l = 37.9 \\
 h = 15.0
 \end{array}$$

Не трудно убедиться, что если бы удельный вес северной расы у шляхты и «хлопов» определялся по той же формуле, что и для сум-

марной группы, то мы получили бы для шляхты 36.5%, а для хлопков 40.8% северной расы.

Вообще математическая обработка материала стоит у Чекановского на низком уровне. Качество его статистической работы можно показать на множестве примеров. Достаточно остановиться лишь на нескольких. В первую очередь мы рассмотрим способ эмпирической проверки или доказательства закона частот расовых типов, о котором уже была речь выше. Наш выбор объясняется тем, что, во-первых, школа Чекановского придает этому приему очень большое значение, а во-вторых, математическая несостоятельность этого приема Чекановского менее очевидна, чем несостоятельность других приемов. Может даже создаться впечатление, что сама по себе методика Чекановского в данном случае непорочна и что спор с Чекановским в этой плоскости может идти лишь о том, насколько правильно он применяет свою методику. Но если было показано, что для проверки своего закона частот расовых типов Чекановский делает самые необоснованные расчеты, доходя до форменной подтасовки цифр, то это, конечно, лишает его аргументацию значения, но оставляет нетронутым самый метод. Поэтому может возникнуть соблазн применить методику Чекановского для решения какого-либо другого вопроса, не вызывающего тех сомнений, которые имеются по отношению к поставленной Чекановским задаче. Таким образом, представляется необходимым показать глубокую внутреннюю порочность применяемого Чекановским метода доказательства соответствия эмпирических данных теоретическим. Задача Чекановского в математической формулировке заключается в следующем. Даны уравнения:

$$\begin{array}{ll} x^2 = a_{11} & xz = a_{13} \\ y^2 = a_{22} & xu = a_{14} \\ z^2 = a_{33} & yz = a_{23} \\ u^2 = a_{44} & yu = a_{24} \\ xy = a_{12} & zu = a_{34}, \end{array}$$

причем

$$a_{11} + a_{22} + a_{33} + a_{44} + 2a_{12} + 2a_{13} + 2a_{14} + 2a_{23} + 2a_{24} + 2a_{34} = 1.$$

Требуется определить x , y , z и u . Мы видим, что неизвестных 4, а уравнений 10 (иногда уравнений получается меньше 10, но во всяком случае больше 4). Вообще говоря, эти уравнения несовместимы: например, если взять первые четыре уравнения и определить из них x , y , z и u , то полученные таким образом значения неизвестных не обращают остальные уравнения в тождества.

Можно взять еще какие-нибудь четыре уравнения, и они дадут новую систему значений неизвестных, которая, однако, не будет удовлетворять остальным уравнениям и т. д.

Можно далее сложить несколько уравнений и образовать четыре новые уравнения и таким образом получить новую систему решений. Таким образом можно, вообще говоря, предложить множество систем решений. Какую же из всех возможных систем предпочесть?

Теория вероятностей предлагает найти наиболее вероятную систему значений x , y , z и u . Эта система, может быть, не будет удовлетворять ни одному частному уравнению. Но она будет заключать такие значения, чтобы вычисленные по ним величины x^2 , y^2 , ..., xu и т. д. в целом по возможности близко подойдут к эмпирическим величинам

$$a_{11}, a_{22}, \dots, a_{12},$$

при этом величина, характеризующая расхождение эмпирических значений с теоретическими, может служить критерием годности проверяемой гипотезы, т. е. гипотезы, исходя из которой составлены отдельные уравнения. Математика предлагает для этой цели ряд приемов, и если их отвергать, то, конечно, нужно мотивировать отказ и заменить их чем-то более совершенным. Однако Чекановский вовсе не упоминает об этих приемах. Вместо этого он действует без всякой мотивировки, чрезвычайно примитивно. Он просто отбрасывает часть своих уравнений (и делает это так, как ему в отдельных случаях кажется наилучшим), а затем из оставшихся уравнений образует четыре суммарных, складывая по два, по три, чтобы получить из них одно, или же оставляя некоторые неизменными. Таким образом, он получает систему четырех уравнений, действуя при помощи отбора или суммирования, никак не обосновывая ни одной из этих операций. Решая одну из громадного количества систем, которые можно получить теми же способами, но при других группировках тех же уравнений, Чекановский находит такие значения x, y, z и u^1 что их сумма дает число, близкое к единице. И если он получил единицу, то считает, что тем самым получилось доказательство соответствия эмпирических и теоретических данных и что, следовательно, его расовый закон осуществился или подтвердился.

Прежде всего, мы отметим, что со статистической точки зрения вовсе не в пользу теории говорит то, что Чекановский всегда получает желанную единицу. Если сумма $a + e + h + l$ величина статистическая, то крайне мало вероятно, чтобы при сравнительно небольших численностях и большой величине статистической ошибки (которая равна среднему квадрату ошибок a, e, h и l , причем ошибки этих величин зависят от степени сложности расчетов, из которых они получены) эта сумма была бы так устойчива. Чекановский дает такую сводку (не учитывая, что эта сводка ослабляет его позицию):

Величина $a + e + h + l$	Число раз, когда получалась такая величина
99.4	1
99.8	1
100.0	2
100.1	1
100.2	1
100.4	2
100.5	1

Столь малая дисперсия средних, какая получилась у Чекановского, так же мало вероятна, как например, маловероятно при бросании монеты по 100 раз получать при 10-кратном опыте каждый раз не более 51 и не менее 49 решеток. Это только доказывает неправильность и неслучайность бросаний. Точно так же приведенная таблица показывает, что Чекановский сознательно стремился получить эту единицу.

Уже указывалось (Швиденская), что всегда можно получить систему уравнений, которая приводила бы сумму неизвестных в приведенных в них уравнениях к единице. Такую систему можно получить не только для гипотезы четырех исходных рас, но и для большего их числа, а также для трех и даже двух рас. Следовательно, по способу Чекановского с одинаковым успехом можно доказать наличие трех и

¹ В его символах: a, e, h и l .

четырёх и пяти и скольких угодно исходных типов и соответствующего числа смешанных рас. Не повторяя рассуждений Швиденкой, покажем, что систем, которые приводят к решению, дающему равенство неизвестных единице, не одна, а большое множество и что вероятность получить такую систему при первой же попытке очень высока.

Примеры Чекановского можно разбить на две группы, в одних случаях большая вероятность получения им единицы совершенно очевидна, в других случаях доказать, что эта вероятность велика — несколько сложнее, но во всех случаях соответствие эмпирических данных с вычисленными им теоретическими значениями с точки зрения теории вероятности крайне плохое. Мы разберем по одному примеру в каждой группе случаев.

Для примера 1-й группы случаев возьмем «анализ» антропологического состава женского населения в окрестностях Кракова.

Чекановский дает такие цифры:

$$a^2 = 0.0353$$

$$e^2 = 0.0588$$

$$h^2 = 0.0706$$

$$e^2 + 2ea + 2el + 2hl = 0.6741$$

В данном примере почти очевидно, что по методу Чекановского даже трудно ожидать других решений, кроме тех, которые дают сумму, близкую к единице. В самом деле, если мы сложим все 4 уравнения, то получим 0.8388, т. е. величину, очень близкую к единице. Но даже Чекановскому, при всей его малой математической вооруженности, ясно, что, если:

$$a^2 + e^2 + h^2 + l^2 + 2al + 2ae + 2ah + 2el + 2lh + 2eh = 1, \quad (*)$$

то, объединив слагаемые в левой части, в 4 любые группы, мы получим относительно a , e , h и l систему уравнений, которая даст значения a , e , h и l , удовлетворяющие условию $a + e + h + l = 1$. Ничего кроме тривиального математического свойства алгебраических многочленов эта возможность не обнаруживает.

Если мы теперь обратимся к равенству (*) (или аналогичному равенству, составленному для любого многочлена) и отнимем по немногу из обеих его частей, то равенство неминуемо нарушится, оно обратится в приближенное равенство, а именно получится:

$$(a + e + h + l)^2 - \Delta_1 = 1 - \Delta_2,$$

или

$$(a + e + h + l)^2 \cong 1 - (\Delta_2 - \Delta_1) = 1 - \Delta, \quad (**)$$

де Δ величина малая, меньше чем Δ_2 .

Приближенное тождество (***) будет обладать теми же свойствами, что и тождество (*), только эти свойства будут осуществляться не вполне строго. Как раз это и получилось в приведенном выше примере, где $\Delta_2 = 0.1612$, Δ много меньше этой величины, так что равенство (***) в этом случае очень близко к равенству (*), а потому и получилось, что сумма $a + e + h + l$ почти равна единице.

Примеров, подобных приведенному, у Чекановского много. Ясно, что они не обладают никакой доказательной силой.

Но у Чекановского есть и другие примеры, которые не похожи на рассмотренный и которые мы относим ко второй группе примеров. Ино-

гла у него получается, что $a + e + h + l = 1$, даже если он отнимет от общей суммы большие части.

Это, например, имеет место при анализе швейцарских черепов. В этом случае берется система уравнений:

$$\begin{aligned} a^2 &= 0.217 \\ h^2 &= 0.051 \\ l^2 &= 0.073 \\ e^2 + 2ac + 2hl &= 0.051, \end{aligned}$$

так что сумма правых частей уравнений равна всего 0.392, и тем не менее $a + e + h + l = 0.998$.

Конечно, то, что и в данном случае тоже получилась единица, совсем не говорит о соответствии «теории» действительности, так как величины отклонений эмпирических чисел от теоретических весьма значительны. Это видно из следующих сопоставлений, производимых нами по материалам Чекановского:

Таблица 8

Расовые типы	Ожидаемые числа	Эмпирические числа	Разница
Субиордический тип	113	63	-50
Тип свайных построек	9	68	+59
Альпийский тип	95	128	+33
Дьянарский тип	54	16	-38

Видно, что отклонения достигают совершенно невозможного размера. Например, по типу свайных построек разница превышает теоретическое число в 6 с лишним раз. Если в качестве меры совпадения использовать χ^2 , то, даже полагая, что по непредвиденным 6 типам будет полное совпадение, мы найдем для χ^2 величину 450. Достаточно было бы, чтобы χ^2 было в 10 раз меньше, и тогда уже вероятность испытываемой гипотезы была бы меньше 0.000001. Нет никаких сомнений, что наблюдения абсолютно не согласуются с теорией. Всякому знакомому с современными методами математической статистики это настолько очевидно, что распространяться на эту тему излишне. Но тем не менее возникает вопрос, почему же в этом случае, как и в массе других, достигнуто равенство $a + e + h + l = 1$? Если оно появилось как здесь, так и во многих других случаях, то такое совпадение, может сказать Чекановский, не случайно, и значит оно указывает на какую-то закономерность. Действительно, это происходит не случайно. Это происходит от того, что Чекановский сам этого хочет.

Достаточно показать, что Чекановскому вообще не приходится очень много трудиться, чтобы найти такую систему уравнений, которая давала бы результат, близкий к нужному ему, ибо вероятность случайно напасть на одну из множества таких систем очень велика. Его расчеты по существу не что иное как математический фокус. Чтобы яснее показать это, мы предложим другой фокус, основанный на том же принципе, но более наглядный. Пусть читатель назовет наугад три раз-

ных числа, сумма которых равнялась бы 1. Оказывается, что эти три числа почти всегда (во всяком случае очень часто) представляют распределение генотипов в популяции при равновесии по закону Гарди (по формуле $p^2 Aa + 2pq Aa + q^2 aa = 1$). Условимся только, что наличие распределения мы будем считать доказанным, если после того, как мы определим по заданным числам концентрации каждого аллеломорфа (p и q), сумма таких концентраций $p + q$ будет лежать в пределах от 0.9 до 1.1, т. е. в пределах, которые, учитывая статистические ошибки, условимся пока считать допустимыми.

Наши товарищи по работе назвали нам, например, в числе прочих троек чисел такие: 1) 0.37; 0.51 и 0.12; 2) 0.30; 0.60 и 0.10; 3) 0.01, 0.20 и 0.79. Можно взять сколько угодно троек разных чисел; данные величины приводятся только для иллюстрации.

Примем, что средние числа относятся к гетерозиготам. Тогда для первой тройки чисел имеем:

$$p^2 = 0.37; q^2 = 0.12.$$

Откуда $p = 0.61$ и $q = 0.35$. Сумма $p + q = 0.96$. Закон Гарди „осуществился“.

Возьмем вторую тройку чисел и полагаем:

$$p^2 = 0.30 \text{ и } 2pq = 0.60.$$

Отсюда $p = 0.55$; $1.1q = 0.6$ и $q = 0.54$; таким образом $p + q = 1.09$. Закон опять „осуществился“.

Наконец в 3-м случае примем

$$q^2 = 0.79 \text{ и } 2pq = 0.20,$$

так что $q = 0.89$; $p = 0.11$ и $p + q = 1$.

Единственное условие, которое мы здесь, быть может незаметно для читателя, ввели, заключается в том, что мы ни в одном случае не приняли за число гетерозигот наименьшее из трех чисел (это формуле Гарди противоречило бы).

Прежде чем дать математическую формулировку и доказательство иллюстрированному положению, отметим, что в действительности не все приведенные числа близки к распределению Гарди. Например, в 1-й тройке «теоретическое» число гетерозигот ($2pq$) = 0.43 далеко не совпадает с «эмпирическим», равным 0.51. Расхождение около 25%.

Как видно, дело в том, что принятое доказательство соответствия, по которому сумма p и q лежит в пределах от 0.9 до 1.1, по существу никаким доказательством не является.

Приводим расчет вероятности «осуществления» закона Гарди при трех произвольно данных числах.

Пусть даны три равновероятные числа a , b и c , так что $a + b + c = 1$, при том $a < b$ и $a < c$, так что $a < 1/3$.

Определим вероятность того, что по крайней мере одна из трех систем уравнений

$$\begin{aligned} 1) p^2 &= a, & q^2 &= c \\ 2) p^2 &= a & 2pq &= b \\ 3) q^2 &= c & 2pq &= b \end{aligned}$$

даст сумму корней, лежащих в пределах от 0.9 до 1.1. Задача сводится к определению вероятностей осуществления трех неравенств, соответствующих трем системам уравнений.

Для первой системы неравенство имеет вид:

$$0.9 \leq \sqrt{a} + \sqrt{c} \leq 1.1, \quad (1)$$

причем

$$2a + c \leq 1. \quad (2)$$

Знаменателем искомой вероятности является число всех возможных пар значений a и c , удовлетворяющих условиям (1) и (2). Оно лежит внутри площади трапеции, образованной осями координат, прямой $2x + y = 1$ и прямой $x = \frac{1}{3}$.

Эта площадь равна

$$\int_0^{\frac{1}{3}} (1 - 2x) dx = 0.22.$$

Числитель вероятности равен множеству значений a и c , лежащих в полосе между кривыми $y = 1.21 - 2.2x^{\frac{1}{2}} + x$ и $y = 0.81 - 1.8x^{\frac{1}{2}} + x$ в той ее части, которая проходит по трапеции знаменателя.

Эта площадь равна

$$0.4 \int_0^{0.53} (1 - x^{\frac{1}{2}}) dx = 0.084.$$

Искомая вероятность равна

$$p_1 > 0.084 : 0.22 = 0.38.$$

Вторая система уравнений приводит к задаче определения вероятности осуществления неравенства

$$0.9 \leq \sqrt{-a} + \frac{b}{2\sqrt{a}} \leq 1.1.$$

Рассуждая аналогично предыдущему, найдем, что эта вероятность

$$p_2 > \frac{0.4 \int_0^{0.21} x^{\frac{1}{2}} dx + \int_{0.21}^{0.31} (1 - 2x) dx - \int_{0.21}^{0.31} (1.8x^{\frac{1}{2}} - 2x) dx}{\int_0^{0.33} (1 - 2x) dx} = 0.15.$$

Наконец третья система приводит к определению вероятности неравенства

$$0.9 \leq \sqrt{c} + \frac{b}{2\sqrt{c}} \leq 1.1$$

и равна

$$p_3 = \frac{0.3 \int_0^{0.59} x dx + \int_{0.38}^1 (1-x) dx - \int_{0.38}^1 (1.7x^{1/2} - 2x) dx}{\int_0^1 (1-x) dx} = 0.86.$$

Вероятность осуществления по крайней мере одного из трех неравенств

$$p = p_1 + p_2 + p_3 - p_1p_2 - p_1p_3 - p_2p_3 + p_1p_2p_3.$$

Следовательно, $p > 0.69$.

Таким образом, даже три произвольные числа довольно часто близко подходят к равновесному распределению генотипов в популяции, если пользоваться критерием Чекановского; тем более просто «доказать» равновесное распределение для 10 чисел, которыми пользуется Чекановский.

Метод Чекановского доказывает существование и двух рас. Он может одновременно доказать существование и трех и четырех и пяти рас, другими словами, он ничего не доказывает.

Другие математические приемы, применяемые Чекановским, не заслуживают такого пространного рассмотрения, так как обычно они представляют собой нарушение самых элементарных правил статистики. Что, например, представляет собой его индекс расового сходства? Это карикатура на ранговый коэффициент корреляции. Чекановский берет 4,5 или 6 количественных признаков и определяет корреляцию между двумя расами по числам, относящимся к этим признакам, по формуле:

$$R_{x;y} = 1 - \frac{6 \sum (l_i - l_j)^2}{n(n^2 - 1)}.$$

Он берет такие признаки, как головной индекс, носовой индекс, величина тела и др.; большая часть этих признаков находится в корреляции друг с другом, тогда как метод предполагает независимость отдельных значений переменных. Число рангов настолько мало, что статистическая ошибка по необходимости очень велика. Поэтому разница между ранговыми коэффициентами не может быть реальной, и самые коэффициенты вообще не дают определения степени сходства между расами.

Точно так же совершенно абсурден прием проверки того же закона частот расовых типов сравнением теоретических средних для популяций с эмпирическими средними по формуле, выдуманной для этого Чекановским. По его мнению, средняя для популяции по количественному признаку, например, росту (по Чекановскому выходит, что средний рост — это есть расовый признак, определяемый плейотропным расовым геном) должна выражаться формулой:

$$M = aM_a + hM_h + eM_e + lM_l + ah(M_h - M_a) + al(M_l - M_a) + ae(M_e - M_e),$$

где a , h , e и l — концентрации генов A , H , E и L , aM_a , M_h и т. д. — средние для чистых рас, т. е. для генотипов AA , HH и т. д., причем H доминирует над A , и L доминирует над E . Формула Чекановского

вовсе не будет средней, так как сумма весов в ней; $a + e + l + h + c(h+l+e) > 1$, так что его формула даже не отвечает формуле средней. Но если уже вычислять среднюю, то весами при M_1, M_2, \dots и т. д. должны быть численности соответствующих генотипов, т. е. $a^2, h^2, \dots, 2ah$ и т. д.

Все это настолько элементарно, что не нуждается ни в каком развятии. Не приходится удивляться, что наблюдения самого Чекановского подтвердили при помощи разбираемой формулы его закон, так как он вообще приспособливает формулы к наблюдениям. И совершенно естественно, как указывает та же Швидецкая, что в других случаях его формула резко расходится с действительностью.

Наши замечания по поводу генетики и математической статистики Чекановского по необходимости не полны. Чтобы сделать их полными, нужно было бы изложить в большом объеме методы генетики и статистики и против каждого важнейшего отдела приводить из Чекановского примеры, как не надо делать. Такого труда работы Чекановского не заслуживают.

Мы охарактеризовали методы Чекановского вовсе не потому, что этот автор заслуживает какого-либо особого внимания. Чекановский — только один из многих, фальсифицирующих науку в угоду своим хозьявам, нуждающимся в «научном» обосновании своего господства.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие редактора	4
В. В. Бунак. Раса как историческое понятие	5
М. А. Гремяцкий. Признаки „высших“ и „низших“ рас и антропогенез	47
Я. Я. Рогинский. О психотехническом исследовании разных племен и народов	81
Г. Ф. Дебец. Расы, языки, культуры	105
А. М. Золотарев. Расовая „теория“ и этнография	123
С. П. Толстов. Расизм и теория культурных кругов	137
Г. Ф. Дебец и М. В. Игнатьев. О некоторых вариационно-статистических „методах“ расового анализа в буржуазной антропологии	171

Технический редактор В. Н. Яроцкий

Корректор С. И. Жидовский

Сделано в набор 26/XI 1937 г. Подписано к печати 26/XI 1938 г. 194 стр. Формат 70×108 1/16. Объем 12 1/2 п. л.
 В 1 п. л. 54000 печ. зн. Тираж 4000 экз. Уполн. Главлита Б-40018. АНИ № 498. Заказ № 5840
 Цена 6 р. 50 к. Перепл. 2 р. 50 к.

Типо-литография им. Вороного, Москва, ул. Державинского, 18